

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ И ВЛАСТЬ

№ 2 2020

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 18.05.2020 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 11,2. Тираж 500 экз.

Заказ № 87/170.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Зырянов Сергей Григорьевич,
Лукин Анатолий Николаевич**
Роль формальных и неформальных
институтов в развитии
гражданского общества..... 7

Маринофф Лу (Marinoff Lou)
Гуманитарная терапия
как средство защиты от вредных
воздействий технообщества 19

ВЛАСТЬ

Головин Михаил Сергеевич
Теоретические аспекты
и дискурсивная практика
праворадикальной идеологии
в политических процессах
современной Европы..... 29

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ершов Юрий Геннадьевич
К вопросу о поправках
в Конституцию
Российской Федерации — 2020 41

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов** — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понеделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина** — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский** — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова** — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин** — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева** — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ**Нестерова Кристина Владимировна**

Особенности денежно-кредитной политики в условиях низких ставок50

**Артемова Ольга Васильевна,
Савченко Анастасия Николаевна**

Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации65

КУЛЬТУРА

Скиперских Александр Владимирович

Интеллектуалы и политический дискурс сопротивления (зарисовки русской культуры).....80

Богданова Вероника Олеговна

Мировоззренческие установки экзистенциального психотерапевта (по материалам семинара Римаса Кочюнаса «Картина человеческой жизни и терапевтического процесса: введение экзистенциального психотерапевта»).....90

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Борисов Сергей Валентинович

Эссе о хвостах, соединяющих нас с миром и друг с другом: большая философия в одном маленьком рассказе (под впечатлением и по мотивам книги: Tillmanns, M. (2019). Why We Are in Need of Tails, ill. by B. Thornley. Toronto, Iguana Books, 35 p.).....102

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:
09.00.01 — Онтология и теория познания.
09.00.03 — История философии.
09.00.04 — Эстетика.
09.00.05 — Этика.
09.00.07 — Логика.
09.00.08 — Философия науки и техники.
09.00.11 — Социальная философия.
09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 126.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

**Русаков Василий Матвеевич,
Русакова Ольга Фредовна**

Рецензия на книгу И. Б. Фан «Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы». Екатеринбург: Урал. Ин-т управления — филиал РАНХиГС, 2018..... 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экспертный клуб Челябинска. Предложения Президента по изменению Конституции Российской Федерации: причины, содержание поправок и их последствия 112

Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов)..... 124

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 18.05.2020.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 11,2. Issues — 500.
 Order № 87/170.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Sergey G. Zyryanov,
 Anatoly N. Lukin**

Role of formal and informal institutions
 in the civil society development 7

Marinoff Lou

Humanitarian therapy as a means
 of protecting against detriments
 of technological community 19

POWER

Mikhail S. Golovin

Theoretical aspects
 and discursive practice of the right-wing
 ideology in the political processes
 of modern Europe 29

STATE AND LAW

Yuriy G. Ershov

On the issue of amendments
 to the Russian Federation
 Constitution — 2020 41

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Kristina V. Nesterova

Monetary policy special features
in the context of low interest rates50

Olga V. Artemova,

Anastasia N. Savchenko

Inhomogeneity of the regional space
and its impact on the population
life quality in the constituent entities
of the Russian Federation65

CULTURE

Aleksandr V. Skiperskikh

Intellectuals and political discourse
of resistance (sketches
of Russian culture)80

Veronika O. Bogdanova

The worldview attitudes
of an existential psychotherapist
(based on the seminar of Rimantas Kociunas
“The picture of human life
and the therapeutic process:
introduction of an existential
psychotherapist”).....90

CRITICISM AND REVIEWS

Sergey V. Borisov

An essay on the tails connecting us
with the world and with each other:
a great philosophy in one short story
(inspired and based on the book:
Tillmanns, M. (2019). Why We Are
in Need of Tails, ill. By B. Thornley.
Toronto, Iguana Books, 35 p.).....102

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 126.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

**Vasily M. Rusakov,
Olga F. Rusakova**

Review of I.B. Fan's book
"Political ontology of a Russian citizen:
content versus form". Ekaterinburg:
Ural Institute of Management —
RANEPA branch, 2018107

SCIENTIFIC LIFE

Chelyabinsk Expert Club.
The President's proposals for changing
the Constitution: reasons,
the amendments content
and their consequences112

Price of the Victory: what students
of Russia remember and know
about the Great Patriotic War
(the fourth wave of the federal project
of the Russian Society of Sociologists).....124

Для цитирования: Зырянов С. Г.,
Лукин А. Н. Роль формальных и неформальных
институтов в развитии
гражданского общества //
Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-7-18.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-7-18

УДК 1.091; 316.3

РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, директор,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В наши дни не прекращаются научные дискуссии по поводу специфики и перспектив формирования гражданского общества в России. Институциональный подход позволяет взглянуть на эту проблему сквозь призму существующих в обществе формальных и неформальных институтов. Нельзя сосредотачивать внимание исследователей и практиков только на нормах права, официальных предписаниях и распоряжениях, задающих рамки взаимодействия власти и граждан, продвижения частных инициатив, реализации прав и свобод населения. Если они не соответствуют сложившимся нормам, стереотипам, образам мышления и действий, то самые полезные, на первый взгляд, инновации в политической и социальной сфере могут не приживаться. Это не означает тем не менее, что неформальные институты остаются неизменными при любых обстоятельствах. Они тоже эволюционируют. На этот процесс можно целенаправленно воздействовать, пытаться управлять им. Это важно понимать всем акторам, принимающим участие в судьбе гражданского общества в современной России.

Ключевые понятия:

гражданское общество,
государство,
формальные институты,
неформальные институты.

Введение

Институциональный подход находит всё более широкое применение в исследованиях самых разных объектов социальной действительности и уже давно доказал свою эффективность. Он продуктивно используется философами, историками, политологами, социологами, культурологами и экономистами. В рамках этого подхода в качестве института как объекта научного исследования могут выступать: 1) формальные и неформальные правила и нормы; 2) устоявшиеся образцы поведения, социальные стереотипы, написанные правила взаимоотношений людей; 3) ментальные образы и представления.

Среди основоположников институционального подхода можно отметить интересные работы Д. Норта, Т. Веблена, У. Митчела, У. Гамильтона и др. Они указывали на то, что институты делают поведение людей шаблонным, предсказуемым для социального окружения, что весьма важно для осуществления совместной человеческой деятельности [19]. Как отмечал лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт, для обеспечения внедрения инноваций в какой-либо сфере жизни общества нужно обеспечить соответствующие изменения институциональной системы. Иначе велики риски не получить ожидаемых эффектов. Для этого необходимо обладать исчерпывающей объективной информацией о наличествующих в социуме формальных и неформальных институтах. Институты, по мнению Д. Норта, — это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения, правила повседневных практик) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие [15]. Социальные группы, организации и индивиды подобны игрокам, участвующим в игре по правилам, которые как раз и заданы институтами. Правила, конечно, тоже меняются, но не так уж часто, и крайне редко это происходит одновременно. Кроме того, не умея управлять институциональными изменениями, провоцируя их необдуманно и неуклюже, можно не просто не получить ожидаемых результатов, но даже вызвать деструктивные процессы в обществе. Провал попытки реализации в Советском Союзе проекта социально-экономических изменений под названием «Перестройка» и его катастрофические для страны последствия — тому наглядное подтверждение.

Классический вариант институционального подхода ориентирован на изучение

политических организаций и формально-юридических норм в качестве институтов, регулирующих в социуме взаимоотношения между индивидами и социальными группами. В фокусе его внимания находятся также социальные нормы, продуцируемые социальными системами и формирующие модели поведения личности в социуме. В трудах представителей появившегося позже неоинституционализма институты выступают как совокупность норм и правил, генерируемых людьми в процессе интеракций, часто насаждаемых теми социальными актёрами, которые являются обладателями значительного социального капитала, в том числе символического, приводящих в порядок взаимоотношения людей [16]. В нормальном состоянии социума институты препятствуют процессам хаотизации, увеличивая уровень порядка в обществе. Однако при определённых обстоятельствах они могут тормозить необходимые позитивные для социума перемены. Для его устойчивого функционирования в нём должны сочетаться как традиционные, так и инновационные институты. При проведении реформ должны предусматриваться и осуществляться институциональные изменения. Однако если формальные правила можно поменять быстро, то неформальные институты могут быть весьма устойчивыми. А те из них, которые укоренены в ментальном слое культуры или даже сакрализированы, могут сохраняться даже вопреки стремлению реформаторов их разрушить и заменить. Более того, покушение на глубинный пласт неформальных правил может привести к возникновению раскола общества. Примером тому могут служить религиозные реформы (например, европейская средневековая Реформация, отколовшая от католицизма протестантов), а также все известные нам революции нового времени.

Институты обуславливают характер взаимоотношений людей, создают матрицу повседневной жизни, повышают уровень определённости, формируют спектр социальных возможностей, имеющихся у каждого человека. Особый интерес исследователей вызывают субъекты, оберегающие или, напротив, реформирующие институты, а также характер и последствия институциональных изменений. Социальные процессы, согласно этому подходу, в значительной степени причинно обусловлены социальной памятью. Выбор вектора социальных изменений всегда связан с учётом влияния прошлой траектории развития. Одни и те же преобразования, проводимые в обществах,

существенно отличающихся своими неформальными институтами, приводят к принципиально разным результатам. На важность баланса инерционных и инновационных факторов в теории развития в частности указывает Б. В. Корнейчук [11].

В социуме постоянно происходит воспроизводство исторически сложившейся в нём институциональной системы с постепенными изменениями в ней. Институты глубинного уровня (ментальные нормы и ценности) отличаются высокой устойчивостью. Гораздо более высокая динамика присуща институтам поверхностного уровня. В неинституционализме принято считать, что есть гетерономные общества, для которых характерна сакрализация институтов глубинного уровня, и автономные общества, в которых роль творца норм, правил и образцов поведения приписывается человеку. Поэтому изменчивость институтов автономного общества гораздо выше чем в гетерономном [10]. Западные демократии принято относить к автономному типу общества. Впрочем, и в них всё ещё можно встретить элементы сакрального пласта культуры, который хоть и сокращается, как шагреневая кожа, но всё же в некоторой степени влияет на функционирующие институты. Например, конституционная монархия как форма правления в Великобритании — это не просто рудимент прошлого или дань традиции, она играет важную роль в институциональной системе британского общества.

При исследовании процесса институализации гражданского общества в России необходимо учитывать как влияние принимаемых властью законов и устанавливаемых официальных предписаний, так и множество неформальных правил, норм и стереотипов, наличествующих в данном социуме, которые, в свою очередь, могут быть локальными или универсальными. Нужно отдавать себе отчёт и в том, что теоретическая модель гражданского общества может существенно отличаться от того, что возникает в конкретном социуме с его разветвлённой системой неформальных институтов. Как отмечают некоторые эксперты, есть определённый набор характеристик модели «идеального» гражданского общества, присущей западным демократическим странам, который при наложении её на культурно-историческую специфику других социумов обнаруживает, во-первых, многообразие форм гражданских отношений [2], во-вторых, фиксирует существенные отличия в его характеристиках. Это во многом объясняет отсутствие в мире общепризнанного

концепта гражданского общества. Отсюда и непрекращающиеся в научной среде споры по поводу того, должна ли Россия ориентироваться на западную модель развития гражданского общества либо нужно искать свой особый путь, сочетающий как зарубежный опыт, так и специфику культуры и истории российского общества [7].

Гражданское общество не только формируется под воздействием сложившихся в социуме формальных и неформальных институтов. Однажды возникнув, оно начинает активно генерировать собственные неформальные институты. Кроме того, оно, оказывая фактом своей деятельности влияние на правящую элиту, в определённой степени влияет и на эволюцию формальных институтов.

Будучи важным элементом социума, гражданское общество, на наш взгляд, не может рассматриваться как некая однородная его подсистема из-за того, что разные структуры, акторы гражданского общества в процессе своей деятельности реализуют несовпадающие друг с другом частные групповые интересы, которые постоянно вступают между собой в отношения конфликта интересов, а порой и антагонизма. Довольно часто исследователями, пусть неосознанно, рисуется благостная картина гражданского общества, выступающего за всё хорошее. На самом деле в отношении между акторами гражданского общества могут быть остро конфликтными и агрессивными, а регулирует эту стихию конфликтов, выступая арбитром, государство с помощью норм права.

В российском обществе, например, есть некоммерческие организации, находящиеся в жёсткой оппозиции к нынешней власти, в то время как значительная часть НКО активно сотрудничает с правящей элитой. Тем не менее сам факт наличия в нашей стране сложного по своей структуре гражданского общества открывает возможность членам российского социума влиять на эволюцию институциональной системы общества.

1. Гражданское общество как генератор правил и норм

Каждый системно мыслящий исследователь отдаёт себе отчёт в том, что любой элемент социальной системы выполняет в ней определённую функцию. Общепринято, что гражданское общество возникает в процессе самоорганизации людей для защиты их частных интересов. Институциональный подход позволяет выявить у гражданского общества функцию генерирования неформальных правил и норм, регулирующих

поведение людей внутри структур гражданского общества, их отношение как к органам государственной власти, так и друг к другу, а также к событиям политической, экономической, духовной и социальной жизни. Как отмечает последовательный сторонник применения в ходе научного анализа институционального подхода в экономике А. А. Азуан, главная функция гражданского общества — это установление взаимных прав, т. е. определение того, какие права должны быть приняты и как этими правами обмениваться [1]. Когда государство занимается этим самостоятельно, оно часто вынуждено использовать принуждение для навязывания другим элементам социума своей воли. Однако издержки применения принуждения в современном мире слишком высоки. Это делает невозможным или, по крайней мере, неэффективным самостоятельность государства в этой области. В качестве примера можно вспомнить процесс внедрения в деловую практику России в 2015 г. системы контроля «Платон» для взимания платы с водителей грузовиков в счёт возмещения вреда, причиняемого автомобильными дорогам. Социальные протесты по поводу этого решения заставили власть приостановить запуск системы «Платон», а потом существенным образом её переформатировать. При этом были весьма велики имиджевые потери ряда ответственных правительственных чиновников. Таким образом, обращение к гражданскому экспертному сообществу, обоснование проектов законов или других резонансных для граждан решений — это не акт доброй воли со стороны структур власти, а, скорее, свидетельство её благоразумия. Нам представляется, что приведённый пример весьма очевидно показывает влияние гражданского общества не только на неформальные институты, но и на формальные. Не случайно многие резонансные законы в наши дни заранее выносятся на общественное обсуждение и принимаются только после внесения в них предложенных гражданским обществом изменений. Возможности правящей политической элиты устанавливать свои правила игры по-прежнему велики, но они постоянно оспариваются гражданским обществом, что в перспективе может привести их (возможности) к уменьшению. Это повсеместный устойчивый тренд развития демократии в мире.

По мнению британского эксперта Р. Коуза [9], с которым солидарен А. Азуан, у государства нет ничего такого, что оно во все времена производило монопольно [1].

Даже армии в наше время бывают частными. Появление криптовалюты, рост числа частных охранных предприятий, развитие аутсорсинга, социальных сетей и новых медиа в Интернете и т. п. свидетельствуют о том, что всё меньше остаётся такого продукта, который создавался бы исключительно государственными структурами. Такая же картина наблюдается в социальной сфере. Благотворительные фонды, волонёрское движение, НКО, занимающиеся проблемами экологии, защиты животных и т. д. порой замещают государственное участие в чувствительных областях жизни общества и граждан. Поэтому возрастает роль бизнеса и гражданского общества в развитии неформальных институтов. Сейчас о новых правилах можно договориться в сети Интернет и там же размещать отчёты и другую информацию о своей деятельности. Возникает феномен, который в Европе получил название Main Stream. Отдельные граждане вынуждены принимать общественные установки в силу своего желания быть принятыми в то или иное сообщество. Правящая элита в современном мире уже не имеет возможности всегда и во всём тотально контролировать процесс управления социумом посредством вырабатываемых ею формальных правил. Конечно, здесь не обойтись без исключений, одним из которых, например, является Северная Корея. В большинстве же экономически развитых и развивающихся стран формируется широкий слой граждан, мыслящих и поступающих в соответствии с правилами, устанавливаемыми ими же в рамках самоорганизующихся сообществ.

В современной России пусть медленно, но неуклонно возрастает роль как частных бизнес-структур, так и структур гражданского общества в развитии прежде всего неформальных институтов. Кстати, они не всегда носят позитивный характер. Например, коррупция в бизнесе — это негативное явление, но она помогает уменьшать транзакционные издержки коммерческих организаций в обход существующих норм права.

Конечно, государство по-прежнему играет ключевую роль в формировании институтов. Но всегда ли оно выражает при этом общественные интересы? В последние годы в социальной философии, политологии, социологии и других общественных науках государство принято рассматривать не просто как важнейший социальный институт, а как актёра, играющего самую заметную роль в социуме. Да и на обыденном уровне часто употребляемые выражения «диалог государства и гражданского обще-

ства», «воля государства», «государственные гарантии» «государственные интересы», «меры, принимаемые государством» и т. п. только укрепляют нас в понимании государства как самого влиятельного субъекта социальных отношений. Однако, на наш взгляд, здесь мы имеем дело в значительной степени с гипостазированием государства. Гипостазировать — значит относить как к абсолютной или независимой реальности то, что является лишь процессом, акциденцией или абстракцией [8, с. 125]. Конечно, гипостазирование государства часто удобно для исследователей тем, что упрощает анализ и без того запутанных взаимодействий в социуме. Однако такое упрощение оборачивается тем, что социальная ответственность с реальных акторов социальных отношений перекладывается на абстрактное государство, которое, по нашему убеждению, априори не обладает качествами субъекта, а выступает лишь как инструмент, используемый правящей элитой для достижения выдвигаемых и реализуемых ею целей. Собственно, такая точка зрения в истории человеческой мысли, да и в наши дни, высказывалась неоднократно. Многие социальные философы, среди которых К. Маркс и его последователи Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби и др. возлагали всю полноту ответственности за будущее социальной системы на правящую элиту, которая может лишь использовать государство для ответа на внешние и внутренние вызовы. Когда в демократической стране после выборов к власти приходит оппозиция, то происходит «передача государства» от уходящей с политического Олимпа части элиты к победителям — другой части элиты. Как метко заметил М. Вебер, бюрократия в правовом демократическом государстве должна одинаково эффективно служить «любому хозяину» [4]. Хозяином же бюрократии становится правящая элита, приходящая к власти в результате демократических процедур.

Если понимать государство лишь как инструмент, находящийся в распоряжении правящей элиты, то становится понятным угроза «отчуждения власти». Этот феномен подробно рассмотрен К. Марксом [12]. Следствием этого может быть превращение государства в доминирующую силу, противостоящую гражданам и отрицающую у них качества субъекта, превращая их исключительно в объект социальных действий. Точнее, правящая элита, использующая подобную практику, применяет институты государства для разрушения неформальных

институтов или подчинения их институтам формальным. Зрелое гражданское общество — это важнейший фактор, противостоящий подобной угрозе. Правящая элита заинтересована «приручить», а точнее, подчинить себе гражданское общество, поэтому может принимать участие в создании некоторых его структур в надежде на их последовательную сервильность по отношению к власти [6]. Подобную практику довольно детально рассмотрел В. Д. Бедерсон. Он описал примеры, когда автократии не подавляют гражданские ассоциации до полного их уничтожения, а часто даже оказывают им финансовую помощь для развития их деятельности. Всё это делается для того, чтобы они сотрудничали с государством и поддерживали его [3]. Это даёт основание ряду экспертов считать самоорганизацию атрибутивным признаком гражданского общества, а организованные государственные общественные советы рассматривать как фантомы гражданского общества или, по выражению Маркса, превращённую форму их существования [13].

Конечно, бывают обстоятельства, когда регулирующая функция неформальных институтов снижается для того, чтобы повысить уровень сплочённости социума и организованно ответить на возникшие серьёзные вызовы обществу. Самый свежий тому пример — противостояние пандемии, связанной с распространением вируса COVID-19, несущего смертельную опасность людям. В таких условиях власть получает понимание и поддержку (пусть не всеобщую, но решающую) у населения, согласного на какое-то время отказаться от привычного образа жизни. Здесь регулирующая функция формальных институтов, напротив, существенно возрастает. Условия мобилизации общества всегда предполагают усиление роли формальных институтов и, соответственно, ослабление роли неформальных институтов. Тем не менее не следует считать, что неформальные институты в этой ситуации совсем исчезают. Так как формальные институты ни при каких обстоятельствах не смогут тотально контролировать все сферы жизни общества, то неформальные связи и отношения не могут исчезнуть вовсе. Просто сфера их проявления локализуется. Так, в условиях упомянутой нами ситуации пандемии гражданское общество явило пример проявления высоких нравственных качеств россиян через развитие массового волонтерского движения. Это движение, впрочем, связано с глубокими традициями проявления милосердия во времена тяжёлых для

российского общества испытаний. Много общего у современных волонтеров движения «Мы вместе» с традициями благотворительных организаций, таких как «Марфо-Мариинская обитель милосердия». Поэтому мы здесь имеем дело не с принципиально новым институтом гражданского общества, а, скорее, с опредмечиванием в новых условиях исторически сформировавшихся ментальных ценностей российского общества.

Когда общество развивается стабильно, то в условиях правового государства и развитой демократии роль неформальных институтов многократно возрастает. Гражданское общество включается в решение вопросов, затрагивающих интересы широких слоёв населения. В этом случае на правящую элиту оказывается давление со стороны активной части населения, которое может быть оформлено по-разному — от масштабных дискуссий на различных площадках до нарастающего протестного движения. В этих условиях правящей элите выгоднее вступить в конструктивный диалог и согласиться на установление правил и норм, предоставляющих гражданам больше прав и свобод. Но для того, чтобы свобода не переросла во вседозволенность и анархию, гражданское общество продуцирует неформальные институты, не считаясь с которыми, человек рискует столкнуться с санкциями в отношении себя — в первую очередь с общественным моральным осуждением.

2. Неформальные институты как механизм преодоления негативных внешних эффектов деятельности государственных структур и бизнеса

Мы живём в мире, где всё взаимосвязано. Последствия деятельности человека многоаспектны. Например, бизнес, стремясь к получению прибыли, производит товары и услуги, но в то же время порой осознанно причиняет вред окружающей среде. И этот негативный внешний эффект предпринимательской деятельности противоречит потребности людей жить в благоприятных экологических условиях. Следовательно, нужно выработать механизм решения (или как минимум сглаживания) таких противоречий и подобных негативных последствий.

Другой известный россиянам конкретный пример подобного рода связан с попыткой муниципальной власти Екатеринбурга удовлетворить религиозные по-

требности части жителей города, для чего было выдано разрешение на строительство кафедрального православного собора в центральной части мегаполиса. При этом появился негативный внешний эффект: эта идея не была принята многими екатеринбуржцами, рассматривающими место потенциальной строительной площадки как традиционную зону своего отдыха. Возникший на этой почве конфликт приобрёл острый публичный характер и активно обсуждался во всех российских СМИ, т. е. вошёл в федеральную повестку дня.

Гражданское общество призвано разрешать подобные противоречия посредством продуцирования неформальных институтов. В том же Екатеринбурге описанный нами конфликт был разрешён путём привлечения экспертного сообщества, проведения серии общественных слушаний, в ходе которых было выработано компромиссное решение. Оно было принято окончательно только после проведения социологического опроса жителей города. Любимый многими горожанами сквер около драмтеатра останется нетронутым, а для строительства собора предложили на выбор другое подходящее ему место. Так формируются неформальные институты, которые в следующей раз помогут эффективно и менее болезненно находить выход из подобной ситуации. Государственные структуры в своей деятельности не могут учитывать все многообразные частные интересы граждан, поэтому они не в состоянии самостоятельно выработать идеальный механизм решения подобных проблем.

Таким образом, гражданское общество помогает находить согласие в социуме при решении вопросов с негативными внешними политическими и социальными эффектами. На эту его особенность одним из первых в нашей стране указал А. А. Азуан [1]. Однако гражданское общество вряд ли будет способно выполнять эту функцию в условиях монополии официальной власти на принятие решений, отсутствия легальных площадок для диалога власти и гражданской общественности, при наличии низкой гражданской активности членов социума, их неготовности к самоорганизации.

Для того чтобы можно было обмениваться правами, прежде всего население этими правами должно обладать фактически. Предположим, у населения есть право на проживание в благоприятных экологических условиях, а бизнес стремится построить горно-обогатительный комбинат в непосредственной близости от мегаполиса. При

этом государственные структуры заинтересованы в открытии новых рабочих мест и пополнении федерального и регионального бюджета. Возникает ситуация, когда с участием гражданского общества может быть достигнуто компромиссное соглашение. Например, выбирается проект строительства ГОКа с наименьшим возможным причинением ущерба окружающей среде, при этом за счёт этого строительства осуществляется рекультивация заброшенных угольных разрезов, наносящих вред экологии мегаполиса даже больше, чем потенциальный ГОК. Заметим, что в случае отсутствия у населения права на проживание в благоприятных экологических условиях никакого диалога не происходит и реализуется сценарий, выгодный лишь бизнесу и власти. Полагаем, не требует доказательства то, что есть глубокая связь между деятельностью развитого, зрелого и сплочённого гражданского общества в европейских странах и существенным улучшением в них экологической ситуации.

В авторитарном обществе власть принимает политические решения, исходя лишь из своего видения ситуации. Чего стоит вынашивавшийся и широко обсуждавшийся одно время в Советском Союзе проект переброски сибирских рек на юг. Сейчас это кажется полным безумием. Негативные внешние эффекты подобных действий были бы катастрофическими. Но в условиях наличия у правящей элиты монополии на принятие таких решений подобное вполне могло произойти. Развитое гражданское общество как раз должно и может стоять на страже и защите стратегических прав населения, охраняя его от подобных конъюнктурных и непродуманных действий власти и бизнеса. Естественно, права у граждан должны быть реальными, а не прописанными лишь на бумаге.

Гражданское общество в стране с либеральной рыночной экономикой призвано отстаивать интересы населения там, где они не согласуются или противоречат интересам бизнеса, который обладает серьёзными возможностями лоббирования для принятия выгодных ему решений в коридорах власти. Баланс интересов достигается путём поиска компромиссов. Всякий раз приходится искать решение, приемлемое, пусть отчасти, для всех заинтересованных сторон — власти, бизнеса и гражданского общества. Необходимым негативным обстоятельством подобной практики является увеличение времени на принятие решения. Альтернативой этому может быть только принуждение, издержки которого в правовом демократи-

ческом государстве оказываются неприемлемыми для правящей элиты. В условиях тоталитарного режима решение принимается быстро, но при этом выработка баланса интересов в принципе отсутствует, так как разрешено только то, что приказано властью, негодные ей неформальные институты запрещены, а граждане, создающие их, подвергаются репрессиям. В условиях авторитарного политического режима действует принцип «разрешено только то, что поддержано властью», и в силу этого культура равноправного политического диалога власти и общества формально декларируется, но фактически отсутствует. Решение выработывается только властвующей элитой и выносится на публичное обсуждение, но при отсутствии необходимости в реальном диалоге с обществом (решение-то уже выработано). Итоги обсуждения predeterminedены, и решение будет принято в предложенном властью виде.

Таким образом, только при реальном участии гражданского общества формируется система отношений власти, бизнеса и общества, которая может быть названа общественным договором. Это предполагает установление чётких правил взаимодействия всех указанных акторов, обеспечивает уверенность населения в том, что его интересы не будут проигнорированы властью и бизнесом.

Для нормального функционирования гражданского общества необходим высокий уровень гражданской активности населения. Для достижения групповой цели недостаточно иметь большую численность группы. Не менее важны организация, готовность значительного количества членов группы проявлять настойчивость, активность и решительность в своих действиях. Как отмечает Мансур Олсон, чем более многочисленна социальная группа, тем чаще возникает у части её членов желание пассивно ожидать положительных результатов действий активной части этой группы [17]. Получается, что положительными эффектами в случае достижения нужного результата от действий активистов группы в равной степени пользуются все. Но только пассивная часть группы при этом приобретает блага бесплатно, не прилагая для этого никаких усилий. Например, активисты из числа обманутых дольщиков многоквартирного дома организуют пикеты, привлекая внимание к своей проблеме, подключают средства массовой информации, юристов, добиваются встречи с чиновниками и пр. Они тратят при этом своё личное свободное время,

нервы, а иногда и деньги. Если им удаётся обеспечить окончание строительства дома, то пассивные дольщики тоже получают свои квартиры на тех же юридических основаниях. То же самое происходит и в масштабах общества. Сотни человек ведут последовательную и принципиальную борьбу за то, чтобы сохранить нетронутым городской бор и не допустить строительство дороги, проходящей через этот лесной массив. Победа, одержанная активистами в этом вопросе, позволяет не только им, но и всем остальным горожанам отдыхать в сохранённом городском бору. Подобных примеров множество. Эта практика распространяется на все аспекты функционирования гражданского общества. Даже в самых открытых, активных и сплочённых социумах есть значительное количество людей, которые не самоорганизуются, не ассоциируются и проявляют безразличие к решению актуальных и общественно значимых проблем. Как отмечают эксперты, в современной России на фоне некоторого увеличения количества НКО гражданское общество пока не сложилось как система, его действия носят локальный характер, подавляющая часть населения проявляет апатию к его деятельности [21].

Одним из способов повысить активность гражданского участия в жизни страны, региона, муниципального образования может служить дифференциация гражданского общества на относительно малые, но сплочённые группы, отстаивающие свои частные интересы. В малой группе сложно получить результат за счет действий только активной её части, поэтому есть большая вероятность повышения вовлеченности членов группы в решении общих задач. С другой стороны, численность группы — сам по себе важный фактор в переговорном процессе, поэтому для того, чтобы оказывать необходимую степень давления на власть и бизнес в решении сложных, острых и актуальных проблем, затрагивающих интересы многих граждан, важно всё-таки иметь поддержку масс. Сейчас для этого появляются новые действенные механизмы самоорганизации граждан и рекрутирования активистов для защиты интересов населения. Прежде всего это социальные сети Интернета, позволяющие находить и одновременно воздействовать на нужный круг людей, заинтересованных в решении какого-либо вопроса. Технологически стало возможным обратиться посредством современных информационно-коммуникационных технологий одновременно как к десяткам, так и сотням тысяч граждан с призывом предпринять действия по защите своих интересов.

Впрочем, пассивность большинства населения может создавать условия, при которых хорошо организованные небольшие социальные группы добиваются принятия решений, удовлетворяющих только их частные интересы. Благо для одних может оборачиваться ущербом для других. Например, имели место случаи, когда по инициативе жителей какого-либо многоквартирного дома огораживается прилегающая к этому дому территория, что создаёт неудобства для гораздо большего количества жителей соседних домов, интересы которых оказываются практически проигнорированными. Гражданское общество — это не волшебная палочка и не панацея от социальной несправедливости, но его деятельность всё же способствует поиску баланса интересов власти, бизнеса и самых разных слоёв населения.

3. Условия, влияющие на функционирование гражданского общества

Неформальные правила и нормы поведения в социуме могут быть универсальными, регулирующими поведение всех членов социума, и локальными, предписывающими действия только определённой группе или категории лиц, носителям конкретной субкультуры и т. п. Как мы уже отмечали ранее, можно выделять неформальные правила глубинного и поверхностного уровней. Глубинный уровень наиболее устойчив. Его правила и предписания оказывают на поведение людей более сильное и системное воздействие, чем даже формальные институты. Предположим, в каком-либо обществе принимается закон, который запрещает гражданам со следующего дня выполнять все существующие нравственные нормы. Естественно, подавляющее большинство людей или хотя бы их часть будут руководствоваться веками сложившимися моральными правилами и проигнорируют вводимые формальные нормы даже под угрозой наказания. Поэтому здравомыслящие политики всегда учитывают ментальные особенности социума при принятии решений и часто апеллируют к ним. Ментальный уровень культуры оказывает воздействие на поведение людей и влияет на специфику формирования и функционирования институтов гражданского общества. Например, в России на протяжении веков было принято у жителей напрямую обращаться к первому лицу в государстве в надежде добиться справедливости, защититься от произвола чиновников

всех уровней, к действиям которых доверия не было. Рудименты такой «челобитной культуры» есть и в современном российском обществе. Это проявляется, например, в желании части россиян любыми способами уведомить президента о своей проблеме и попросить его о помощи [18]. Подобное уже давно не происходит и не практикуется в таком масштабе, как в России, в европейских странах, где функционируют иные по содержанию и ценностям формальные и неформальные институты.

Поверхностный уровень неформальных правил также оказывает на поведение людей определённое влияние. Нарушить негласные правила группы для её членов непросто, так как это может привести человека к изоляции внутри сообщества, создать для него психологически некомфортную ситуацию. Каждая интегрированная социальная группа имеет систему внутренних правил, предписаний и ценностей для своих членов. Некоторые из них могут носить императивный характер, другие — скорее рекомендательный. Однако без установленных правил и общепринятых ценностей членам группы невозможно организоваться. Высокий уровень организации позволяет социальной группе продуцировать свои правила во внешнюю среду. Такие правила помогают членам группы (или её лидерам) реализовывать свои интересы. Но реализация интересов одних людей, групп, классов часто препятствует другим удовлетворять свои значимые интересы и потребности. Тысячелетиями правящая элита использовала государство как институт подчинения населения своей воле, отстаивания и реализации преимущественно своих интересов, опираясь на принцип «разделяй и властвуй». Всё существенно меняется при возникновении правовых демократических обществ и соответствующих им политических режимов, при которых государство уже не может в прежнем порядке распоряжаться судьбами людей по усмотрению правящей элиты. Прежних репрессивных возможностей у нее уже нет. За ее действиями устанавливается общественный контроль. Население рассматривает теперь государство как источник сервисных услуг. Вот тут и создаются условия, при которых без участия гражданского общества не могут быть установлены правила и нормы общественных отношений. Кроме того, политические силы рассматривают структуры гражданского общества как важнейший фактор в борьбе за голоса избирателей. Это повышает социальный капитал общественных организаций — важнейший

нематериальный ресурс гражданского общества. Социальный капитал может использоваться для укрепления неформальных институтов в социуме, но он может пригодиться и тогда, когда принимаются законы и другие нормативные акты, затрагивающие интересы граждан. Социальный капитал гражданского общества возрастает ещё и в связи с тем, что некоммерческий сектор в современных условиях оказывает населению всё большее количество разнообразных услуг. Независимое от государства экспертное сообщество, участвуя в обсуждении значимых социальных проектов, способствует повышению качества принимаемых решений. Это тоже увеличивает авторитет и влияние гражданского общества. Таким образом возникает устойчивый тренд на повышение значимости возросшего социального капитала структур гражданского общества.

Если гражданское общество не обладает существенным, а точнее, необходимым и достаточным социальным капиталом, то правящая элита и бизнес не будет воспринимать его как равного партнёра в переговорном процессе и навязет свою волю членам социума, исходя из своих собственных интересов и возможностей. Как утверждает А. Аузан, «гражданское общество производит переговорную силу» [1]. Важно, чтобы этой переговорной силы у него было достаточно, чтобы с ним считались. При этом стоит учитывать и то, что гражданское общество полиморфно, оно сильно многообразно своих структур, что создаёт основу для поиска самых разных площадок для диалога, поиска и выработки соглашений, достижения консенсуса по тем или иным вопросам. Гражданское общество продуцирует в основном неформальные правила, регулирующие социальные отношения на горизонтальном уровне. Тогда как государственные структуры в большей степени создают правила, регулирующие вертикальные социальные отношения.

Среди условий, оказывающих влияние на функционирование гражданского общества, особое место занимает тип правовой системы, что подробно описывается в работах многих экспертов по гражданскому обществу [24]. Кроме того, в результате политических и экономических изменений в социуме происходят сдвиги в общественном сознании — в нём постепенно формируются новые ценности, нормы и модели поведения, которые постепенно приводят к изменению правовых формальных институтов [22]. И происходит это всё естественным путём в ходе смены одних поколений людей другими.

Заключение

Таким образом, гражданское общество занимает важное место в формировании и функционировании институциональной системы современного общества. Среди прочих акторов оно выполняет важнейшую функцию преодоления негативных внешних эффектов деятельности государственных структур и бизнеса. Чем больше, весомее социальный капитал гражданского общества, тем более сильны его переговорные позиции при решении вопросов, затрагивающих интересы отдельных граждан, социальных групп и населения страны в целом.

В наши дни ни один значимый социальный проект не может быть эффективно реализован без учёта интереса всех стейкхолдеров [5]. Поиск баланса интересов всех заинтересованных сторон не может быть полноценным без участия широкой общественности. Инновационные изменения проходят более успешно тогда, когда отлажено межсекторное взаимодействие между государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями [14]. Это аксиомы современной политической жизни, практики и культуры.

Мы солидарны с теми экспертами, которые, хотя и рассматривают сложившуюся в социуме институциональную систему как фактор, влияющий на характер социальных изменений, всё же исходят из того, что сами институты являются продуктом развития конкретного общества [23]. Препятствия к созданию в России институтов, позволяющих третьему сектору стать равноправным партнёром государству и бизнесу в переговорном процессе, преодолимы, но для этого требуются усилия и время. Да и мировой опыт развития гражданского общества вовсе не является непроницаемым и недоступным для нас. Гражданское общество постепенно начинает играть всё более заметную роль в эволюции формальных и неформальных институтов российского общества. Смеем предположить, что со временем этот тренд будет только усиливаться, хотя и не обязательно по линейной экспоненте.

1. Аузан А. А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М. : ОГИ, 2006. 288 с.

2. Барашков Г. М. Аналоговые формы гражданского общества (на примере Индии и стран Латинской Америки // Регионоведение Regionology. 2016. № 3 (96). С. 17—30.

3. Бедерсон В. Д. Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью // Полис. Политические исследования. 2020. № 2 С. 37—52.

4. Вебер М. Власть и политика. М. : Рипол-Классик, 2017. 432 с.

5. Долгоруков А. М. О технологиях саморазвития социальных систем // Философские науки. 2017. № 10. С. 76—82.

6. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 7—14.

7. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Эволюция взглядов на взаимосвязь гражданского общества и государства в истории политической мысли // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 19—30.

8. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.

9. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 288 с.

10. Касториadis К. Воображаемое установление общества / пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М. : Гнозис : Логос, 2003. 480 с.

11. Корнейчук Б. В. «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 1, С. 78—87.

12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения. Т. 42. 2-е изд. М. : Политиздат, 1974. С. 41—174.

13. Маркс К. Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия. Приложение к работе «Теории прибавочной стоимости» // Сочинения. Т. 26, Ч. 3. 2-е изд. М. : Политиздат, 1974. С. 526.

14. Михайлова А., Буравлёва А. Межсекторное взаимодействие как механизм создания социальных инноваций // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 77—84.

15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

16. Норт Д., Уоллис Дж., Вейнгафт Б. Концептуальный подход к объяснению истории человечества // Эковест. 2007. Т. 6. № 1. С. 4—59.

17. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М. : ФЭИ, 1995. 174 с.

18. Петухов А. В., Демьянов Е. А. Гражданское общество: российская модель

взаимодействия государства и социума // Регионоведение Regionology. 2016. № 3 (96). С. 7—16.

19. Разов П. В. Институциональный подход и возможности его применения в социологии управления // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 3 (31). С. 19—23.

20. Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

21. Фролов А. А., Барский Я. В. Опыт индексного исследования гражданской активности на примере Ярославской области // Власть. 2017. Т. 25, № 12. С. 76—82.

22. Шибанова Е. К. Подготовка юридических кадров: инверсия смыслов // Право и образование. 2015. № 2. С. 36—43.

23. Щербак А. Н. Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 147—160.

24. Яхонтов В. И., Неверов А. Я. Конституционно-правовые основы формирования гражданского общества в Российской Федерации // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 106—109.

References

1. Auzan, A.A. (2006) Tri publichnyye leksiï o grazhdanskom obshchestve. Moscow, OGI, 288 p. [in Rus].

2. Barashkov, G.M. (2016) . *Regionologiya Regionology*, no. 3 (96). pp. 17—30. [in Rus].

3. Bederson, V.D. (2020) *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, no. 2. pp. 37—52. [in Rus].

4. Veber, M. (2017) *Vlast' i politika*. Moscow, Ripol-Klassik, 432 p. [in Rus].

5. Dolgorukov, A.M. (2017) *Filosofskiy nauki*, no. 10. pp. 76—82. [in Rus].

6. Zyrjanov, S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 5. pp. 7—14. [in Rus].

7. Zyrjanov, S.G., Lukin A.N. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79). pp. 19-30. [in Rus].

8. Kont-Sponvil' A. (2012) *Filosofskiy slovar'*. Moscow, Eterna, 752 p. [in Rus].

9. Kouz, Ronal'd (2015) *Ocherki ob ekonomicheskoy nauke i ekonomistakh*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 288 p. [in Rus].

10. Kastoriadis K. (2003) *Vobrazhayemoye ustanovleniye obshchestva*. Moscow, Gnozis, Logos, 480 p. [in Rus].

11. Korneychuk, B.V. (2016) *Terra Economicus*, vol. 14, no. 1, pp. 78—87. [in Rus].

12. Marks, K. (1974) *Ekonomicheskofilosofskiy rukopisi 1844 g.* // *Sochineniya*. T. 42. Moscow, Politizdat, pp. 41—174. [in Rus].

13. Marks, K (1974) *Dokhod i yego istochniki. Vul'garnaya politicheskaya ekonomiya. Prilozheniye k rabote «Teorii pribavochnoy stoimosti* // *Sochineniya*. T. 26, ch. 3. Moscow, Politizdat, 526 p. [in Rus].

14. Mkhaylova, A., Buravlova A. (2017) *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. no. 3. pp. 77—84. [in Rus].

15. Nort, D. (1997) *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 180 p. [in Rus].

16. Nort, D., Uollis Dzh., Veyngast B. (2007) *Ekovest*, vol. 6, no. 1. pp. 4—59. [in Rus].

17. Olson M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennyye blaga i teoriya grupp*. Moscow, FEI, 174 p. [in Rus].

18. Petukhov, A.V., Dem'yanov Ye.A. (2016) *Regionologiya Regionology*, no. 3 (96), pp. 7—16. [in Rus].

19. Razov, P.V. (2012) *Nauchno-informatsionnyy zhurnal Armiya i obshchestvo*, no. 3. (31), pp. 19—23. [in Rus].

20. Toynbee, A. (1991) *Comprehension of History*. Moscow, Progress, 736 p. [in Rus].

21. Frolov A.A., Barskiy Ya.V. (2017) *Vlast'*, vol. 25, no. 12, pp. 76—82. [in Rus].

22. Shibanova Ye.K. (2015) *Pravo i obrazovaniye*, no. 2, pp. 36—43. [in Rus].

23. Shcherbak, A.N. (2017) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5. pp. 147—160. [in Rus].

24. Yakhontov V.I., Neverov A.Ya. (2017) *Socium i vlast'*, no. 5 (67), pp. 106—109. [in Rus].

For citing: Zyryanov S.G., Lukin A.N.
Role of formal and informal institutions
in the civil society development //
Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-7-18.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-7-18

UDC 1.091; 316.3

ROLE OF FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS IN THE CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Director, Doctor of Political Sciences, Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@rane74.ru

Anatoly N. Lukin,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Public Administration, Legal Support
of State and Municipal Service,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ul. Komarova, 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Abstract

Today, scientific discussions on the specifics of the development of civil society in Russia do not stop. The institutional approach allows us to look at this problem through the prism of formal and informal institutions existing in society. Researchers and practitioners should not focus only on the rule of law, official prescriptions and orders, setting the framework for interactions between authorities and citizens, promoting private initiatives, and realizing the rights and freedoms of the population. If they do not correspond to the prevailing norms, stereotypes, ways of thinking and actions for centuries, then the most useful, at first glance, innovations in the political and social sphere may not take root. This does not mean, however, that informal institutions remain unchanged under any circumstances. They also evolve. This process can be targeted. It is important to understand all the actors involved in the development of civil society in our country.

Key concepts:

civil society,
state,
formal institutions,
informal institutions.

Для цитирования: Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28

УДК 101.8 + 101.9

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ОТ ВРЕДНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ ТЕХНООБЩЕСТВА¹

Маринофф Лу (Marinoff Lou),
Городской колледж Нью-Йорка (США),
декан философского факультета,
президент Американской ассоциации
философов-практиков (APPA),
доктор философии, профессор.
160 Convent Ave, New York, NY 10031, USA.
E-mail: lmarinoff@ccny.cuny.edu

Аннотация

Глобализация и цифровая революция преобразуют человеческую цивилизацию беспрецедентными способами в значительной степени благодаря инновациям, а также навязыванию новых технологий для роста числа потребителей.

И хотя эти преобразования приносят человечеству бесспорную пользу, эти выгоды связаны с целым набором издержек. Данная статья не пытается отрицать преимущества, но пытается бороться с недостатками. Автор обращается к гуманитарной терапии как к средству против многих проблем, с которыми сталкиваются как отдельные люди, так и общество в целом, — проблем, возникших в нашей жизни в результате чрезмерного воздействия технологий и недостаточного влияния гуманитарных наук.

Ключевые понятия:
технообщество,
монокультура,
вредное воздействие,
когнитивный дефицит,
поведенческий дефицит.

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым по изданию: Marinoff L. Humanities Therapy as a Remedy for Detriments of Technosociety // Journal of Humanities Therapy. 2019. № 10 (2). P. 1—18. Перевод подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

1. Что подразумевается под «технообществом»?

Во-первых, мы должны различать технократию и технообщество. Технократия — это управление обществом, которое осуществляется элитами с помощью различных технологий. Технообщество — это общественное взаимодействие, независимо от политической системы, когда ежедневные личные, социальные, экономические и культурные трансакции опосредованы вмешательством технологий или навязыванием технологий. Яркие примеры таких технологий объединяет известная аббревиатура «FANG»: Facebook, Amazon, Netflix и Google. Без их помощи становится уже невозможно проводить какие-либо личные, социальные, экономические или культурные трансакции посредством одного или нескольких цифровых устройств, интерфейсов и сетей. Таким образом, фундаментальный процесс взаимодействия человека с человеком вытеснен одной из форм технологически опосредованного взаимодействия. Это и есть то, что мы подразумеваем под «технообществом». Отметим, что разграничение между технократией и технообществом может быть не таким уж непроницаемым, как кажется на первый взгляд. Поскольку сами правительства зависят от информационных технологий не меньше, чем их граждане, то можно себе представить вполне реальную кибернетическую борьбу за власть, которая может трансформировать технократию в силу существенных измерений, происходящих в технообществе.

2. «Две культуры»

Поскольку темой этой конференции² является «преодоление разрыва» между естественными и гуманитарными науками, уместно исследовать природу самого этого разрыва. Если кто-то стремится построить функциональный и прочный мост, он должен кое-что знать и о местности, на которой будут возведены основания и опоры моста, по обе стороны от пропасти. Исторически на Западе наиболее явно разрыв между естественными и гуманитарными науками наметился после второй мировой войны и был впервые осмыслен ученым и писателем Ч. П. Сноу в его памятной лекции

² Данная статья представляет собой переработанный автором доклад на Международной конференции по гуманитарной терапии в технообществе (ICHTT) (18—20 августа 2019 г., Нанкинский университет, Нанкин, Китай).

1959 г. [21].¹ Это разделение, которое он назвал «две культуры», пронизывает все западное — и мировое — высшее образование, так что университеты превращаются в «замкнутые» учреждения, в которых студенты старших курсов специализируются либо в области естественных, либо в области гуманитарных наук. Эта взаимная изоляция не является ни необходимой, ни благотворной. Человеческий мозг состоит из двух полушарий: левого, выполняющего функции *логоса* (естественные науки), и правого — мифоса (гуманитарные науки). Подобно Инь и Ян, эти два полушария дополняют друг друга и работают, комплементарно [14, р. 27—48]. В этом суть тезиса Сноу о том, что это разделение является «главным препятствием» в решении современных глобальных проблем.

3. Монокультура: гуманитарные науки «в осаде»

Хотя научно-технологические общества, несомненно, решили многие крупные проблемы, они также создали и обострили другие, а именно, отчуждение людей от фундаментальных представлений о том, что собственно значит быть человеком. Технологическое ускорение, вызванное глобализацией и цифровой революцией, сформировало переход от «двух культур» времен Сноу к «монокультуре» нашего времени, а именно к технообществу. В университетах западного мира гуманитарные программы находятся «в осаде», организованной университетскими администрациями [5, р. 136—146], главным признаком которой является сокращение их финансирования. Критериями оценки этих программ являются не их качественные преимущества (которые просто не знают, как «объективно» оценить), а количественные критерии, такие, например, как предполагаемая возможность трудоустройства выпускников. В то же время, по признанию самих администраторов, университеты обучают студентов тем специальностям, которых еще (или уже) нет, и поэтому прогнозы трудоустройства оказываются весьма туманными. Тем не менее увеличиваются бюджетные ассигнования на так называемые дисциплины «STEM» (Наука, Технология, Инженерия, Математика) с пропорциональным уменьшением финансирования программ в области гуманитарных наук и искусств. Эта тенденция порождает

«монокультуру», потребители которой представляют собой технообщество. Если эта фактическая ликвидация гуманитарных наук продолжится, больше между науками не будет никакой пропасти. Однако это было бы большой трагедией для всего цивилизованного человечества.

4. Вредные воздействия технообщества

Большая часть этого раздела посвящена выявлению и обобщению восьми основных проблем, навязанных нам технообществом. Некоторые из них относительно самостоятельны, в то время как другие в различной степени пересекаются. Каждой из этих проблем может быть посвящена отдельная статья или даже целая книга. Ограниченное время моего выступления позволяет кратко проанализировать лишь некоторые из них.

Во-первых, мгновенность цифровой связи (например, электронная почта и текстовые сообщения) привела к сокращению времени, в течение которого можно закончить необходимые размышления, и к соответствующему обнищанию языковых навыков, к чему приводит, например, использование *emojis* и буквенно-цифровых сокращений вместо хорошо сформулированных мыслей, выраженных естественным языком. Если сравнивать современные цифровые коммуникации с эпистолярным наследием предыдущих веков, то поражает неумолимое вырождение письменности. Вытеснение письменной традиции цифровой революцией привело к серьезному когнитивному дефициту у современных людей [13, chapter 10; 12, chapter 9].

Причинно-следственная цепь когнитивных ухудшений *или*, по сути, перегруженность (*resophistication*) в силу обратимости процесса впервые была выявлена, возможно, Томасом Гоббсом еще в 1651 г. В раздвоении *логоса* на речь и мышление Гоббс заметил доминирование первого над вторым. Он писал: «В неопределенности кроется первое злоупотребление (речью), из которого вытекают все ложные и бессмысленные принципы» [10]². Более глубокий смысл прозрения Гоббса был сформулирован в XX в. в

² «...Когда люди неправильно регистрируют свои мысли из-за неустойчивого значения употребляемых ими слов, в силу чего люди регистрируют в качестве своих представлений то, что они никогда не представляли, и, таким образом, обманывают себя» (Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 23).

¹ Издание на русском языке: Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления. М. : Прогресс, 1985. С. 195—226.

том, что стало известно как гипотеза Сепира — Уорфа [20; 22]. По словам Уорфа, «язык является не просто воспроизводящим механизмом для высказывания идей, но, скорее, сам является творцом идей, программой и руководством для умственной деятельности человека» [20, р. 212]. Другими словами, естественный язык формирует маркеры для самого разума. Не столько речь является функцией познания, сколько познание есть функция речи. Вследствие этого, по мере ухудшения лингвистических навыков людей, что является прямым результатом вытеснения устных и письменных традиций цифровыми технологиями (то, что Гоббс, Сепир и Уорф лишь предсказывали, а мы сейчас наблюдаем), происходит общее ухудшение когнитивных навыков. В той степени, в которой люди используют, например, *emojis* в качестве ярлыков для выражения сложных идей и эмоций, они теряют способность в полной мере осознавать свои внутренние состояния. Поэтому рефлексивное самосознание этих людей обедняется.

Это общее ухудшение проявляет себя в повседневной речи, в средствах массовой информации и, конечно, в нашей системе образования. Более того, это также имеет экономические и политические следствия, поскольку, как хорошо отметил Джордж Оруэлл, «неряшливость нашего языка открывает дорогу глупым мыслям» [17]. Мы проанализируем некоторые следствия поверхностного (некритического) мышления на наших последующих примерах, иллюстрирующих вредное воздействие технообщества.

Во-вторых, расчет на мгновенность также приводит к дефициту поведенческих качеств, таких как терпение, что даже доводит до озлобления (например, когда ответы на текстовые сообщения или электронные письма не приходят сразу же), и усилению стресса (например, когда люди испытывают острый временной дефицит, когда вынуждены соответствовать цифровым требованиям, включая требование многозадачности). Несмотря на увеличение продолжительности жизни, ускорение, вызванное технообществом, приводит к сокращению свободного времени при росте других нагрузок, что повышает уровень стресса. В то время как наиболее адаптивные и оправданные биологические стрессы укрепляют людей, поскольку обеспечивают их выживание в условиях опасных для жизни ситуаций, будь то стихийные бедствия или антропогенные факторы, члены технообществ сталкиваются с повышенным уровнем дезадаптивных и контрпродуктивных стрессов, несмотря

на то что живут в условиях относительно достатка, технического прогресса и гражданских прав, невиданных ранее в истории человечества. Такие стрессы явно вызваны культурными, а не биологическими факторами. За последние годы в развитых и развивающихся странах резко возросло количество диагнозов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [23]. Данные глобального исследования стресса в 2017 г. представлены на рис. 1 [19].

Не может быть простым совпадением, что самые высокие уровни стресса приходятся на наиболее технологически развитые общества, а самые низкие уровни — на наименее развитые. Почему же люди с высоким материальным достатком в условиях экономического благополучия, социальной мобильности, соблюдения гражданских прав и политической стабильности подвержены столь высокому уровню стресса? Возможно, все дело в том, что они потеряли связь со своей человечностью. Давайте рассмотрим этот момент подробнее.

Суть поведенческого дефицита технообщества — это широко распространенное разобщение сознания и тела, вызванное непрерывным использованием (и злоупотреблением) мобильных устройств с бесконечными приложениями. Граждане технообществ фактически живут в своих смартфонах, когда гуляют, водят машину, работают, общаются или садятся за еду. Их тела движутся, как зомби, сквозь реальность, а их сознание целиком погружено в виртуальный мир. Разрыв между телом и сознанием сопряжен как с индивидуальным, так и социальным ущербом. В частности, это усиливает стресс, делая каждого пользователя постоянно доступным для всех людей и для всех дел, еще более увеличивая требования многозадачности и сокращая время на непосредственное восприятие мира и просто на человеческое бытие. Это также уменьшает концентрацию внимания, рассеивая сознание, что увеличивает риск получения травмы или смерти из-за невнимательного вождения в пробках во время непрекращающегося обмена текстовыми сообщениями. В социальном плане это также создает стресс для других, речь идет о шумовом загрязнении в общественных местах, когда некоторые вынуждены слушать разговоры, которые они предпочли бы не слышать, когда бредущие тела, похожие на зомби, бездумно сталкиваются друг с другом в общественных местах. В общем и целом, это равносильно игнорированию как личного, так и общественного благополучия

Share of population with anxiety disorders, 2017

Share of population with an anxiety disorder. This share has been age-standardized assuming a constant age structure to compare prevalence between countries and through time. Figures attempt to provide a true estimate (going beyond reported diagnosis) of anxiety disorder prevalence based on medical, epidemiological data, surveys and meta-regression modelling.

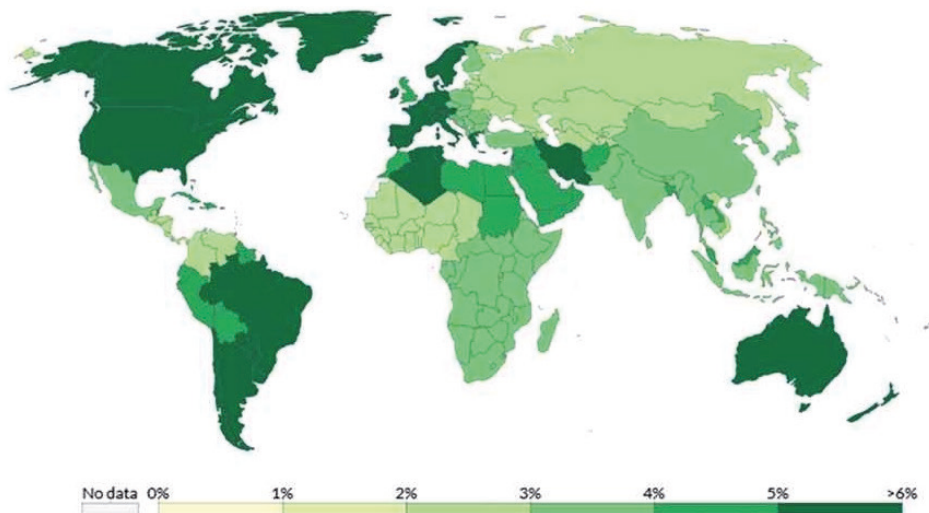

Рис. 1. Данные глобального исследования стресса в 2017 г.

во все более растущих масштабах. Средний взрослый американец теперь проводит шесть часов в день (около 33 %) своей бодрствующей жизни тет-а-тет с цифровыми медиа [4].

Повсеместное разобщение сознания и тела, порожденное злоупотреблениями цифровыми технологиями (включая так называемую «интернет-зависимость») приводит к новым «культурным болезням», которые сопряжены со стрессом, бездумным поведением и неумением быть счастливыми. Наиболее эффективными средствами для «лечения» этих «болезней» являются древние восточные практики — такие как индийская йога, китайское искусство тай-цзы, цигун и похожие на них виды практик, такие как буддийские медитации (например, развивающие сосредоточение). Эти практики фокусируются на дыхании, позе, сбалансированном потоке энергии, восстанавливающем единство сознания и тела. Они повышают внимательность, осознанность, концентрацию, умение ценить и сострадать. Они становятся все более распространенными среди западного населения, стремящего всеми способами восстановить свою ускользающую человечность. Эти практики основаны на глубоких философских идеях, их эффективность также подтверждается современными научными исследованиями [15, р. 581—608]. Они являются оригиналь-

ными и в наибольшей мере способствуют расширению возможностей гуманитарных методов терапии.

В-третьих, искусственный интеллект способствует прогрессирующему ухудшению двух основных когнитивных компетенций: логико-математических и языковых. Самая ранняя вычислительная машина, которая датируется приблизительно 500 г. до н. э. и которая использовалась столетиями древними людьми и продолжает использоваться некоторыми современными людьми, — это счеты. Использование этого устройства требует понимания не только арифметических операций, но и некоторых базовых принципов математики в дополнение к хорошей концентрации внимания и активной памяти. Самым ранним из известных аналоговых вычислительных машин является абак, который требует того же набора навыков, что использование счет, но способствует более глубокому пониманию математических принципов. Другими словами, эти устройства являются продолжением активного человеческого разума. Именно человеческий разум является главным «источником их энергии». Точно так же, когда кассиры звенели своими механическими кассовыми аппаратами, им приходилось вводить цены вручную. Аппараты отображали только общую сумму счета, поэтому кассирам приходилось мысленно комбинировать

свои расчеты, чтобы выдать клиенту сдачу. Но в настоящее время кассиры просто сканируют штрих-коды товаров, что не требует от них вообще никакой умственной деятельности. Современные цифровые кассовые аппараты не только отображают общую сумму, но также рассчитывают сдачу, поэтому нынешним кассирам вообще не нужна арифметика. В результате многие испытывают серьезные трудности, когда иногда приходится рассчитывать сдачу в уме. Другими словами, человеческий разум становится пассивным продолжением активной машины до такой степени, что атрофируются способности выполнять даже элементарные арифметические операции. Таким образом, технообщество ослабляет когнитивные функции человека.

Точно так же, чтобы сказать что-то осмысленное, раньше требовалось понимание основных принципов языка, а именно его словаря и синтаксиса. Написание чего-то осмысленного требовало аналогичного понимания, плюс дополнительной координации глаз и рук (что могло возвыситься до изысканных художественных форм, таких как каллиграфия, или требовать превосходной высокоскоростной точности, как печатание на механических машинках). Отметим еще раз, что эти средства были пассивным расширением активности человеческого разума, которое приводилось в действие самим человеческим разумом. Но в наши дни цифровые приложения переводят устную речь в текст, попутно правя грамматику и орфографию. Как следствие, многие пользователи таких приложений больше не знают грамматики и не умеют писать, используя грамматические правила. Поскольку их умы становятся пассивным расширением активности машин, их лингвистические навыки не могут не ухудшаться, что ограничивает и их семантические горизонты.

Мы неизбежно приходим к выводу, что широкое распространение искусственного интеллекта фактически приводит к подрыву и ослаблению человеческого естественного интеллекта. Однако еще более печальное следствие относится к моральному измерению человека. Если технообщество ослабляет наши познавательные способности, разве это не должно подорвать наши способности к моральным суждениям? Поскольку человеческий разум становится пассивным продолжением активности вычислительных и лингвистических машин, что же может нам помешать стать морально пассивными? Поскольку теперь мы можем заменить кассиров и преподавателей языка машинами,

возможно, в конечном итоге мы сможем также заменить машинами судей и философов. Если это так, то и сам человеческий разум постепенно выйдет из употребления.

В-четвертых, в развитых странах наблюдаются так называемые «эпидемии» депрессии и СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивность), среди прочих дисфункций настроения и когнитивно-поведенческих расстройств, которые распространены в такой степени, чему еще не было прецедентов в истории человечества. В то же время вне обсуждения остаются два наиболее важных аспекта любой эпидемии, а именно ее экспертиза с точки зрения патологии и эпидемиологии. Только то, что эти так называемые «эпидемии» на самом деле вызваны культурным фактором, как утверждают многие философы-практики и представители гуманитарной терапии, объясняет отсутствие патологических и эпидемиологических объяснений. Но в то же время фармакологическое лечение этих состояний возрастает в связи с частотой их диагностики.

Критическое осмысление истории медицины показывает, что всякий раз, когда медицинской науке удается «разлагать природу на составные части» (*“carving nature at its joints”*), то есть достигать понимания болезни с позиции патологии и эпидемиологии и разрабатывать эффективное лекарство, мы видим снижение частоты появления данной болезни пропорционально увеличению эффективности лечения. Например, распространение вируса полиомиелита, который когда-то поражал миллионы детей во всем мире, значительно сократилось благодаря эффективной вакцине [1]. Аналогичным образом была взята под контроль корь [16]. Таких примеров множество.

Совсем иную картину мы видим относительно депрессии. В отличие от борьбы с вирусами, которые вызывают полиомиелит и корь (те болезни, симптомы, диагнозы и методы лечения которых являются окончательными), «депрессия» может иметь множество смыслов, множество причин, множество симптомов и множество способов лечения. И в отличие от полиомиелита и кори, депрессия усиливается в технообществах во всем мире и в каждой возрастной группе, что оправдывает назначение и употребление так называемых «антидепрессантов» [8; 11; 18].

Так же обстоят дела с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, или СДВГ. Он не будет выявлен ни одной экспертизой с позиции патологии или эпидемиологии, но тем не менее его диагностируют и лечат

как эпидемию. Как и в случае депрессии, мы видим одновременное увеличение заболеваемости на фоне роста интенсивности лечения [2; 3].

В течение многих лет для философов-практиков и представителей гуманитарной терапии было очевидно, что многочисленные современные болезни, в том числе большинство форм депрессии и СДВГ, относятся к огромной группе культурно обусловленных недугов. Медицинским способом воздействуют только на их симптомы, а не на коренные причины, которые можно диагностировать и лечить. Поскольку частота этих «болезней» прямо пропорциональна увеличению потребления предписываемых лекарств, следует предположить, что эти лекарства либо не имеют никакого эффекта, либо в действительности влияют отрицательно, то есть усугубляют проблему. Я считаю, что верно второе и не только потому, что врачи вводят потребителей в заблуждение, предписывая неэффективные средства, но и потому, что врачи препятствуют поиску реальных первопричин и использованию действительно эффективных средств.

В 2013 г. *New York Times* пришла к аналогичному выводу, объяснив распространение СДВГ культурными, а не биологическими факторами [6]. *New York Times* утверждает, что основной причиной «эпидемии» СДВГ является телевизионная реклама фармацевтических компаний, которые сеют панику среди своих невежественных или некритически мыслящих потребителей, которые готовы накачать наркотиками своих детей при этом якобы повышая их успеваемость [6]. Возмущенный родитель из Великобритании, который не дал себя обмануть этими махинациями, связанными с получением прибыли, бросил вызов британскому офису одной медицинской корпорации, регулирующей поток лекарств. Он запросил клинические данные, которые доказывают эффективность употребления риталина, на что бюро ответило, что «не может найти клинических данных, которые оправдывали бы лицензирование риталина»¹. Примерно в то же время Национальный институт психического здоровья (NIMH), крупнейшая в мире научная организация по исследованию психических заболеваний и психического здоровья, отклонил предписывание

¹ The Letter to Mr. Black from the Agency for the Regulation of Medicines and Health Products, 30 January 2014. URL: <http://www.braintrainuk.com/wp-content/uploads/2014/03/Letter-form-MHRA-re-Ritalin-Licence-Records-Lost-Jan-2014.pdf> (дата обращения: 03.04.2020).

DSM-5 на основании того, оно воздействует только на симптомы, но не на болезнь [6].

Эту гигантскую индустрию псевдонаучной диагностики и неэффективного лечения можно объяснить только ссылкой на «хищнический капитализм»: транснациональные фармацевтические корпорации колонизировали психиатрию и клиническую психологию и используют своих лицензированных агентов в качестве законных «наркоторговцев». Это равносильно тому, что правительство бы вдруг легализовало оборот наркотиков или бы прибегло к мошенничеству потребителей в особо крупных размерах. Эти вызванные культурными факторами «эпидемии» могут быть обращены вспять только путем обнаружения и признания их коренных причин, которые связаны с дегуманизирующим влиянием техносотщества, и путем ре-гуманизации (*re-humanizing*) жизни людей методами гуманитарной терапии и смежных философских практик.

В-пятых, материальное изобилие в tandem с духовной бедностью, чрезмерное внимание к технологиям в решении человеческих проблем и соответствующее игнорирование гуманитарных наук и искусств — все это привело к всеобщей потере смысла жизни у современных людей. Массовая потеря смысла была впервые клинически отмечена Виктором Франклом после Второй мировой войны, по поводу чего он и разработал свой метод логотерапии [7]. Эта проблема также рассматривалась экзистенциалистами и получила окончательную критическую «раскрутку» у постмодернистов. Когда люди становятся просто шестеренками в машине или узелками в глобальных сетях и видят, как постепенно традиционные мифопоэтические повествования разрушаются и обесцениваются, они неизбежно приходят к утрате смысла жизни вместе со многими другими духовными проблемами.

Например, в период до техносотщества, если обычная семья хотела насладиться музыкой, все ее члены, как правило, сами активно ее создавали (рис. 2), что показывает данная иллюстрация эпохи позднего Возрождения (XVI в.).

Семейное исполнение музыки имеет множество полезных сопутствующих эффектов в дополнение к наслаждению самой музыкой. Например, это укрепляет семейные узы, упрочивает связи, поощряет сотрудничество, усиливает социализацию, обостряет внимание, развивает моторику. Я уверен, что вы сможете обнаружить другие преимущества такой деятельности.

Рис. 2. Иллюстрация эпохи позднего Возрождения (XVI в.)

Теперь сопоставьте эту картину с сегодняшней зарисовкой жизни обычной семьи технообщества (рис. 3).

Если ее члены хотят наслаждаться музыкой, они потребляют ее пассивно и изолированно, каждый находится в своем собственном мире. Пассивное потребление музыки изолированных друг от друга людей имеет много вредных побочных эффектов. Например, это ослабляет семейные узы, затрудняет общение, поощряет изоляцию, препятствует социализации; это требует излишнего внимания, что приводит к большей

физической усталости. Я также уверен, что вы можете сами продолжить этот перечень вредных воздействий.

Это всего лишь один пример превращения человека технообщества из активного производителя в пассивного потребителя культуры. Этот вид трансформации, скорее всего, обедняет дух людей и делает их более уязвимыми для целого созвездия болезней, вызванных культурными факторами, о которых говорилось выше.

В-шестых, виртуализация идентичности также является источником проблем,

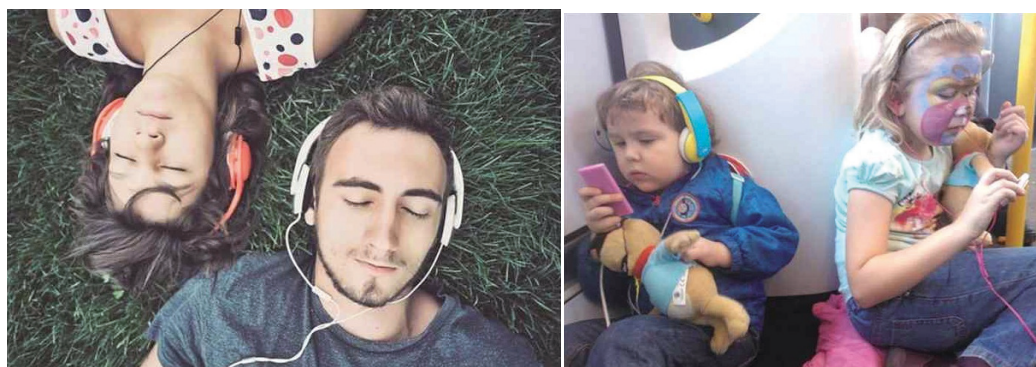

Рис. 3. Зарисовки жизни обычной семьи технообщества

особенно для молодых людей. По сути, такие платформы, как Facebook, перемещают личность из реального пространства в пространство виртуальное, делая саму личность неразличимой, эфемерной, уязвимой. Если мы поразмышляем о значении дружбы в том виде, в каком она понималась с древних времен, например Аристотелем или Конфуцием, то поймем, что дружба обретает реальность только между воплощенными существами, и только в таком качестве она глубоко осмысленна и ценна. Сравните это с «дружбой» в Facebook, осуществляемой одним щелчком мыши. Ничто не может быть более поверхностным и менее значимым. Таким образом, хотя можно иметь огромное количество виртуальных «друзей», несравнимо более важно и полезно иметь хоть и немногих, но реальных друзей настоящего качества.

В-седьмых, миграция сознания в виртуальное пространство также порождает множество проблем, главной из которых является искаженное восприятие реальности. В западном мире письменная традиция, которая создала образцы для каждого института современной цивилизации, постепенно умирает. Человеческое сознание больше не ассимилирует знания путем чтения и размышления над идеями, оно скорее наблюдает потоковое видео в реальном времени и эмоционально реагирует на готовые изображения и лозунги. Это именно то, чему Платон пытался противодействовать с помощью своей «аллегории пещеры»: повсеместной подмене реальности восприятием. В технообществе восприятие это и есть реальность. Таким образом, массы людей оказались загнанными обратно в пещеру Платона. Опасность превращения людей в стадо овец, а трезво мыслящих граждан в безликую толпу трудно переоценить.

В-восьмых, несмотря на то что уровень грамотности в целом растет, даже в развивающихся странах (спасибо глобализации), в развитых странах прогрессирует так называемая «культурная неграмотность». Культурная неграмотность — это состояние, при котором можно просто читать слова, но при этом не понимать их смысла [9]. Например, большинство американцев без труда смогут прочесть, что «Ли капитулировал перед Грантом при Аппоматтоксе». Однако большинство американцев уже не знают ни то, кем были Ли и Грант, ни то, где находится Аппоматтокс, и что эта капитуляция означала окончание Гражданской войны в США. Культурная неграмотность — это исчезновение из коллективного сознания

тысяч предметов культурного наследия, которые когда-то считались необходимыми для общей культурной ориентации в мире, и приобщение к которым осуществлялось в рамках единой образовательной программы. Это относится не только к истории, но и к географии, литературе, философии и всем предметам традиционной образовательной программы. Технообщество отменило единый учебный план и заменило его недифференцированным континуумом неупорядоченной информации, растревоженной штормом в океане информационного хаоса. Эта информация могла бы быть упорядочена консенсусом вдумчивых людей (например, наподобие библиотечного каталога), но в реальности она систематизируется непрозрачными алгоритмами поисковых систем: анонимных, безликих и ценностно нейтральных. Как следствие, общее невежество (то есть культурная неграмотность) возрастает в силу увеличивающейся информационной перегрузки.

5. Выводы

Во-первых, некоторые люди могут удивиться, узнав, что в 2013 г. Ассоциация развития искусств и наук (AAAS) представила Конгрессу США доклад, в котором говорилось о том, что маргинализация гуманитарных наук является основной причиной культурного упадка и ухудшения социального самочувствия нации. Наша статья не только разделяет эту точку зрения, но и выделяет конкретные аспекты этой проблемы. Если спросить, какое влияние оказал отчет AAAS на законодательную власть США и намерена ли она исправлять ситуацию, то, к сожалению, ответ отсутствует. Напротив, упадок и ухудшение по сравнению с 2013 г. только усугубляются. Это указывает на то, что правительство США, скорее всего, является частью самой проблемы, а не частью ее решения.

Во-вторых, некоторые люди могут удивиться, узнав о существовании степени MLA, которая, кажется, специально открыта для того, чтобы помочь решить обозначившуюся проблему. MLA, или магистр гуманитарных наук (*Master of Liberal Arts* — дословно «Магистр свободных искусств»), является междисциплинарной образовательной программой, которая объединяет исследования искусств, естественных, гуманитарных и социальных наук. Десятки американских университетов, в том числе ведущих, присваивают теперь эту степень своим выпускникам. Но есть ли подтверждения того, что

выпускники этих программ вносят ощутимый вклад в решение проблем технообщества? К сожалению, нет. Это потому, что данные программы почти полностью сфокусированы на теории, а не на практике. Хотя они справедливо заинтересованы в том, чтобы быть альтернативой преждевременной и чрезмерной специализации, поставляющей технообществу своих агентов, эти программы дают знания ради знания или ради удовлетворения интеллектуального любопытства, а не для более значимой цели — устранения культурных и социальных недугов современного общества.

В-третьих, из двух предыдущих выводов следует, что решения не придут ни от правительства, ни от академических кругов и что устранение вредных воздействий технообщества зависит от инициативы снизу, которую проявляют представители гуманитарной терапии, а также философы-практики. У нас есть ключевое понимание вредных воздействий технообщества и мы работаем с «жертвами» этих воздействий; правительства и университеты этого не делают. Мы разрабатываем методы, которые в наибольшей мере способствуют устранению дефицита человеческих качеств в условиях технообщества; правительства и университеты этих методов не имеют. Мы имеем навыки работы с людьми, облегчая их страдания, порожденные технообществом; правительства и университеты этого не умеют. Наше число хоть и не велико, но мы ставим перед собой великую задачу, и то, что мы можем предложить обществу, имеет огромную ценность. Поэтому я призываю вас всех продолжать работу в этой области и заверяю вас, что ваши усилия приведут к существенному улучшению жизни людей.

References

1. Adeyemi, O., Stonehouse N. (2017) *Microbiology Today*, no. 44 (1), pp. 14—17 [in Eng].
2. Akinbami L., Liu X., Pastor P., Reuben C. (2011) *National Center for Health Statistics: Data Brief* 70. Available at: <https://www.cdc.gov/nchs/products/databriefs/db70.htm>, accessed 03.04.2020 [in Eng].
3. Black, S. (2014) NHS considers 'brain training' treatment as ADHD prescriptions reach 1.1 million // BrainTrainUK, available at: <http://www.braintrainuk.com/nhs-considers-brain-training-treatment-as-adhd-prescriptions-reach-1-1-million>, accessed 03.04.2020 [in Eng].
4. Deyto, M. (2018). Time Spent on Mobile Phones: 3.3 Hours Per Day // TextMarks' SMS Text Messaging platform. Available at: <https://blog.textmarks.com/time-spent-on-mobile-phones-greater-than-on-desktopslaptops>, accessed 03.04.2020 [in Eng].
5. D'haen, T. (2011). Is Humanities Under Siege? // *Diogenes*, no. 58 (1—2), pp. 136—146 [in Eng].
6. Feary, V., Marinoff, L. (2014). *Journal of Humanities Therapy* 5, pp. 47—70 [in Eng].
7. Frankl, V. (1959). *Man's Search for Meaning*. Boston, Beacon Press [in Eng].
8. Gould, S., Friedman L. (2016). Something startling is going on with antidepressant use around the world // *Business Insider*, 2. Available at: <https://www.businessinsider.com/countries-largest-antidepressant-drug-users-2016-2>, accessed 03.04.2020 [in Eng].
9. Hirsch E.D. (1988). *Cultural Literacy*. New York, Vintage Books [in Eng].
10. Hobbes T. (1992) [1651]. *Leviathan* / ed. R. Tuck. Chapter 4. Cambridge, Cambridge University Press [in Eng].
11. Major depression on the rise among everyone, new data shows. (2018). *NBC Palm Springs*. Available at: <https://nbcpalmsprings.com/2018/05/10/major-depression-on-the-rise-among-everyone-new-data-shows>, accessed 03.04.2020 [in Eng].
12. Marinoff, L. (2003). *The Big Questions*. New York, London, Bloomsbury [in Eng].
13. Marinoff, L. (2007). *The Middle Way*. New York, Sterling [in Eng].
14. Marinoff, L. (2012). "Humanities Therapy: Restoring Well-Being in an Age of Culturally-Induced Illness," Keynote address // *Proceedings of the 11th International Conference on Philosophical Practice*. Humanities Institute, Kangwon National University, pp. 27—48 [in Eng].
15. Marinoff L. (2016). *Mind Over Mind, Mind Over Brain, Man Over Man: A Convergence of Buddhism, Neuroscience, and Nietzsche* // *Proceedings of 2016 Mind Humanities International Conference*. Wonkwang University, pp. 581—608 [in Eng].
16. Measles, Mumps, and Rubella (German Measles): Cases and Deaths, and MMR Vaccination Rates. (2017). *Pros & Cons of Current Issues*. Available at: https://vaccines.procon.org/view_additional-resource.php?resourceID=005969, accessed 03.04.2020 [in Eng].
17. Orwell G. (1946). *Politics and the English Language*. London, Horizon [in Eng].
18. Pratt L., Brody D., Gu Q. (2017). Antidepressant Use Among Persons Aged 12 and Over: United States, 2011 — 2014 // *National Center for Health Statistics: Data Brief* 283. Available at: <https://www.cdc.gov/nchs/products/databriefs/db283.htm>, accessed 03.04.2020 [in Eng].

19. Ritchie, H., Roser M. (2018). Mental Health // Our World in Data. Available at: <https://ourworldindata.org/mental-health>, accessed 03.04.2020 [in Eng].

20. Sapir E. (1949). *Selected Writings* / ed. D. Mandelbaum. Berkeley, Los Angeles, University of California Press [in Eng].

21. Snow C.P. (2001) [1959]. The Two Cultures. London, Cambridge University Press, p. 3—31. Available at: <http://s-f-walker.org.uk/pubsebooks/2cultures/Rede-lecture-2-cultures.pdf>, accessed 31.03.2020 [in Eng].

22. Whorf B. (1956). Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. J. Carroll. New York, The Technology Press of MIT and John Wiley & Sons Inc [in Eng].

23. Wilson, S., Guliani, H., Boichev, G. (2016). *Journal of Community Safety & Well-Being*, no. 1 (2), pp. 26—31 [in Eng].

For citing: Marinoff L. Humanitarian therapy as a means of protecting against detriments of technological community // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). P. 19—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-19-28

UDC 101.8 + 101.9

HUMANITARIAN THERAPY AS A MEANS OF PROTECTING AGAINST DETRIMENTS OF TECHNOLOGICAL COMMUNITY

Marinoff Lou,

City College of New York (USA),
Dean of the Department of Philosophy
President of the American Association of Practical
Philosophers (APPA),
Doctor of Philosophy, Professor.
160 Convent Ave, New York, NY 10031, USA.
E-mail: lmarinoff@ccny.cuny.edu

Abstract

Globalization and the digital revolution are transforming human civilization in unprecedented ways, in large measure via innovation as well as imposition of emergent technologies on growing numbers of consumers. While these transformations confer undeniable benefits to humanity, the benefits are bundled with a corresponding set of detriments. This paper does not contest the benefits, but confronts the detriments. It appeals to humanities therapy as a remedy for many of the cognate problems experienced by individuals and societies alike, problems that stem from overexposure to technologies and underexposure to humanities.

Key concepts:

technosociety,
monoculture,
detriments,
cognitive deficits,
behavioral deficits.

Для цитирования: Головин М. С. Теоретические аспекты и дискурсивная практика праворадикальной идеологии в политических процессах современной Европы // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 29—40. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40

УДК 32.019.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ПРАВОРАДИКАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

Головин Михаил Сергеевич,

Челябинский государственный университет, ассистент кафедры политических наук и международных отношений, Российская Федерация, 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162в. E-mail: golovin.mihail@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются основные подходы к понятию «правый радикализм» в современной отечественной и зарубежной политической науке. Кроме того, на примере идеологического дискурса крайне правой Британской национальной партии показано то, как акторы политических процессов используют идеологию в рамках политической борьбы.

Цель. Проследить специфику конструирования националистического дискурса праворадикальных политических сил в современной Европе (на примере Британской национальной партии) и сформулировать авторское определение понятия «правый радикализм».

Методы. В статье используются сравнительный и историко-ретроспективный методы, позволяющие комплексно рассмотреть феномен правого радикализма, а также дискурсивный анализ программного текста политической партии, что способствует лучшему пониманию особенностей

конструирования дискурса данных акторов политических процессов.

Научная новизна исследования. В работе произведен комплексный анализ понятия «правый радикализм» в контексте политических процессов современной Европы, а также предложено авторское определение рассмотренного феномена.

Результаты. Из обширного научного наследия, посвященного вопросам правого радикализма, идеологии и функционированию праворадикальных политических партий были отобраны несколько подходов, представленных как в отечественной, так и в зарубежной политической науке, позволяющие максимально комплексно раскрыть сущностные основания такого понятия как «правый радикализм». Кроме того, в результате дискурс-анализа программного документа Британской национальной партии были обозначены моменты, являющиеся ключевыми для националистического дискурса современной европейской праворадикальной партии.

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что понятие «правый радикализм» является одним из самых дискуссионных в современной политической науке и актуальность его исследования, учитывая реалии современной политики, не вызывает сомнений. Также анализ программного документа одной из старейших крайне правых партий Европы показывает, что идеологический дискурс формируется из различных составляющих, и, используя различные методики, исследователь может подробно разобрать его конструкцию, поняв, каким образом политические силы формируют этот дискурс в рамках политической борьбы.

Ключевые понятия:

правый радикализм, правый экстремизм, Великобритания, Британская национальная партия, националистический дискурс, Европейский союз.

Введение

Согласно ряду исследований, динамика публикаций книг и статей в научных журналах по тематике правого радикализма такова, что если в начале XXI в. в год в среднем выходило не более 50 научных публикаций по теме, то к середине 2010-х гг. этот показатель находился на уровне 180—200 работ, посвященных так или иначе проблематике идеологии и политических действий праворадикальных организаций [12, р. 2]. Кроме того, в своей статье итальянский исследователь Мануэла Кайяни указывает на некоторую дихотомию, существующую среди авторов, занимающихся этим вопросом. С одной стороны, в работах по соответствующей проблематике делался акцент на политических партиях, выборах и электоральном поведении (например, работы таких известных исследователей, как Э. Картер и П. Игнаци), не слишком много внимания уделяя той среде, в которой праворадикальные идеи находят свою поддержку. С другой стороны, как подчеркивает М. Кайяни, исследователи социальных движений до некоторого времени пренебрежительно относились к правому радикализму (исключение, пожалуй, составляют такие крупные ученые как М. Минкенберг и К. Мадде), относя его к области научных изысканий специалистов по терроризму и политическому насилию, и отдавая предпочтение в выборе объекта своих исследований радикализму левому [12, р.2].

Методы и материалы

В рамках настоящей статьи автором будут проведены параллели между существенным наполнением концепта «правый радикализм», происходящим в ряде «классических» и современных работ по этой теме, и дискурсивной практикой некоторых праворадикальных партий Европы в контексте электорального роста данных организаций и актуализации соответствующей повестки в современном мире. Сравнительный анализ, историко-ретроспективный и дискурсивный анализ, используемые в исследовании, способствуют комплексному анализу рассматриваемого феномена, позволяют понять особенности конструирования идеологического дискурса праворадикальными политическими партиями в современном мире.

Теоретические подходы к понятию «правый радикализм»

Стоит отметить, что в современной зарубежной политической науке сформировались две группы исследователей, выступающих с обоснованием понятий «правый радикализм» и «правый экстремизм» в отношении рассматриваемых в данной работе политических организаций.

Ряд зарубежных исследователей в своих работах обосновывает применение понятия «правый радикализм»: в этой связи можно назвать фамилии таких ученых, как М. Минкенберг, Г. Китчелл, К. Мадде. Некоторые же исследователи предпочитают использовать понятие «правый экстремизм» (П. Игнаци, П. Хейнсворт, Р. Итуэлл, Э. Картер). Ряд ученых считают оба термина синонимами (например, известный британский исследователь Р. Гриффин). Перед тем как подробнее рассмотреть точки зрения на исследуемую проблему некоторых авторов, стоит отметить, что в целом выделяется ряд общих позиций, по которым указанные авторы аргументируют свою точку зрения [2, с. 119—120]. Первая группа ученых обосновывают свою позицию следующим образом:

- 1) изучаемый феномен не сводится только к политическим партиям и их программам; его базис включает не только организованные группы, но также воззрения и ориентиры населения; понятие «экстремизм» ограничено лишь организованными группами;
- 2) на сегодняшний момент термин «правый радикализм» достаточно широко используется в научной литературе и ассоциируется именно с современными крайне правыми идеологиями;
- 3) «правый радикализм», в отличие от «правого экстремизма», не обладает таким сильным негативным значением, а также в меньшей мере используется для делегитимации своих оппонентов.

Что касается второй группы ученых, то они мотивируют использование термина «правый экстремизм» следующим образом:

- 1) само слово «экстремизм» ассоциируется с нелегальным характером деятельности крайне правых партий;
- 2) термин «правый экстремизм» ориентирует ученого на изучение именно политической природы исследуемого явления.

Необходимо отметить, что аргументация первой группы исследователей представляется наиболее убедительной и, что важнее, более точно отражает природу современных праворадикальных политических партий. Действительно, через многие исследования этого вопроса красной нитью проходит мысль о легальности и нелегальности подобных организаций. И здесь, в отличие от понятия «экстремизм», которое закреплено в юридической литературе как явление, влекущее за собой уголовное наказание, и, следовательно, уже выходит за рамки легального поля политики, «радикализм» — более широкий феномен. Словом, можно быть радикальным по отношению к чему-то или кому-то в определенной системе, но экстремистская направленность деятельности *противопоставляет себя всей системе*, выходя за её рамки. Например, по отношению к консерваторам или лейбористам в Британии евроскептики (Партия Независимости Соединенного Королевства) занимают радикальную позицию по ряду вопросов, но не отрицают всей системы, того легального политического пространства, в котором они действуют. Однако, как показывает практика, дискурс подобных организаций может радикализироваться, актуализируя некоторые моменты, которые на данном этапе социально-политических процессов имеют, по мнению правых политиков и идеологов, особое значение.

Одним из исследователей, которые изучают правый радикализм как современный феномен и подробно рассматривают его природу, является уже ставший классиком в этой сфере немецкий исследователь М. Минкенберг. В своей работе «Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды» немецкий ученый прослеживает этапы эволюции праворадикальной идеологии, останавливаясь на некоторых примерах более подробно, проводя сравнительный анализ. В контексте настоящего исследования интересно то, какие особенности рассматриваемой идеологии выделял автор и, конечно, то определение, которое он сформулировал в ходе своего анализа.

Проанализировав работу [5, с. 16—32] М. Минкенберга, можно выделить несколько основных тезисов немецкого политолога, отражающих природу такого явления, как «правый радикализм»:

- 1) правый радикализм является современным феноменом, который возник в процессе модернизации западных обществ во второй половине XX в.; по мнению ученого, попытки некото-

рых исследователей установить связь между современным правым радикализмом и классическим фашизмом (и в целом правыми идеологиями межвоенного периода) являются малооправданными;

- 2) М. Минкенберг отмечает своего рода необъятность этого явления в научной литературе («26 предлагаемых дефиниций правого радикализма, 58 определяющих его критериев» [5, с. 18]);
- 3) немецкий ученый в своей работе дает также и своё определение правого радикализма, которое, на наш взгляд, весьма категорично. Итак, правый радикализм М. Минкенберг определяет как «политическую идеологию, базирующуюся на *ультранационалистических представлениях* и направленную *против либеральной демократии* (с её индивидуализмом и универсализмом) и её основных ценностей — свободы и равенства. Ультранационалистическое ядро праворадикального мышления — в заострении критериев национальной принадлежности (этнических, культурных или же религиозных), в сведении их к представлениям о коллективной гомогенности и в соединении этих представлений с авторитарными политическими моделями». Это определение, пожалуй, достаточно точно передает природу современного правого радикализма. Действительно, крайне правые часто критикуют представителей либерально-демократической системы за то, что интересы народа — австрийского, французского, британского и т. д. — в недостаточной мере представлены в органах власти; кроме того, правые националисты часто инициируют референдумы и предлагают как можно чаще решать вопросы на местном уровне;
- 4) интересно, что в своей работе немецкий исследователь разделяет правый радикализм на 3 группы — три уровня: партии, движения, малые группы. Критерий такой классификации весьма прост — от готовности участвовать в парламентской борьбе до насильственных методов борьбы. И сегодняшняя политическая реальность, необходимо отметить, подтверждает это теоретическое заключение: на самом деле есть праворадикальные политические партии, которые

в рамках легального политического пространства участвуют в конкурентной борьбе за власть; если говорить о движениях, то самый яркий пример последних нескольких лет — движение ПЕГИДА, представители которого мобилизуются по отдельным поводам и не ставят для себя цели участия в предвыборной борьбе; и, наконец, те политические группы, которые в своей деятельности применяют насильственные методы — по сути, это те самые правозкстремистские силы, о которых шла речь выше. Таким образом, М. Минкенберг в одно понятие «правый радикализм» укладывает все возможные проявления правых националистических настроений;

- 5) кроме того, выделяется три различные фазы правого радикализма во второй половине XX в.: первая фаза — конец 1940-х — 1950-е гг. — маккартизм в США, остатки нацистских партий в Германии и фашистских в Италии; вторая фаза — 1960-е — начало 1970-х (например, Национальный фронт в Великобритании); третья фаза — 1980—1990-е годы, когда, собственно, праворадикальные партии стали демаргинализироваться, т. е. утверждаться как акторы легального политического процесса во многих странах Западной Европы.

В целом немецкий исследователь отмечает важное отличие «старых» правых радикалов от «новых»: если в межвоенный период в программах подобных партий содержались пункты, призывающие к установлению авторитарных и тоталитарных режимов, то ничего подобного сегодня уже нет. Как мы уже формулировали выше, правые радикалы сегодня настроены на *изменение системы внутри самой системы, а не посредством её уничтожения*. Однако представляется странным, что, критикуя некоторых ученых, которые проводят аналогии между правыми межвоенного периода и современными крайне правыми (пункт 1), М. Минкенберг в 5-м пункте, выделяя три фазы правого радикализма, сам апеллирует к крайне правым 1940-х годов, так называемым остаткам нацистских и фашистских партий. Таким образом, в его теории наблюдается некоторая непоследовательность в заключениях, что, конечно, не сильно снижает её теоретическую значимость. Далее, ссылаясь на работу ещё одного известного исследователя фашизма и правого радикализма — Р. Гриффина, М. Минкенберг гово-

рит об идеальном политическом режиме правых радикалов как об этнократии. Следовательно, можно заключить, что, согласно теории немецкого ученого, цель правых радикалов состоит в том, чтобы преобразовать сегодняшнюю либеральную демократию в режим, при котором больше преимуществ получает национальное большинство, а не различные этнические и национальные меньшинства. Здесь стоит отметить, что анализ политических программ некоторых европейских крайне правых партий подтверждает этот тезис М. Минкенберга (что будет более наглядно продемонстрировано в завершающей части работы, в которой будут проанализированы программные документы Британской национальной партии).

Так как в задачи данного исследования не входит подробный анализ истории праворадикальных партий во всех европейских странах, то относительно работы М. Минкенберга стоит добавить, что он отмечает следующую тенденцию: «Праворадикальные партии и движения сильнее всего в тех странах, где им удалось в ходе модернизации общества модернизировать и собственную идеологию и политическую стратегию (отказ от фашизма и расизма), приспособиться к сложившимся политическим структурам и, исходя из присущих этим странам специфических националистических традиций, создать собственный политический профиль и найти опору в обществе» [5, р. 27]. И результаты выборов различных уровней подтверждают данное утверждение: и во Франции, и в Австрии, и в Великобритании (пожалуй, эти три примера являются самыми наглядными в этой связи), а также в ряде стран как Западной, так и Восточной и даже Южной Европы (недавние успехи крайне правых в Италии и в Испании) сегодняшний успех праворадикальных политических партий объясняется, кроме всего прочего, и тем, что за всю историю существования крайне правые партии в этих странах изменяли свою идеологию, трансформировали свой дискурс исходя из социально-политического контекста и таким образом окончательно закрепились как влиятельные акторы политических процессов. Здесь, правда, стоит добавить, что большой ошибкой было бы считать однотипной ту модель формирования, эволюции и особенностей националистического дискурса и в целом идеологии правого радикализма, которую можно наблюдать во всех вышеуказанных странах и регионах. Безусловно, специфика этого отлична как на региональном (Западная Европа, Восточная Европа, Южная Европа), так и на национальном уровнях и

это важно помнить, чтобы в исследовании правого радикализма как идеологии и праворадикальных партий как влиятельных акторов политических процессов не попасть в ловушку унификации и не свести всё к какому-то универсальному для всех стран и регионов развитию историко-культурных и социально-политических процессов.

Ещё одним немецким исследователем правого радикализма, который внес существенный вклад в разработку этого понятия, является Г. Китчелт (работа «Правый радикализм в Западной Европе»). Как отмечает ответственный политолог И. И. Гончаров, монография Г. Китчелта стала «классическим сравнительным исследованием крайне правых партий» [3, с. 218—220]. В своей работе немецкий ученый делает несколько выводов, согласно которым успех праворадикальных партий зависит от ряда компонентов:

- 1) развитие капиталистического пост-индустриального общества;
- 2) глубокие противоречия между леволибертарными и право-авторитарными избирателями;
- 3) стремление основных партий к центру, стратегическое сближение их идеологических оснований.

Кроме того, важнейшей характеристикой, «формулой успеха» крайне правых Г. Китчелт называет сочетание в их идеологии «про-рыночных идей» (pro-market position) в экономике с авторитарными установками в культурном измерении [13, р. 19]. Работа, в которой ученый выдвигал такое утверждение, была написана более 20 лет назад и, конечно, несмотря на свою непреходящую актуальность как классики исследований правого радикализма, полностью согласиться в этом вопросе с Г. Китчелтом сложно, ибо за последние годы многие ведущие крайне правые партии Европы (например, французский «Национальный фронт» или, что более показательнее, Австрийская партия свободы) отошли от радикально рыночных установок в экономике (это было больше свойственно крайне правым партиям в 1980-х — начале 1990-х гг.) и всё больше вводят в свою повестку идеи, с помощью которых можно привлечь на свою сторону традиционный электорат т. н. «левых» партий. В качестве такой идеи можно назвать концепцию «welfare chauvinism», согласно которой социальные блага и льготы от государства вполне приемлемы, если они распределяются среди «своих» граждан, то есть тех, кто принадлежит к национально-культурному большинству,

является «истинным» французом, австрийцем, британцем и т. д.

Из перечисленного же выше особо стоит отметить тезис Китчелта, крайне актуальный в контексте сегодняшнего политического процесса — тезис о стратегическом сближении основных партий, централизации их идеологических постулатов с целью достижения больших электоральных успехов. На этом фоне и крайне правые, и крайне левые политические организации часто оказываются предпочтительнее для обычного избирателя, заявляя о своей более радикальной и бескомпромиссной позиции. И, несмотря на всевозможные коалиции и переговоры представителей двух больших партийно-политических лагерей — правоцентристов (консерваторов) и левоцентристов (социал-демократов), представителям праворадикальных партий всё чаще удается добиваться успеха в рамках электоральных процессов, а иногда даже и участвовать в формировании правительственной коалиции, как это произошло в 2017 г. в Австрии.

Также, рассматривая природу правого радикализма, нельзя ни коснуться той трактовки, которую дал этому явлению бельгийский специалист К. Мадде. Основа идеологии праворадикальных партий, согласно К. Мадде, — «сочетание нативизма, авторитаризма и популизма» [8, с. 143]. Три этих компонента расшифровываются следующим образом: 1) нативизм — исключаящий национализм, т. е. ситуация, при которой «не-коренные элементы» являются угрозой однородному национальному государству; 2) авторитаризм — это жестко организованное общество + «карательный консервативный морализм»; 3) популизм — дихотомия «народного» и «элитарного», политика должна представлять собой реализацию народного волеизъявления. Анализируя те компоненты правого радикализма, которые были предложены бельгийским ученым, отметим следующее:

- 1) нативизм действительно имеет место в программах праворадикальных партий (в качестве «не-коренных элементов» чаще всего представляются иммигранты-мусульмане и ислам как чуждая европейской цивилизации религиозная и культурная идентичность);
- 2) что касается авторитаризма, то здесь акцент, пожалуй, стоит сделать на двух вопросах: во-первых, сами праворадикальные партии представляют из себя строго иерархичную структуру,

во главе которой зачастую стоит харизматичный авторитарный политик; во-вторых, стоит отметить наличие того, что Мадде назвал «карательным консервативным морализмом» — действительно, риторика праворадикальных партий насыщена постулатами о том, что необходимо бороться с аморальностью, которая сегодня наличествует в обществе, с упадком религиозности и с разрушением традиционной семьи (особенно на фоне высокой религиозности, а также высокой, по сравнению с европейцами, рождаемости среди представителей «чужих») и т. д.;

- 3) третий пункт не так очевиден, ибо в последние годы противопоставление «элит» и «масс» в риторике крайне правых снизилось во многом по причине того, что сами правые радикалы, во-первых, активно участвуют в электоральных процессах, а во-вторых, пытаются войти в число представителей этих самых «элит», чтобы быть непосредственно причастными к принятию тех или иных решений; в данном случае, наверное, корректнее будет говорить об активной агитации правых радикалов за как можно большее число референдумов, иницируемых «снизу» (наиболее яркий пример — инициативы правых в Швейцарии, касающиеся вопросов, связанных с иммиграцией)¹. Однако, конечно, тот факт, что крайне правые выступают от лица «народа» — рядового австрийца, немца, француза — нигде не исчезает. К примеру, одной из главных идеологических основ праворадикальной Австрийской партии свободы уже на протяжении двух десятилетий является защита «маленького человека», рядового австрийца, которому противостоят интересы крупных корпораций, т. е. тех, кто входит в политическую и экономическую элиты [10, p.2].

Таким образом, и Г. Китчелл, и К. Мадде, руководствуясь различным методологическим инструментарием, выделяют важнейшие признаки идеологии правого радикализма, которая лежит в основе крайне

правых политических партий, рост электоральной популярности которых можно наблюдать в последние годы.

В контексте рассмотрения эволюции, которую прошел правый радикализм, а также тех этапов, в течение которых соответствующие партии становились влиятельными игроками на политическом поле, интересной представляется работа аналитика Центра европейских исследований А. С. Хрисогелоса. В своей статье он выделяет 4 фазы [9, p. 76—79] эволюции идеологии правого популизма и радикализма в современной Западной Европе:

1. Фаза 1: 1980-е гг. — подъем новых крайне правых и материализация популистского потенциала. Основные черты этой фазы характеризуются переходом от «периода стабильной демократии» к подъему правопопулистских партий. Исследователь отмечает, что именно в этот период праворадикальные партии смогли перестроить свой имидж, отказавшись от своих идеологических предшественников. Можно констатировать, что именно в это время началось становление того националистического дискурса, которым пользуются крайне правые сегодня — именно в 1980-е гг. в идеологии этих партий на первое место вышли темы критики иммиграции, коррупционных элит, далеких от «простого народа», а также указание на моральный кризис западного общества.
2. Фаза 2: 1990-е гг. — новый правый радикализм укрепляется и расширяет свой потенциал. Особенности второй фазы в плане идеологии является добавление в её составляющие евроскептицизма, который не был так актуален в эпоху «холодной войны». Кроме того, происходит расширение электоральной базы праворадикальных партий: начиная с 1990-х гг. крайне правых поддерживает и та часть электората, которая традиционно голосовала за «левые» партии — молодежь и рабочие. Это объясняется тем, что в новых социально-экономических условиях правые радикалы расширили свою идеологическую базу, акцентируя вопросы законности, социальной обеспеченности «коренного» населения, сохранения суверенитета и собственной культуры.
3. Фаза 3: 2000-е гг. — политика идентичности и протекционизм. Одним

¹ См. например: Швейцарцы на референдуме запретили строить в стране минареты // Newsru.com. URL: <http://www.newsru.com/world/29nov2009/ref.html>; Швейцария инициировала референдум об ограничении миграции из стран ЕС // Взгляд. URL: <http://vz.ru/news/2014/2/6/671420.html>.

из основных вопросов, на котором крайне правые стали выстраивать свой политический дискурс, явился вопрос глобализации: кто проиграл, а кто выиграл от этого процесса. В этот период, как отмечает А. С. Хрисогелос, крайне правые окончательно отходят от неолиберализма в экономике. В этом контексте к традиционной анти-иммигрантской повестке добавилась тема незащищенности людей в условиях открытой экономики, т. е. в условиях, при которых государство в неё не вмешивается. Однако в 2000-е наблюдается некоторый спад электоральной популярности крайне правых в силу трансформаций их идеологии. В качестве иллюстрации, пожалуй, можно привести пример Австрийской партии свободы, которая после успеха 1999 г., на протяжении первой половины 2000-х гг. теряла популярность и только приход нового лидера, а также изменения в программных документах партии в силу новой социально-политической обстановки способствовали новому подъему партии как на национальном, так и на общеевропейском уровне; самый же свежий пример — трансформация дискурса Партии независимости Соединенного Королевства после ухода Н. Фарраджа с поста лидера партии в 2018 г.

4. Фаза 4: 2010-е гг. В условиях экономического кризиса, который переживала Европа в начале 2010-х гг., стало ещё отчетливее проявляться противопоставление крайне правых, их идеологии и умеренных политических сил, на протяжении десятилетий составлявших основу политических систем в ряде западноевропейских государств.

В целом крайне правые партии противопоставляют свою повестку всей устоявшейся системе и выступают как «третья сила», которая в контексте экономического кризиса и проблем европейской интеграции получают шанс на успех, который смог бы изменить всю партийно-политическую систему, существующую в странах Западной Европы. В этой связи А. С. Хрисогелос делает вывод о необходимости консолидации умеренных политических сил для изменения политики в странах ЕС и в конечном итоге для того, чтобы вернуть интерес общества к традиционной партийно-политической системе и снизить рост влияния праворадикальных

политических партий и их идеологии на граждан европейских государств.

Некоторые отечественные исследователи предпринимают попытку вычленения основных элементов праворадикальной идеологии, основываясь на анализе программных документов некоторых крайне правых партий. Например, исследователь А. В. Махова выделяет 23 идеологических аспекта [4, с. 117—118]. Рассмотрев данный список, можно сгруппировать перечисленные в её работе элементы идеологии правого радикализма в четыре больших блока:

- 1) социальный шовинизм (или «welfare chauvinism»), то есть социальные пособия и льготы только для представителей «своих», «титულიной» нации);
- 2) резко антииммигрантский дискурс в культурно-цивилизационном аспекте;
- 3) «традиционные ценности» (религия, семья);
- 4) евроскептицизм (как в политическом, так и в экономическом аспектах).

Как можно заметить, перечисленные А. В. Маховой элементы праворадикальной идеологии пересекаются с теми, что выделяли некоторые зарубежные исследователи. Единственное, стоит добавить, что при всем удобстве выделения общих черт в идеологии праворадикальных партий существует и ряд особенностей, свойственных каждому конкретному случаю. Не стоит забывать, что мы говорим о правых националистических организациях, которые ставят национальное (а оно у каждой нации «своё», служащее идентификацией в противопоставлении «чужому») в основу своей идеологии. Они — в большей степени, нежели правоцентристы и тем более представители «левых» партий — апеллируют к национальным традициям и, в конечном итоге, к своим национальным мифам. Это является одной из причин того, что до определенного времени крайне правые были неспособны создать обширную коалицию в рамках Европейского парламента.

Рассуждая о таком феномене, как правый радикализм, применительно к современным политическим процессам, нельзя обойти вниманием следующий нюанс: помимо понятий «правый радикализм» и «правый экстремизм» в отношении данных обозначенных выше партий и движений также используется такое понятие, как «правый популизм». Безусловно, анализ данного явления заслуживает отдельного исследования, однако в контексте настоящей работы мы не можем обойти его вниманием

и сделаем акцент на дискурсивной природе этого феномена относительно политических процессов в современной Европе.

Феномену правого популизма посвящено большое количество научной литературы, а само понятие «популизм» является одним из самых дискутируемых в политической науке. В частности, достаточно емкое и точное определение популизму дает отечественный исследователь Г. И. Мусихин, трактовавший популизм как «фрагментарную идеологию, которая ограничена логикой собственного использования, но, тем не менее, формирует определенный набор представлений, взаимодействующих с мыслительными конструкциями традиционных целостных идеологий» [6, с. 150—151]. Главной мыслью ученого, на наш взгляд, является идея о том, что в условиях современного мира целостная идеология не может пользоваться успехом у большого количества граждан того или иного государства. Популизм же — правый или левый — в своих построениях использует базовые фрагменты каких-либо традиционных идеологий с целью привлечения большего количества населения на свою сторону. Таким образом, популизм в современном мире, в котором в обществе всё больше растет скепсис в отношении традиционных идеологий, всё чаще становится электорально привлекательным в различных государствах: от Латинской Америки до Европы. Что же касается непосредственно правого популизма, который часто ставят в один ряд с исследуемым нами в данной работе правым радикализмом, то особо интересным представляется подход к анализу этого феномена, разработанный исследователем Рут Водак, охарактеризовавшей дискурс и идеологию праворадикальных партий как «политику страха» — метафора, послужившая названием для её научного труда [1].

В частности, в своей работе Р. Водак выделяет несколько элементов правопопулистского дискурса, являющихся как инструментом, так и выражением той идеологической основы, на которую опираются крайне правые организации непосредственно в современной Европе [1, с. 139—140]. Для того чтобы более наглядно проиллюстрировать теорию Р. Водак, было решено в качестве примера взять программу Британской национальной партии «Настоящий Национализм», выпущенную несколько лет назад и, на наш взгляд, являющуюся образцом классического праворадикального манифеста.

Тем более что почва для электоральной привлекательности праворадикальной идеологии в британском обществе существует. Как отмечает в своем исследовании М. Гудвин, по данным социологических исследований, проведенных в 2012 г., 41 % респондентов готовы были голосовать за партию, которая призывает ограничить иммиграцию в Британию; 55 % — за партию, которая бы выступала за приоритет традиционных британских ценностей над остальными, и 37 % респондентов обозначило свою готовность голосовать за ту политическую силу, которая бы предлагала сократить численность мусульманского населения в Британии, а также влияние ислама на британское общество [11]. И стоит отметить, что уже спустя 2 года, на выборах в Европейский парламент 2014 г., другая крайне правая партия Британии — Партия независимости Соединенного Королевства — одерживает победу, что лишь подтвердило гипотезу о росте популярности националистических, антииммигрантских настроений в британском обществе.

Переходя непосредственно к труду Рут Водак, отметим, что исследователь выделяет 6 особенностей, связанных с риторикой крайне правых (изложим их в краткой форме) [1, с. 140]:

- 1) правые популисты фокусируются на гомогенном народе/демоне, апеллируя к нативистическим (кровное родство) критериям;
- 2) правые популисты делают акцент на «исконной нации», которую нужно защитить от чужаков, «Нас» от «Них»;
- 3) вера в общий нарратив о прошлом, где «Мы» либо герои, либо жертвы сил зла;
- 4) заговоры как неотъемлемая часть дискурсивного конструирования страха и риторики правых популистов;
- 5) одобрение правыми популистами традиционных, консервативных ценностей и моральных принципов;
- 6) необходимость в харизматичном лидере и откровенно упрощенные объяснения и решения; пестование иерархического принципа организации.

Исследователь замечает, что данные особенности в известной степени генерализация, однако в целом идеологический профиль большинства правых популистских партий содержит перечисленные характеристики.

Националистический дискурс Британской национальной партии: специфика конструирования

Начиная рассмотрение текста манифеста «Настоящий национализм» [7], мы уже буквально во втором предложении встречаемся с проявлением 4 пункта предложенной Р. Водак концепции, а именно с обвинением «кого-то Другого» в преднамеренном замалчивании разговоров на тему национальной идентичности. Дословно в тексте это звучит так (*курсив здесь и далее — М. Г.*):

«What does it mean to be British? There's even greater confusion over this now than ever — and it's quite deliberate». («Что это значит — быть британцем? Сейчас в этом много непонятного — больше, чем когда-либо, и это достаточно преднамеренно.»)

Далее, после достаточно нериторических вопроса и утверждения, следует как введение ответ, в котором говорится следующее: «подконтрольные» (кому, чему?) медиа и СМИ таким образом освещали Олимпийские игры, что изображали иммигрантов необычайно талантливыми и привлекательными, используя всё это для формирования антинациональной и направленной против национальной идентичности повестки дня. Далее следует необыкновенно откровенное заявление, отсылающее нас одновременно к 1, 2 и даже к 6-му пункту концепции Р. Водак, а именно:

«Что же, самое время провести линию и просто объяснить, что нация — это нечто большее, чем собрание людей, которым случилось жить в одном и том же месте и иметь отношение к одной мелодии, когда они выиграли медали». («So it's a good time to draw a line in the sand and explain in simple terms that a nation is much more than a collection of individuals who just happen to live in the same place and have the same tune played if they win medals.»)

«Провести линию», «просто объяснить» и, конечно, трактовка нации как чего-то большего, чем сообщества людей, которые живут на одной территории и гордо стоят с медалями, когда звучит их гимн, — всё это отличительные черты правого радикализма как идеологии и правого популизма как риторики соответствующих организаций. Четкое разделение на «своих» — хороших — и «чужих» — плохи — примордиалистская, натиivistическая трактовка нации и стремление «просто» всё объяснить ярко характеризуют БНП как носителя и выразителя крайне правого националистического

дискурса. В пункте 5 Рут Водак, в принципе, не открывает тайны, говоря о том, что вечным спутником риторики крайне правых являются слова о семейных/традиционных/консервативных ценностях. И конечно, подобные положения есть и в этой статье. В разделе «Что такое нация?» прямым текстом говорится следующее:

«Представители нации неизменно являются носителями одного и того же языка, истории, ценностей и культуры, включая традиции и народные празднования». («The members of a nation in variably also share the same language, history, values and culture — including traditions, and popular entertainment.»)

Таким образом, в очередной раз отсекаются все «чужие», которые, может быть, и являются представителями нации по месту рождения, но по «крови» — они олицетворение Другого. Ниже в этой части статьи повествуется об «общих корнях», о людях, которые сделали многое, чтобы превратить «широкую массу» в людей с общей национальной идентичностью; кроме того, есть интересная отсылка к отождествлению нации и семьи, в которой все, особенно в трудные времена, должны помогать друг другу:

«Это чувство родства объединяет население (особенно в непростые времена) как гигантскую семью, члены которой имеют особое право на помощь, если они в ней нуждаются, а также обязаны помогать другим представителям их нации, которые заслуживают этого». («This sense of kinship brings the population together (especially at times of hardship) as a giant extended family, whose members under stand they have a special right to help if they need it, and a duty to help other members of their nation who deserve it.»)

Полное отвержение конструктивистской природы нации мы видим во второй главке данной статьи, в которой аргументируется следующее утверждение:

«Хотя представители нации живут под властью одного правительства, нация и государство — это не одно и то же». («While the members of a nation often live under one government, the nation and the state are not the samething.»)

Поясняя это незамысловатое предложение, авторы статьи говорят о том, что «живое существо» под названием «нация» должно как помнить о героях своего прошлого, так и не забывать о будущих поколениях (в отношении будущих поколений применяется словосочетание «священные обязанности»). Интересно отметить, что, в отличие от классических фашистов времен Бенито Муссолини, современные крайне правые

считают, что не государство создает нацию, а нация выбирает ту форму правления, которая будет наиболее удобной для её выживания:

«Государство — это только форма правления, которую нация выбирает, и которая, на данный момент времени, наилучшим образом подходит для неё, а также для её дальнейшего выживания». («The state is merely the form of government which the nation chooses, for the time being, as best for it and for its future survival».)

Словом, нация есть продукт истории, который имеет многовековые традиции и, она посредством определенных механизмов, создает то государство, которое будет для него более удобным. В следующем разделе, посвященном культуре и названном «People create a culture, not the other way around» / «Люди создают культуру, а не наоборот», британские крайне правые играют, что называется, на грани фола, отсылают читателя к исследованиям генетики человека, поясняя, что нельзя говорить о том, что одна группа лучше другой, но доказано, что человеческие популяции различны. В силу этого обстоятельства, а также своих убеждений, в тексте статьи появляется следующее утверждение:

«И если большое число африканцев придет в Британию, то ни английский воздух, и ни факт рождения в Англии никогда не смогут сделать их или их потомков англичанами». («And if large numbers of Africans come to Britain, breathing English air or even being born in England can never make them or their descendants English».)

Авторы статьи не желают останавливаться и, взывая к новейшим исследованиям ДНК, хоронят «старую левацкую ложь навсегда» («the latest DNA science has buried the old left-lies for good»). Продолжая, они отсылают читателя к событиям 17 000 и 9000-летней давности, что, вне всяких сомнений, подтверждает тезис о натуристической природе дискурса правых радикалов.

Пятый раздел текста «Настоящий национализм» посвящен критике «леволиберальных разговоров» о многообразии, а также марксистского и капиталистического подхода к вопросу иммиграции. По мнению авторов статьи, именно такой взгляд на проблему убивает этническое, лингвистическое и культурное разнообразие, а интеграция мигрантов ведет к «разрушению отдельных наций». Далее приводится рецепт того, как и в каком количестве возможна ассимиляция иммигрантов, чтобы это не стало угрозой для коренного населения.

В завершающей части статьи «Real Nationalism» подводятся своеобразные выводы на тему национальной идентичности британцев и по вопросу «Что есть Британия?»: акцент сделан опять-таки на многовековой истории и традициях британского народа, показанного в самом лучшем свете, а также на тех «подарках Человечеству», которые преподносила Британия миру на протяжении всей своей истории.

Заключение

Таким образом, на примере рассмотренной программной статьи мы видим, что те особенности риторики правых популистов, которые выделила исследователь Р. Водак, отчетливо имеют место. Все шесть особенностей, обозначенные ученым, нашли свои иллюстрации в тексте под названием «Настоящий Национализм», являющимся, по сути, националистическим кредо одной из известнейших правых партий Европы, пусть даже сейчас она и не оказывает того влияния на ход политического процесса, как раньше.

Подводя итоги можно отметить, что, проанализировав несколько теоретических конструкций, рассматривающих природу правого радикализма как идеологии и как дискурса конкретных партий, можно заключить: при наличии отличий в подходах к этому явлению указанные исследователи выделяют ряд характеристик правого радикализма, по которым существует определенный консенсус в научном сообществе.

Безусловно, в современной политической науке существует не один десяток определений такого понятия, как «правый радикализм». Проведенный анализ позволяет очертить контуры этого многосоставного явления и сформулировать авторское определение идеологии праворадикальной политической партии, которое бы, на наш взгляд, наиболее полно и в то же время лаконично отражала суть исследуемого феномена. Таким образом, в самых общих чертах можно определить *правый радикализм как политическую идеологию, которая основывается на пестовании принципов этнократического государства и моноэтнического устройства общества, неприемлемости различных мультикультурных практик, а также акцентирует приоритет традиционных консервативных ценностей в условиях современной либеральной демократии и продолжающихся глобализационных процессов.*

1. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? : пер. с англ. Харьков : Гуманитарный Центр, 2018.

2. Гаврилов А. В. Правый радикализм: современные трактовки // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 1.

3. Гончаров И. И. Современные теоретико-методологические подходы к изучению праворадикальных партий Западной Европы // Молодой ученый. 2009. № 11. С. 218—220. URL: <http://www.moluch.ru/archive/11/858> (дата обращения: 04.02.2020).

4. Махова А. В. Праворадикальная идеология в Западной и Восточной Европе в начале XXI века: опыт сравнительного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. Вып. 2. С. 117—118.

5. Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 16—32.

6. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013.

7. Настоящий национализм. URL: <https://bnp.org.uk/real-nationalism> (дата обращения: 04.02.2020).

8. Шеховцев А. В. Новый правый радикализм: к вопросу об определении // Вісник СевДТУ. 2008.

9. Chrysogelos A.-S. The evolution of the 'populist potential' in European politics: from new right radicalism to anti-system populism // *European View*. 2013. Vol. 12. Iss. 1. P. 76—79. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12290-013-0249-3> (дата обращения: 04.02.2020).

10. Carter E. The Extreme Right in Austria: an overview // *Extreme Right Electorates and Party Success*. 2001.

11. Goodwin M.J. Forever a false dawn? Explaining the Electoral Collapse of the British National Party (BNP) // *Parliamentary Affairs*. 2014. № 67. URL: <http://pa.oxfordjournals.org/content/early/2013/01/16/pa.gss062.full.pdf+html> (дата обращения: 04.02.2020).

12. Caiani M. Radical right-wing movements: Who, when, how and why? // *Sociopedia.isa*. URL: <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

13. Golder M. Far-right parties in Europe // *Annual Review of Political Science*, 2016. Vol. 19. P. 19. URL: <http://mattgolder.com/files/research/arps.pdf>; <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-042814-012441> (дата обращения: 04.02.2020).

References

1. Vodak R. (2018) *Politika straha. Chto znachit diskurs pravyyh populistov?* Harkov, Gumanitarnyj Centr [in Rus].

2. Gavrilov A.V. (2013) *Jaroslavskij pedagogicheskiy vestnik*, vol. 1 no. 1 [in Rus].

3. Goncharov I.I. (2009) *Molodoj uchenyj*, no. 11, pp. 218—220. Available at: <http://www.moluch.ru/archive/11/858>, accessed 04.02.2020 [in Rus].

4. Mahova A.V. (2013) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofija, kul'turologija, politologija, pravo, mezhdunarodnye ot-nosheniya*, iss. 2, pp. 117—118 [in Rus].

5. Minkenberg M. (2004) *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 16—32 [in Rus].

6. Musihin G.I. (2013) *Ocherki teorii ideologii*. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshej shkoly jekonomiki [in Rus].

7. *Nastojashhij nacionalizm*. Available at: <https://bnp.org.uk/real-nationalism>, accessed 04.02.2020 [in Rus].

8. Shehovcev A.V. (2008) *Visnik SevDTU* [in Rus].

9. Chrysogelos A.-S. (2013) *European View*, vol. 12, iss. 1, pp. 76—79. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs12290-013-0249-3>, accessed 04.02.2020 [in Eng].

10. Carter E. (2001) *The Extreme Right in Austria: an overview* // *Extreme Right Electorates and Party Success* [in Eng].

11. Goodwin M.J. (2014) *Forever a false dawn? Explaining the Electoral Collapse of the British National Party (BNP)* // *Parliamentary Affairs* 67. Available at: <http://pa.oxfordjournals.org/content/early/2013/01/16/pa.gss062.full.pdf+html>, accessed 04.02.2020 [in Eng].

12. Caiani M. (2017) *Radical right-wing movements: Who, when, how and why?* // *Sociopedia.isa*. Available at: <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/RadicalRightMovements.pdf>, accessed 04.02.2020 [in Eng].

13. Golder M. (2016) *Annual Review of Political Science*, vol.19, p. 19. Available at: <http://mattgolder.com/files/research/arps.pdf>; <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-042814-012441>, accessed 04.02.2020 [in Eng].

For citing: Golovin M.S. Theoretical aspects and discursive practice of the right-wing ideology in the political processes of modern Europe // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). P. 29—40. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-29-40

UDC 32.019.5

THEORETICAL ASPECTS AND DISCURSIVE PRACTICE OF THE RIGHT-WING IDEOLOGY IN THE POLITICAL PROCESSES OF MODERN EUROPE

Mikhail S. Golovin,

Chelyabinsk State University,
Teaching Assistant of the Department Chair
of Political Science and International Relations,
The Russian Federation, 454084,
Chelyabinsk, prospect Pobedy 162 V.
E-mail: golovin.mihail@mail.ru.

Abstract

Introduction. The article discusses the main approaches to the concept “right radicalism” in modern Russian and foreign political science. In addition, the author shows how actors in political processes use ideology in the framework of political struggle as exemplified by the ideological discourse of the far-right British National Party.

The aim of the study is to trace the specifics of constructing the nationalist discourse of the right-wing political forces in modern Europe (using the example of the British National Party) and formulate the author's definition of the term “right-wing radicalism”.

Methods. The author uses comparative and historical-retrospective methods to comprehensively consider the phenomenon of the right-wing radicalism, as well as discourse analysis of a political party's text, which contributes to a better understanding of the features constructing the discourse of these actors in political processes.

Scientific novelty of the study. The work provides comprehensive analysis of the concept “right radicalism” in the context of political processes of modern Europe, the author suggests his own definition of the phenomenon considered.

Results. From the vast scientific heritage devoted to issues of the right-wing radicalism, ideology, and functioning of right-wing political parties, the author chooses several approaches presented in both domestic and foreign political science, which makes it possible to disclose essential ideas of the “right-wing radicalism”. In addition, as a result of the discourse analysis of the British National Party program document, the author identifies the main points that are key to the nationalist discourse of the modern European right-wing radical party.

Conclusions. As a result of the study, we can conclude that the concept “right radicalism” is one of the most debatable in modern political science and the relevance of its study is not in doubt. The analysis of the program document of one of the oldest extreme right-wing parties in Europe shows that ideological discourse is formed from various components and, using various methods, the researcher can analyze its structure in detail, understanding how political forces form this discourse within the framework of the political struggle.

Key concepts:

right radicalism,
right extremism,
the United Kingdom,
British National Party,
nationalist discourse,
European Union.

Для цитирования: Ершов Ю. Г.
К вопросу о поправках в Конституцию
Российской Федерации — 2020 //
Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 41—49.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49

УДК 130.3

К ВОПРОСУ О ПОПРАВКАХ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — 2020

Ершов Юрий Геннадьевич,
доктор философских наук, профессор,
Российская Федерация, г. Екатеринбург
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена оценке причин и смысла поправок в Конституцию Российской Федерации, предпринимаемую действующим политическим режимом. Способ принятия и содержание поправок свидетельствуют о неспособности государства и в целом политической системы управлять и властвовать в соответствии с принципами и нормами демократии и права. Используется понятие «недостойное правление» для характеристики сложившегося в России механизма власти и управления обществом.

Ключевые понятия:

конституция,
демократия,
государство,
фарс,
авторитаризм,
«недостойное правление».

Введение

Фарсом, как известно, называется грубая шутка, низкий тип комедии, переполненный грубостью и несуразицей, это пошлость и банальность, доведенные до абсурда. В переносном смысле этим словом обозначается нечто лицемерное, циничное и лживое, фарс востребован в ситуациях запугивания и манипуляции.

Ассоциация с фарсом не случайна, она принудительно вызывается историей с пакетом разнородных поправок к Конституции Российской Федерации, создавшей изрядную сумятицу в умах. По каким же признакам происходящее представляется фарсом?

Во-первых, заведомо неконституционен порядок внесения поправок, по своему содержанию кардинально попирающих принципы права. Во-вторых, невероятна скорость, с которой Конституционный Суд признал предложенные поправки не противоречащими первой, второй и девятой главам действующей Конституции. Во-третьих, это признание не утрудило себя сколько-нибудь убедительной правовой мотивацией и юридической аргументацией. Зато ярко высветилась политическая ангажированность Конституционного Суда, ставящая под вопрос его состоятельность как одного из важнейших политико-правовых институтов цивилизованного государства. Абсурдна ситуация внезапного предложения по обнулению сроков президентства В. В. Путина. Наконец, нелепый характер имеет отсроченное одобрение поправок всенародным голосованием.

Обсуждение

В действующей Конституции России закреплены ценности и идеалы республиканизма (народовластия) и федерализма, то есть ценности современного цивилизованного общества. К ее же (Конституции) достоинствам с самого начала относили идеи политического плюрализма, равенства перед законом, разделения властей и безусловно-го приоритета прав и свобод личности. При этом практически сразу после ее принятия в 1993 г. развернулась конструктивная критика дефектов Конституции с точки зрения ее фундаментальных оснований, имеющих прямое отношение к признакам правового государства.

Имея заимствованный характер, она механически воспроизводила политико-правовые нормы и институты, сформированные многовековой историей западной

цивилизации и совершенно не адаптированные к российской почве. Все это выразилось в отсутствии проработки фундаментальных принципов разделения властей (особенно в части системы взаимных сдержек и противовесов), федерализма и местного самоуправления, что закономерно привело к грубейшим нарушениям в балансе взаимоотношений ветвей власти, становлению персоналистской автократии, кумулятивно накапливающей дальнейшие противоправные деформации.

Предлагаемые поправки, претендующие на реформу, направлены не на разрешение реальных проблем действующей Конституции, но, напротив, превращают конституционный процесс в откровенную имитацию. Президент и до конституционного переворота обладал практически ничем не ограниченной властью самодержца; поправки только превращают из де-факто в де-юре его исключительное положение вне системы разделения властей. Само разделение властей, тем более система взаимных сдержек и противовесов давно превратились в фикцию, попирая тем самым провозглашенные в Конституции принципы народовластия. Утвердившийся неконституционный режим «президентского правления» несовместим с обеспечением приоритета прав и свобод граждан как фундаментального признака правового государства. Два десятка лет назад А. И. Соловьев отмечал: «...как социокультурное явление нынешнее тяготение российской элиты к конституционализму представляет собой обыкновенную *мимикрию*, т. е. сугубо механическое, а не осознанное, присоединение к данному комплексу идей, которое вызвано, по всей видимости, желанием определенным образом декорировать политические действия верхов ради общественного мнения» [8, с. 71—72]. Сегодня маски сброшены и открылась нехитрая истина — нынешний правящий класс России в Конституции особенно и не нуждается.

Неприемлемость нового конституционного порядка для правящего класса в полной мере стала осознаваться к концу 1990-х. Ментальность новой номенклатуры, вышедшей из «шинели» брежневского оппортунизма и цинизма, сберегла традиционные ценности и стандарты властвования и управления. Как точно объяснял А. И. Соловьев, «политическая культура (в широком смысле слова) нынешней правящей элиты включает в себя и современные способы государственного управления (определенные, к примеру, противоречиями станов-

ления политического рынка), и традиции советского периода, и опыт более ранних этапов российской истории, когда даже высшие слои были не властителями общества, а лишь “холопами и вавашками” царствующей особы» [8, с. 66].

Характерные черты этой культуры, всецело сфокусированной на захвате и удержании власти, — презрительное отношение к обществу, интерпретируемому как масса, к людям как к расходному материалу, отсюда — пренебрежение диалогом с населением. «Сверхчеловечность» правящего класса — в инструментальном принятии за норму сложившихся традиций, правил межличностного общения между членами властной иерархии. В рамках этой корпоративной морали, своеобразных чиновничьих «понятий» пренебрегают представлениями о должных социальных регуляторах, поскольку право в российской политике традиционно воспринимается как формальный и незначительный фактор влияния на властные отношения и управленческую деятельность.

Двадцать с лишним лет тому назад известный политолог (и не он один) выражал слабую надежду в возможность преодоления обычного сценария общественного и политического развития России, вековечного хождения «по-над пропастью», создания полностью коррумпированного порядка, «при котором латиноамериканские политические нравы покажутся лишь слабым его подобием» [8, с. 80]. Эта оценка совпадает с выводом другого автора относительно природы российской власти: «Везде, где власть прямо или косвенно является непосредственным участником правоотношений, растут правовой произвол и правовой нигилизм. Власть наподобие “черной дыры” искривляет вокруг себя «правовое пространство. А в непосредственной близости от нее “правовая материя” так и вовсе исчезает. Все правовые коллизии, в которых представители власти оказываются одной из сторон, как показывают многочисленные примеры, разрешаются в России исключительно в пользу власти» [6, с. 165].

Так, судебная власть, потеряв качественную определенность особой правовой деятельности, автоматически превратилась в модификацию административной деятельности, производимой аппаратом чиновников. Об этом наглядно свидетельствуют грубейшие нарушения процессуальных норм, отсутствие даже имитации состязательности сторон. Деграция правосудия с неизбежностью повлекла за собой деграцию всей

правовой системы, на новом историческом витке российской истории вновь превращая юридическое образование в «факультет ненужных вещей». Отечественное «право» так и не обрело такого важнейшего качества права, как формальность и общеобязательность, универсальная императивность. Обязательность русского права по-прежнему избирательна — «русское право на практике не признает равенства перед законом и в этом смысле является рудиментом традиционной культуры» [6, с. 169]. Культура власти российского властеуправляющего слоя (его трудно назвать элитой в традиционном смысле этого слова) «исторически сориентирована на постоянное и приоритетное использование именно политических регуляторов властных отношений, независимо от их легализованности и опосредованности законом. Поэтому право в российской политике традиционно воспринимается управителями как сугубо формальный и малосущественный фактор ограничения и регулирования их деловых возможностей» [8, с. 67].

Во властных отношениях в России преобладают приемы аппаратной борьбы, «подковерные» схватки и т. п., противоречащие публичной природе институтов государства и оставляющие право сферой формального применения. Ценность права для российских политиков и чиновников ничтожна, как, впрочем, и доминирующие в обществе нравственные нормы. Именно этот случай имеет в виду В. М. Кайтуков, говоря о том, что «существование формального законодательства в общей структуре диктата — мотивационного буфера и ширмы (вне зависимости от названия — парламент, Дума, диван, кортесы и т. д.) представляет собой крайне тонкую преграду для прямого правового произвола и перехода к тривиальной деспотии со всеми присущими ей недостатками. Этот фактор усиливается еще и тем, что иерарх-автократ является и верховным пенитенциарием, сосредотачивающим в руках военную, исполнительную силу и руководство пенитенциарной системой, т. е. при необходимости, диктатной или субъективной, по отношению к индивиду, или группе индивидов, или целому слою могут применены наказательные меры без участия правовых структур» [3, с. 231].

Разумеется, каждую отдельную поправку в Конституцию можно и нужно обсуждать — как с точки зрения ее соответствия праву, так и по субъективному смыслу инициаторов поправок, разделяя действительно ценные предложения и игру в слова, наде-

ляемые исключительным нравственным и гражданским пафосом. Например, патриотизм был внезапно провозглашен Путиным национальной идеей. Вскоре после этого на пресс-конференции президента верноподданный журналист предложил требование любить родину закрепить в Конституции, видимо, на манер воинской повинности. Внезапные ассоциации услужливо «подбрасывают» высказывание о тождестве России и Путина, напоминают практики коллективных ликований и скорбей в Северной Корее, наконец, объявление любви к фюреру правовым чувством в нацистской Германии.

Прежние поиски правящим классом российской национальной идеи, призванной будто бы решить судьбу России, всегда скрывали желание оправдать, возвеличить и «легализовать» сакральную подоплеку власти. С национальной идеей ничего толкового не вышло, но главная цель поправок — именно подмена мировоззренческих основ действующей Конституции, закрепленных в преамбуле, а также первой и второй ее главах. Эти изменения не особенно ловко и изящно закамуфлированы под поправки в 3—8-е главы Конституции, но на самом деле противоречат фундаментальным положениям 1 и 2-й глав; они имеют антиконституционный и антиправовой характер, обусловленный уже тем, что в действующей Конституции изначально был предусмотрен механизм, придающий любым нормам, противоречащим положениям 1 и 2-й глав, конституционно ничтожный характер. В конституционно-правовом государстве такого рода нововведения не могут иметь юридическую силу, каким бы способом они ни принимались — парламентом, на плебисците или на референдуме. Изменить же содержание 1 и 2-й глав может, в соответствии с главой 9 Конституции, только лишь Конституционное собрание.

С естественно-правовых позиций поправки Конституции разрушают ее целостность и демократический ценностно-правовой характер. Зато для чиновников с легистским (нормативистским) мышлением конституционный переворот дает формально-правовые основания для фактического уничтожения заложенных в действующей Конституции базовых принципов республиканизма, федерализма, приоритета прав человека, равенства перед законом и разделения властей. В этот процесс закономерно вписывается многолетнее сужение и ограничение полномочий и независимости Конституционного Суда от исполнительно-власти. По сути, Конституционный Суд

утратил собственную правовую природу, действуя вопреки Конституции, превратившись в административное учреждение, не озабоченное политическим и правовым смыслом своей деятельности, утратил необходимое доверие со стороны общества к себе как арбитру во взаимоотношениях ветвей власти, власти и гражданского общества.

Другими словами, под видом реформы России предлагается бездумная, местами просто нелепая конституционная контрреформа, противоречащая духу действующей Конституции и углубляющая конституционный дисбаланс. Набившие оскомину и неубедительные по содержанию выступления актеров, певцов и музыкантов вряд ли могут претендовать на замену пропущенного в 1993 г. условия заключения общественного договора между государством и обществом — широкой, открытой дискуссии по судьбоносным для России проблемам. Вместо серьезного и давно назревшего диалога о будущем страны политический режим непрерывно производит разнообразные идеологические иллюзии и утопии.

Реформирование Конституции находится в этом же русле, что и прежние провалившиеся попытки изобрести «суверенную демократию» или найти некий «глубинный народ» — интеллектуально не превосходящие прежнее противопоставление социалистической демократии в качестве подлинной — буржуазной как лицемерной и фальшивой. В этом же контексте пребывает периодически вспыхивающая тоска по «особому пути» и тщеславные претензии на «уникальность» России. Но ожидания прорывов на передовые рубежи мирового развития иллюзорны, поскольку повышение уровня жизни, науки, образования и здравоохранения трактуются, как правило, в качестве средств, но не стратегических целей модернизации.

Об этом свидетельствует характер предлагаемых изменений. Например, поправка, которая гарантирует приоритет Конституции России в российском правовом пространстве, что означает: «требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции». Неустрашимое противоречие этой поправки состоит в том, что приоритет международных договоров закреплен в п. 4 ст. 15 Конституции; нетрудно догадаться, что направлена эта поправка против решений

международных судебных органов, прежде всего Европейского суда по правам человека, неоднократно уличавшего отечественных чиновников и органы власти в насилии и произволе. Между тем обязательность исполнения таких решений вытекает из п. 1 ст. 17 Конституции: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Последовательным решением, открыто декларирующим истинные намерения этой поправки, была бы денонсация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Другое противоречие — ст. 15 и 17 относятся к гл. 1 и 2 Конституции, тем самым главам, которые в соответствии с гл. 9 могут быть изменены только через принятие новой Конституции. Но, кажется, никто не ставит вопрос подобным образом.

Непонятны последствия придания конституционного статуса Государственному совету, коль скоро по-прежнему, в соответствии с п. 3 ст. 80 Конституции, именно президент «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства».

Расширение полномочий Госдумы по утверждению премьер-министра оставляет открытыми вопросы о праве инициативы парламента на выдвижение собственной кандидатуры, в том числе вопреки воле президента и его совместимости с правом президента «отстранять от должности председателя правительства, его замов и федеральных министров в случае ненадлежащего исполнения обязанностей или в связи с утратой доверия».

Имитационный характер имеют предложения о запрете иностранного гражданства или вида на жительство высшим должностным лицам, повышения роли губернаторов, о назначении руководителей силовых ведомств по итогам консультаций президента с Советом Федерации. Поставлена дымовая завеса в виде идеи о создании «эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами», скрывающая завершение процесса строительства унитарного государства. В этом же ключе можно трактовать предложение о назначении прокуроров федеральной властью без согласования с законодательными собраниями субъектов Федерации. Завершает разгром принципа разделения властей предложение о праве президента вносить в подконтрольный Совет Федерации пред-

ложения о снятии судей Конституционного и Верховного судов.

Современный конституционализм неразделим с либерально-демократическими ценностями — основными правами и свободами, многопартийностью, правовым государством, приоритетом гражданского общества перед государством. Но значительная часть российского общества (включая элиту) придерживается ценностей традиционализма, по своему содержанию равнодушным или антагонистичным по отношению к либерально-демократическим идеям. Например, естественные и неотъемлемые права — краеугольный камень правового государства — среднестатистическим россиянином не воспринимаются как значимая ценность. На абстрактно-теоретическом уровне они не отрицаются и не опровергаются, на уровне реального поведения все происходит с точностью наоборот. Например, никто не отвергает идею толерантности, но процветает ожесточенная гомофобия, уживаются вместе и признание права на жизнь и требование восстановления смертной казни.

Сочетание электорального авторитаризма, политического контроля над ключевыми активами и ресурсами и низкого качества государственного управления дает основание, по мнению В. Я. Гельмана, квалифицировать сложившийся в России политико-экономический порядок как «недостойное правление». Этим термином (кросс-культурным переводом англоязычного *bad governance*) он обозначает государство с такими ведущими чертами, как извлечение ренты и коррупция в качестве принципов управления, фундаментальными нарушениями принципов верховенства права [1, с. 10—11]. Предназначение подобного механизма власти — в удержании, сохранении и максимизации политического и экономического господства правящей группировки.

«Одной из центральных проблем «недостойного правления», — отмечает В. Я. Гельман, — оказывается явный недостаток у политических лидеров долгосрочных стимулов для успешного развития страны. Поэтому и в качестве приоритетов реализуемого под их руководством политического курса выбираются лишь те направления, которые способны принести относительно быструю и легко осязаемую отдачу, сопровождающуюся рядом демонстрационных эффектов, даже если их достижение идет в ущерб долгосрочным стратегическим целям» [1, с. 194]. Также современная государственная «элита» преуспевает в двух отношениях:

подавлении политических противников и присвоении государственного имущества и активов в личных и/или групповых целях. В целом же, как отмечает другой политолог, «взамен ответственности, компетенции и самоограничения элиты в использовании своих полномочий российское культурное пространство власти демонстрирует совершенно иные предустановки: безответственность, постоянное использование уловок (в т. ч. и довольно неглупого свойства) для уклонения от исполнения законов, силовые приемы политико-административного управления и т. д.» [8, с. 71].

Подобной уловкой, правда, сомнительного свойства, стали поправки в Конституцию. Воздвигается очередная идеологическая ширма, облеченная в традиционную фальшивую и лицемерную риторику; она призвана маскировать политическую монополию патерналистского государства, не нуждающегося в гражданах как обладателях незыблемых прав и свобод. Отношение к Конституции достаточно цинично — как к декларации, адресованной массе, в свою очередь, не воспринимающей Конституцию как юридическую основу своего субъективного права, подлежащего судебной защите. Уместно вспомнить замечание В. Б. Пастухова о примечательной особенности российских идеологий: «Если в России объявили, что перестали воздвигать православное царство и начали строить коммунизм, то это вовсе не означает, что до этого здесь на самом деле выстраивали православие и тем более, что будут строить коммунизм» [7, с. 54]. После отрицания коммунистической идеологии и ее детища в виде «развитого социализма» конституционно закрепили либеральную идею и приступили к «строительству капитализма». Результат восторга не вызывает. Да и сам процесс, полный неразберихи, лишенный четких ориентиров, под руководством алчной и близорукой постсоветской «элиты» вряд ли заслуживает громкого определения «строительства капитализма по демократической модели».

Поэтому и сегодня закрепление на конституционном уровне того или иного права совершенно не гарантирует его воплощения в реальность, причем четкое и ясное представление об условиях этого воплощения отсутствует не только у граждан, но и у самих законодателей.

Абстрактность и сугубо формальная рецепция конструкции либерально-демократической прав человека без устоявшейся практики их защиты и самой потребности в их защите привела к ее неустойчивости

и неэффективности, к деградации самой идеи прав человека. Для неразвитого массового политического сознания идея разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов оказалась и сложна, и ментально неприемлема. Ее отрицание сопровождалось восстановлением традиционного образа власти, в котором государство — это его первое лицо, соответственно, патриотизм — оправдание любых действий первого лица. Архетипы архаичного сознания персонифицируют политику — как в позитивных, так и негативных образах, превращая политиков в абстрактные символы и сакрализуя их. В этом сознании государственный лидер механически замещает архаического вождя, обретая статус пророка и жреца, изрекающего общеобязательные священные истины.

Значительный разрыв между конституционными декларациями и самой жизнью и ранее был мощным источником перманентного правового нигилизма; нынешние поправки в Конституцию уничтожают остатки законопослушного поведения как добровольного и ответственного выбора самих граждан. Предыдущие — «сталинская» и «брежневская» конституции — концентрировались на провозглашении социально-экономических прав, тогда как «негативные» права (первого поколения), которые принято считать естественными и неотъемлемыми, или вообще отсутствовали (право частной собственности, свобода передвижения) или имели формальный характер (свобода слова, печати, собраний и митингов и т. д.). Именно поэтому успех принятия поправок обусловлен даже не возможными фальсификациями, а органичным неприятием либеральных ценностей, отрицательными во имя «традиционных» ценностей. Конституционное закрепление индексации социального обеспечения отвечает иждивенческим настроениям, нежеланию жить в современности, поскольку мало кого заботит отсутствие социально-экономических механизмов, способных обеспечить устойчивый экономический рост. Большинству глубоко чужды ценности европеизированного меньшинства, оно не то чтобы против заимствований, делающих повседневную жизнь значительно более комфортной, но не ценит глубокой перестройки сферы труда и политического участия.

Естественно, что люди с достаточно развитым рационально-критическим отношением и нравственной рефлексией, с чувством собственного достоинства не

склонны к легковерию и дешевым посулам. Авторитаризм обычно ищет поддержку в слоях населения с моральным и интеллектуальным уровнем традиционного общества, стараясь насаждать примитивные инстинкты и вкусы как можно более широким слоям масс. Поддержку лучше искать среди людей легковерных. Во-вторых, добиться единодушия и управляемости легче всего через негативные программы отношения к врагам — внешним и внутренним, тогда как позитивная программа созидания требует убеждения в ее продуманности, предполагает совместные усилия по ее реализации на основе трудовых усилий.

Между тем мировая экономика, по оценкам экспертов, уверенно входит в рецессию, подстегнутую пандемией коронавируса. Падение мировых цен на нефть делает кризис особенно болезненным для России, по-прежнему, выражаясь расхожим штампом, «сидящей на нефтяной игле». Если сегодня прогнозируется трудный выход наиболее экономически развитых стран в течение одного-трех лет, то наша ситуация осложнена постоянно возрастающей в последние годы сырьевой зависимостью. Так, известный экономист И. Николаев утверждает: «Доля добывающих отраслей в структуре промышленного производства увеличилась с 34,1 % в 2010 г. до 38,9 % в 2018 г. Напротив, доля обрабатывающих отраслей в промышленности уменьшилась за этот же период с 53,2 до 50,7 % соответственно» [5, с. 6]. Проблемы российской экономики лежат на поверхности на протяжении многих лет: отсутствует инвестирование ключевых бизнес-проектов, нуждается в улучшении бизнес-климат, засилье государства в экономике по-прежнему велико. Если резкое ускорение экономического роста напрямую зависит от расширения экспорта, то откуда возьмется дополнительная конкурентоспособная российская продукция?

Дальнейшая же конфронтация России со странами Запада способна только усугубить многочисленные дефекты «недостойного правления». Ни правящий класс, ни большинство населения не в состоянии критически рационально отнестись к превращению России во второстепенное государство с утраченным мировым влиянием, незначительным ВВП, обеспеченным преимущественно сырьевой экономикой. Фантомные имперские «боли» летачат психологией «осажденной крепости», призванной сплотить нацию вокруг вождя. Навязчивые поиски реальных или воображаемых угроз национальной безопасности используют

ся как решающие аргументы оправдания милитаризма, неудачного импортозамещения, делают экономику России заложницей геополитики. При этом забывается, что негативная мобилизация для достижения идентичности, единства и коллективных целей — опасное средство, подобное наркотику — к нему быстро и легко привыкают, но тяжело расстаются; кроме того, оно может превратиться в бумеранг, обращенный против самой власти. Пока же население адаптируется на каждом новом витке ухудшения политической и экономической ситуации в стране, «а страна продолжает инерционное движение по пути загнивания и упадка» [1, с. 220].

Исходя из вышеизложенного, приходится согласиться с грустным выводом об исчезновении «иллюзии о возможности улучшить качество управления российским государством при сохранении нынешнего политического режима: проще говоря, до тех пор, пока Владимир Путин фактически является главой государства (независимо от того, какой именно официальный пост он занимает), о пересмотре «недостойного правления» в России речи идти не может» [1, с. 217]. Еще печальнее опыт мировой истории: как показывает практика эволюции авторитарных политических режимов, естественная смерть прежних «вождей» отнюдь не гарантирует демократических перемен. Можно говорить даже о своеобразной закономерности — длительность авторитарного правления повышает вероятность его смены политическим «двойником», если не ухудшенным его вариантом. Естественный ход вещей в этих условиях проявляется в дополнительных усилиях по сохранению политической и экономической монополии господствующей группировки, ведущей к дальнейшей деградации общества и государства. Очень часто реализация подобного курса сулит введение мобилизационной экономики, несовместимой с практиками правового государства и обостряющей все накопленные противоречия. Прошедшие годы убедительно демонстрируют нежелание правящего класса соотносить свои эгоистические интересы с потребностями как социальной защиты населения, тем более поддерживать социальные группы и слои, способные стать инициаторами и акторами модернизации.

Заключение

В очередной раз приходится прибегать к наглядным урокам истории — относительно последствий авторитарного правления —

весьма сходных, несмотря на различия эпох и персон.

В предисловии к мемуарам видного до-революционного чиновника В. И. Гурко их автор характеризуется прежде всего как практик, привыкший претворять слова в дела, предпочитающий идеологическому фетишу полезный результат. Гурко рекомендуется как либерал классического типа, «которому одинаково претили и убогий консерватизм — “тащить и не пущать!” — записных патриотов, и заигрывания кадетов с социалистами» [2, с. 13]. Записки ветерана государственной службы обнаруживают особую ценность при повторении ситуаций острого кризиса государственности. Свидетель краха некогда могущественной империи В. И. Гурко считал, что «едва ли не главной причиной внутренних смут, омрачивших царствование Николая II и приведших в конечном счете к краху государства, было именно стремление царя осуществить такой способ правления, который не соответствовал мощи его духовных сил. Иначе говоря, быть самодержцем, не обладая необходимыми для этого свойствами» [2, с. 35]. С течением времени самодержавие Николая II как единое и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов стало вырождаться. «Его, — пишет В. И. Гурко, — фактически заменила олигархия правительственного синклита, состоящего из сменяющихся, никакими общими политическими взглядами не сплоченных, а посему между собою постоянно борющихся глав отдельных отраслей правления» [2, с. 37]. Олигархическая борьба лишила государственную власть способности действовать и даже восприниматься в качестве таковой. «Происходила произвольная, часто совершенно непредвидимая смена министров, существовал административный произвол над отдельными личностями, действовала сложная система тормозов и препон в отношении проявления личной инициативы и энергии в любой области, но власти творческой, направляющей народную жизнь и создающей благосостояние страны и ее населения, не было. В сущности, государственный аппарат положительного влияния на народную жизнь не имел. Жизнь эта развивалась сама по себе, понемногу с трудом разбивая те пути, которыми она была связана, развивалась, следовательно, не только помимо, но отчасти вопреки государственной власти, влияние которой если и сказывалось, то по преимуществу отрицательное, т. е. в качестве силы, задерживающей и тем самым озлобляющей здоровые

творческие элементы страны» [2, с. 45—46]. (Положительное влияние Витте и Плеве на ход событий, по мнению автора, не меняло в целом тяжкого состояния дел.)

Другой известный дипломат и партийный чиновник, В. М. Фалин, осмысляя причины краха перестройки, замечал: «То, что, при любой общественной системе покровенная под личность организация государственного руководства таит большой риск, в нашем советском случае мультиплицировалось сращиванием базиса с надстройкой, превращением экономики в инструмент и служанку политики. Обратная сторона взаимозависимости — катастрофическая — потянула в пропасть экономику. С ней рухнули интеграционные узы, которые — хорошо ли, худо ли — поддерживали относительную стабильность многонационального образования, каким являлся Советский Союз» [9, с. 392]. Политик, оказавшийся на вершине власти, по его компетентному мнению, рискует стать заложником недостоверной информации, искаженной статистики, абстрактных понятий и ценностей. Монопольное обладание высшей властью чревато полной зависимостью от сервильного окружения и собственных иллюзий. «Незнание, слитое с безграничной и неконтролируемой властью, — утверждает опытный политик и дипломат, — равно почти стихийному бедствию, поскольку действия (бездействия) выверяются не по фактам, а по субъективным причудам и мнениям. Это скверно везде и всегда. Это недопустимо опасно в любом современном государстве, где все взаимосвязано и переплетено. Так переплетено, что любое неловкое вмешательство чревато опасными для жизни осложнениями» [9, с. 393].

Опасными осложнениями в жизни государства и общества могут быть процессы инволюции, т. е. сегментация и ослабление жизнедеятельности социальной системы вместо продуктивного изменения ее организации. Повторение прежних патологий управления чревато созданием самой властью кризисных, а потом и революционных ситуаций.

Закончить хотелось бы компетентным мнением бывшей судьи Конституционного Суда Тамары Морщаковой, обратившей внимание на позицию, согласно которой «объективно в нашей жизни не созданы провозглашенные в Конституции в качестве основ конституционного строя и необходимые для реализации ее целей стратегические предпосылки: идеологическое и политическое многообразие, многопартийность,

свободные выборы, конкурентная среда в разных сферах общественной жизнедеятельности, свобода экономических активностей, независимое правосудие — конституционно обозначенная парадигма и инструментарий правового развития» [4]. Следовательно, если и начинать конституционные реформы, то с определения помех и тормозов действия этого инструментария. Поправки же в действующую Конституцию должны вноситься уполномоченными на это Конституцией субъектами; при этом должно быть исключено создание несогласованности между неизменяемыми главами об основах конституционного строя и правах человека и остальным конституционным текстом.

Священность Конституции не абсолютна, жизнь может подталкивать к ее совершенствованию и внесению своевременных поправок. Но при этом должно соблюдаться требование дальнейшего развития правового демократического государства — практик защиты основополагающих прав и свобод граждан, прежде всего — защиты от произвола, насилия, алчности и продажности власти и чиновников всех уровней.

1. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2019. 254 с.

2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литератур. обозрение, 2000. 810 с.

3. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М. : Норд, 1992. 416 с.

4. Морщакова Т. О диалектике конституционного процесса и конституционных изменений. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/06/84197-tekst-i-realnost?utm_source=tw&utm_medium=novaya&utm_campaign=seychas-v-konstitutsii-predlagayut-zakreplit (дата обращения: 25.04.2020).

5. Николаев И. Сколько продлится кризис // Московский комсомолец. 2020. 25 марта — 1 апр.

6. Пастухов В. Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 162—171.

7. Пастухов В. Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?) // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 49—63.

8. Соловьев А. И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 65—80.

9. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М. : Республика : Современник, 1999. 463 с.

References

1. Gel'man V.Ya. (2019) «Nedostojnoe pravlenie»: politika v sovremennoj Rossii. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 254 p. [in Rus].

2. Gurko V.I. (2000) Cherty i silujety proshlogo. Pravitel'stvo i obshhestvennost' v carstvovanie Nikolaja II v izobrazhenii sovremennika. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 810 p. [in Rus].

3. Kajtukov V.M. (1992) Evoljucija diktata. Opyty psihofiziologii istorii. Moscow, Nord, 416 p. [in Rus].

4. Morshhakova T. O dialektike konstitucionnogo processa i konstitucionnyh izmenenij. Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/06/84197-tekst-i-realnost?utm_source=tw&utm_medium=novaya&utm_campaign=seychas-v-konstitutsii-predlagayut-zakrepat, accessed 25.04.2020 [in Rus].

5. Nikolaev I. (2020) *Moskovskij komsomolec*, Marth 25 — April 1 [in Rus].

6. Pastuhov V.B. (2011) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 162—171 [in Rus].

7. Pastuhov V. B. (2001) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 1, pp. 49—63 [in Rus].

8. Solov'ev A.I. (1999) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 65—80 [in Rus].

9. Falin V.M. (1999) *Bez skidok na obstojatel'stva: politicheskie vospominanija*. Moscow, Respublika, Sovremennik, 463 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G.

Farce of the authoritarian regime: on the issue of amendments to the Russian Federation Constitution — 2020 // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). P. 41—49. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49

UDC 130.3

ON THE ISSUE OF AMENDMENTS TO THE RUSSIAN FEDERATION CONSTITUTION — 2020

Yuriy G. Ershov,

Doctor of Philosophy, Professor,
The Russian Federation, Yekaterinburg.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article is devoted to assessing the reasons and meaning of amendments to the Russian Federation Constitution made by the current political regime. The manner in which the amendments were adopted together with their content demonstrates inability of the state and the political system as a whole to govern and rule in accordance with the principles and norms of democracy and law. The concept of “unworthy governing” is used to characterize the existing mechanism of power and management of society in Russia.

Key concepts:

Constitution,
democracy,
state,
farce,
authoritarianism,
“unworthy governing”.

Для цитирования: Нестерова К. В. Особенности денежно-кредитной политики в условиях низких ставок // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 50—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-50-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-50-64

УДК 330.4

ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НИЗКИХ СТАВОК¹

Нестерова Кристина Владимировна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
лаборатория математического моделирования
экономических процессов,
старший научный сотрудник.
Российская Федерация, 117517,
г. Москва, пр. Вернадского, д. 82.
E-mail: nesterovakv@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В работе рассмотрен широкий ряд правил монетарной политики: интегральная стабилизация, таргетирование номинального ВВП, уровня цен, номинальной ставки процента, повышенного уровня инфляции, введение отрицательной номинальной ставки процента и другие методы. Также анализируются дискреционные меры, используемые центральными банками в непосредственной близости номинальных ставок к нулю, такие как резкое предупредительное сокращение ключевой ставки и интервенции на открытом рынке с целью сокращения долгосрочных процентных ставок.

Цель. Выявление наиболее эффективных правил монетарной политики, позволяющих снизить риск падения номинальной ставки процента до нуля.

Методы. Проводится анализ предпосылок и результатов моделей общего равновесия, моделирующих монетарную политику. Анализ роли глобальных современных тенденций (на основе статистики) в обострении проблемы снижающихся ставок процента.

Научная новизна исследования. Систематизация выводов современной макроэкономической теории, предлагающей ряд монетарных правил, позволяющих снизить вероятность столкновения экономики с нулевой нижней границей процентной ставки.

Результаты. Показывается эффективность таких монетарных правил, как таргетирование номинального ВВП и уровня цен, в предотвращении падения номинальной ставки процента до нуля в первую очередь благодаря эффективному управлению ожиданиями населения, что является слабой стороной дискреционного вмешательства.

Выводы. Под воздействием ряда глобальных факторов для многих развитых стран и некоторых стран — экспортеров ресурсов сохраняется тенденция к снижению номинальных ставок. В сочетании с замедлением экономического роста такая угроза может повлечь негативные последствия для российской экономики. В таком случае представляется верным сохранять таргетируемый уровень инфляции выше 2 % в год и в перспективе рассмотреть возможность перехода на таргетирование уровня цен или номинального ВВП.

Ключевые понятия:

монетарная политика, нулевая нижняя граница, инфляционное таргетирование, таргетирование уровня цен, таргетирование номинального ВВП. JEL: E12, E31, E52, E58

¹ При подготовке статьи использовались материалы научно-исследовательской работы, выполненной в Институте прикладных экономических исследований РАНХиГС по Государственному заданию № 6.7 «Анализ экономической политики в России в условиях наличия нижней нулевой границы на номинальные процентные ставки» и по Государственному заданию № 2.7 «Построение сценариев развития российской экономики с использованием моделей общего равновесия».

1. Введение

Нулевая нижняя граница для номинальной ставки процента (zero lower bound — ZLB) является ограничением для стабилизационной монетарной политики, что может стать критичным в периоды экономического спада. Некоторые развитые страны, такие как Япония и США, сталкивались с такой проблемой, и на сегодняшний день риски возвращения к ZLB по-прежнему существенны¹. Подобные ситуации наблюдались в прошлом. Столкновение экономики с ZLB является частным случаем ловушки ликвидности, описанной Дж. М. Кейнсом на основе анализа Великой Депрессии. Впоследствии подобные эпизоды для экономики США не повторялись до недавнего времени. С середины 1980-х гг. в экономиках ряда развитых стран произошел период так называемой «великого спокойствия» (great moderation)². Он был связан со значительным сокращением амплитуды колебаний деловой активности.

Параллельно с этим наблюдалось сокращение уровня инфляции. Одной из причин тому послужила политика инфляционно-таргетирования, получившая широкое применение в развитых странах и также принесшая положительные результаты в ряде развивающихся стран³. Вслед за снижением инфляции в экономике происходило сокращение номинальных ставок. Кроме того, номинальные ставки сокращались по причине снижения реальных процентных ставок до значений, близких к нулю (около 0,5 % в США). Данная глобальная тенденция появилась вследствие роста сбережений в ряде стран из-за демографических сдвигов, снижения производительности и прочих факторов, описанных ниже. В результате в современной экономике сформировалась прямая угроза установления ZLB. Вследствие Великой рецессии в некоторых развивающихся странах произошло сокращение краткосрочных номинальных ставок процента до нуля. Тогда данное явление казалось крайне нетипичным. Однако, если обратиться к статистике на историческом периоде, можно заметить, что подобное наблюдалось в период Великой депрессии.

Созданные XX в. макроэкономические модели оказались малоэффективными в

анализе проблемы ZLB и экономического кризиса в целом, поскольку они были откалиброваны на горизонте периода «великого спокойствия». Таким образом, сокращение горизонта использования данных в модели сокращает вероятность того, что в выборке будут присутствовать такие редкие события, как экономические кризисы. Это, в свою очередь, будет снижать эффективность модели при анализе и прогнозировании таких редких событий. В то же время включение в модель более старой статистики приводит к искажениям вследствие калибровки модели на устаревших данных, если в экономике происходили необратимые структурные сдвиги. В таком случае модель также может терять качество в анализе и прогнозировании.

В связи с этим в последние годы были созданы модели допускающие более высокие риски столкновения экономики с нулевой нижней границей. На их основе были разработаны альтернативные правила монетарной политики. Данная статья систематизирует данные правила и анализирует их эффективность с точки зрения стимулирования экономики. Несмотря на популярность темы в зарубежной литературе, на данный момент она практически не освещена в российских академических изданиях. Недавняя работа Кузнецовой и др. [26] представляет собой обзор нетрадиционных мер монетарной политики, применимых в условиях ловушки ликвидности (количественное смягчение, отрицательная ставка процента и информационная политика (forward guidance)). Данные меры также обсуждаются в данной работе, однако мы фиксируемся на правилах таргетирования монетарных показателей как на более эффективной мере предотвращения попадания в ловушку ликвидности.

Актуальность проблемы чрезмерного снижения процентных ставок обосновывается с помощью ряда глобальных долгосрочных макроэкономических и демографических факторов, таких как динамика нефтяных цен и старение населения. Стоит отметить, что на сегодняшний день проблема существует для многих развитых стран и постепенно становится актуальной для некоторых развивающихся стран. В особенности это касается стран-экспортеров сырья, экономики которых подвержены сильным внешним шокам. В таком случае при достаточно сильном отрицательном шоке существует вероятность критического снижения номинальной процентной ставки даже с относительно высокого предыдущего

¹ Наката [33] на основе симуляций в модели экономики США оценивает риск ZLB в 2016 г. на уровне 52—65 %, со снижением ко 2-му кв. 2017 г. до 34—35 % и к концу 2019 г. до 17—19 %.

³ Данный термин был придуман Стоком и Уотсоном в 2002 г. [38].

³ ФРС США официально практикует данное правило с 2012 г. с целевым значением инфляции 2 %.

значения. Возможность перехода от инфляционного таргетирования к таргетированию номинального ВВП активно обсуждается в ФРС США экспертами и в перспективе может представлять практический интерес для Банка России.

2. Актуальность проблемы и предпосылки установления нулевой номинальной ставки процента

2.1. Ранние теории ловушки ликвидности и их актуальность

Проблему ловушки ликвидности можно считать аналогом ситуации, когда экономика достигает нижней границы номинальной процентной ставки. Под ловушкой ликвидности принято понимать ситуацию, когда, несмотря на изменения в монетарной политике, ставка процента на денежном рынке не меняется. В нормальной ситуации увеличение предложения денег в экономике должно было бы привести к снижению их ценности, выраженной в величине реальной ставки процента, что, в свою очередь, должно привести к увеличению объема инвестиций и потребления за счет более дешевых кредитов. Таким образом, государство стимулирует совокупный спрос и деловую активность в экономике посредством монетарной политики.

В случае попадания в ловушку ликвидности спрос на деньги теряет чувствительность к величине процентной ставки, индивиды предпочитают хранить сбережения в наличных деньгах, и операции центрального банка на денежном рынке не могут повлиять на равновесную ставку процента, а следовательно, не могут стимулировать экономику. Монетарная политика оказывается полностью неэффективной.

Данная ситуация была впервые описана в труде Кейнса [24], здесь же и был введен термин «ловушка ликвидности». На создание данной теории его натолкнули наблюдения за американской экономикой в период Великой депрессии. В III параграфе гл. 15 автор отмечает, что «при наличии особо ненормальных условий имели место наиболее поразительные примеры полного крушения стабильности нормы процента вследствие того, что функция ликвидности принимала форму совершенно прямой линии горизонтальной или вертикальной. В России и Центральной Европе после войны наблюдался денежный кризис или бег-

ство от денег, когда никого нельзя было побудить держать деньги или долговые обязательства на каких бы то ни было условиях. Даже высокая и еще более растущая норма процента была бессильна угнаться за предельной эффективностью капитала (в особенности что касалось запасов ликвидных товаров), так как действовали предположения еще более значительного падения ценности денег. Наоборот, в США в некоторые моменты 1932 г. на лицо был кризис противоположного рода — финансовый кризис, или кризис ликвидности, когда почти никого нельзя было побудить расстаться с наличными деньгами на любых разумных условиях» [24].

В целом до становления монетаризма во второй половине XX в. монетарной политике отводилась скромная роль. Считалось, что с ее помощью можно вносить небольшие корректировки в динамику делового цикла. Во времена серьезных спадов, таких как Великая депрессия, рекомендовалось стимулировать деловую активность с помощью бюджетно-налоговой политики, а именно увеличения государственных расходов, что также подкреплялось аргументом о фискальном мультипликаторе. Таким образом, рассматривались ситуации приближения к состоянию ловушки ликвидности, сопровождающаяся сильным снижением эффективности кредитно-денежной политики. Сам Кейнс воспринимал ловушку ликвидности как крайний (вырожденный) случай полной неэффективности монетарной политики, который еще не достигался в реальной экономике, но в принципе возможен в будущем, в чем он оказался полностью прав: «Может случиться по рассмотренным выше причинам, что, после того как норма процента упала до известного уровня, предпочтение ликвидности окажется фактически абсолютным — в том смысле, что почти каждый предпочтет иметь наличные деньги, а не долговые обязательства, приносящие столь низкие проценты. Но хотя этот предельный случай и может приобрести важное практическое значение в будущем, до настоящего времени я не знаю ни одного подобного примера». При анализе статистики по номинальным процентным ставкам для США можно видеть параллели между ситуацией в 1930-х гг. и периодом после кризиса 2008—2009 гг. При этом в 1930-е гг. номинальная ставка процента приближалась к ZLB на менее продолжительные периоды, что указывает на актуальность проблемы ловушки ликвидности в современной экономике.

2.2. Снижение реальных ставок и проблема нулевой номинальной ставки

В последние десятилетия в глобальной экономике наблюдались некоторые новые явления и тенденции. К их числу можно отнести глобальные дисбалансы (global imbalances) в движении капитала на международном рынке. В особенности в 2000-х гг. наблюдался активный отток капитала из некоторых развивающихся стран, таких как Китай, Россия и арабские государства, в развитые экономики, в основном в США. Фундаментальными факторами, стоящими за данным явлением, считаются старение населения в данных развивающихся странах (увеличение ожидаемой продолжительности жизни вместе с сокращением рождаемости), а также увеличение в них ресурсной ренты в связи с ростом мировых цен на нефть, газ и другие сырьевые товары. Старение населения обуславливает увеличение национальных сбережений, существенная часть которых инвестируется за рубежом. В странах-экспортерах нефти рост национальных сбережений объясняется желанием экономических агентов сберечь случайные доходы от полученной дополнительной нефтяной ренты.

В результате данных глобальных трендов в ценах на энергоресурсы и в демографии в ряде развивающихся странах стали возникать избыточные сбережения, которые экономические агенты хотели вложить в относительно безопасные активы. Наиболее распространенным выбором в таком случае являлись казначейские облигации США, а также других стран, являющихся эмитентами резервных валют: Японии, Великобритании, Швейцарии. Как следствие повышенного предложения сбережений на международном денежном рынке реальная процентная ставка стала снижаться (см., например, Кабальеро и др. [12]). Такая тенденция мировых реальных процентных ставок к снижению, известная также как «головоломка Гринспена» (Greenspan's Conundrum), непосредственно предшествовала моменту столкновения американской экономики с ZLB. В определенной степени тенденция реальных процентных ставок к снижению могла спровоцировать попадание ряда экономик в ZLB, поскольку центральные банки таргетируя инфляцию, следовали за понижающимися трендами реальных процентных ставок и за характерным для них замедлением деловой активности.

3. Варианты правил монетарной политики в условиях риска столкновения с ограничением ZLB

Существует целый ряд возможных модификаций монетарной политики, призванных снизить риски столкновения экономики с ZLB, а также оптимальным образом вывести ее из данной ситуации. Например, в обзорной работе Уильямса [43] описаны изменения, произошедшие в монетарной политике на практике, а также в теории, в связи с наблюдениями последних десятилетий с учетом рисков ZLB. В статьях Блайндера [7; 8] рассматриваются наиболее распространенные методы избегания ZLB, а также инструменты стабилизационной политики в условиях ZLB.

3.1. Повышение целевого уровня инфляции или коэффициента при инфляции в правиле Тэйлора

Одним из очевидных способов снижения вероятности попадания в область ZLB является повышения целевого уровня инфляции. Однако мнения исследователей по вопросу оптимальности данного метода расходятся. В 1997 г. Фюрер и Мадиган [19] обратились к данной проблеме как актуальной для японской экономики. С помощью простой модели на основе кривой IS они показали, что высокая инфляция (на уровне 4 %) обеспечивает более высокий экономический рост, чем нулевая инфляция, особенно в условиях перманентных шоков.

В исследовании Рейфшнайдера и Уильямса [37] с помощью симуляции функции потерь центрального банка показано, что в условиях стандартного правила Тэйлора существовавшая в период «великого спокойствия» цель по инфляции на уровне 2 % соответствует 10 % вероятности попадания в область ZLB. В продолжении данного исследования в работе Уильямса [42] утверждается, что, если шоки 2008—2009 гг. были уникальным событием, которое не повторится в будущем, то буфер 2 % таргетируемой инфляции является достаточным для ограждения экономики от ZLB. В противном случае, если подобные шоки будут повторяться, целевое значение инфляции в 2 % будет недостаточным, чтобы удерживать экономику от попадания в область ZLB. Автор рекомендует к рассмотрению меры политики, актуальные в условиях ZLB, такие как более резкое снижение ключевой ставки до

нуля с целью сокращения реальной ставки процента, контрциклическую фискальную политику и нетрадиционную монетарную политику.

В то же время, в работе Куабиона и Городниченко [14] по результатам построения модели новокейнсианского типа по данным США 1947—2011 гг. показано, что в условиях риска достижения ZLB не оптимально повышать целевое значение для инфляции выше традиционно рекомендуемого на практике значения 2 % с целью избежать ловушки ликвидности, так как несмотря на значимый отрицательный эффект от ZLB, вероятность реализации этого события низка, и формировать положительный зазор в тренде инфляции, чтобы застраховаться от попадания в ловушку ликвидности, неоправданно затратно. Оптимальный уровень инфляции, максимизирующий общественное благосостояние в модели, имеет значение ниже 2 %. Результаты оказываются робастными по отношению к различным вариациям предпосылок в модели, влияющих на механизмы распространения шоков и увеличивающие вероятность попадания экономики в ZLB, такие как наличие встроенной оптимальной стабилизационной политики, индексация ценовых показателей, эндогенная, зависящая от состояния экономики гибкость цен, наличие капитала, неопределенности, и жесткости номинальных заработных плат в направлении понижения.

В следующем исследовании Куабион, Городниченко и др. [16] применяют подобную модель к различным выборкам стран за 1945—2015 гг., что дает различные оценки оптимального уровня инфляции. При оценке панели стран общий результат равен 2 % оптимальной инфляции. Отдельно для США на периоде 1950—2015 гг., где частота эпизодов ZLB по подсчетам авторов составляет 11 %, оптимальный уровень инфляции превышает 4 %. В то же время оценка для выборки стран (США (11 %), Германия/ЕЦБ (8 %), Великобритания (11 %), Япония (23 %), Канада (2 %), Австралия (0 %), Новая Зеландия (0 %), Норвегия (0 %), Швеция (4 %) и Швейцария (16 %)) дает оптимум на уровне 2 % инфляции. В предыдущем исследовании выборка за 1945—2011 гг. давала более низкую оценку частоты ZLB (около 5 % в зависимости от определения). Эта разница привела к другим оценкам оптимального уровня инфляции. Таким образом, очевидно, насколько важным является определение выборки при оценке. В частности, важным вопросом является, считает ли исследователь склонность экономики к нулевой процент-

ной ставке, зависящей в большей степени от предыстории номинальных ставок в данной стране или от тенденций в подобных экономиках в целом.

В обзоре Блайндера [7] упоминается такой способ снижения вероятности попадания в ZLB как использование центральным банком нелинейного правила Тэйлора, где коэффициент при инфляции и, возможно, также при безработице будет увеличиваться по мере отклонения фактической инфляции ниже целевого уровня, что будет соответствовать более активному монетарному стимулированию экономики.

3.2. Интегральная стабилизация. Таргетирование кумулятивных показателей

Изменение таргетируемого показателя также может иметь смысл. Так, в работе Вудфорда [44] предлагается введение в явном для публики виде промежуточной цели для монетарной политики на краткосрочном горизонте (вместо некоей комбинации инфляции и отклонения выпуска от потенциального уровня) — кумулятивный рост реального ВВП, что делает правило монетарной политики более явным и способствует возможности взять на себя обязательства (commitment). Также отмечается, что такая цель является более гибкой по отношению к ZLB. Кроме того, следование за такой таргетируемой переменной будет автоматически подразумевать более агрессивную стимулирующую монетарную политику при приближении экономики к стагнации и ZLB в характере японской экономики. Это, в свою очередь, будет изначально закладывать в рынок позитивные ожидания относительно политики центрального банка.

Еще одним возможным целевым показателем для монетарной политики может служить усредненный за некоторый период уровень инфляции. Преимуществом такого правила является то, что центральный банк обязывается компенсировать предшествующие отклонения от цели за счет изменения будущих целевых значений. То есть если в текущем периоде наблюдается слишком низкая инфляция, смещающая инфляционные ожидания вниз, данная политика центрального банка автоматически будет предполагать повышенный уровень инфляции в будущем, что сместит инфляционные ожидания обратно. Данный тип политики анализируется в работе Мертенса и Уильямса [32]. На основе модели общего равновесия авторы показывают, что он будет

предпочтительнее дискреционного вмешательства. Также они сравнивают его с таргетированием уровня цен, и последний вариант оказывается наиболее эффективным.

Подобные идеи относительно совместного таргетирования кумулятивного роста ВВП и кумулятивной инфляции озвучивались Олбаном Филлипсом в 1950-х гг. под общим названием «интегральная стабилизация» (см., например, [36]). В современных условиях угрозы ZLB данный подход вновь обрел актуальность, а его высокая эффективность в предотвращении эпизодов обнуления номинальной ставки процента подтверждается с помощью современных моделей общего равновесия (см. [7]).

3.3. Таргетирование уровня цен

В последние годы в США все чаще вместо таргетирования инфляции предлагается таргетировать уровень цен или номинальный ВВП. Одним из преимуществ данного подхода считается более понятная для большинства домашних хозяйств постановка задачи. Другим подобным объектом таргетирования может служить валютный курс, который также привязан к уровню цен и экономической активности и является понятным для частного сектора объектом. Однако критики данного подхода указывают на то, что данный метод практически никогда не применялся¹, в то время как таргетирование инфляции на практике показало себя как крайне эффективная мера снижения неопределенности относительно ценовых показателей в экономике, результатом чего стал период стабильного экономического роста «Великой умеренности» (Great Moderation) в США и других ведущих экономиках. Многие развивающиеся страны также достигли успехов в данном направлении.

Стоит отметить, что в мировой практике существует пример применения таргетирования уровня цен. Данный подход был использован в Швеции в 1931—1937 гг. после ухода от золотого стандарта задолго до эпохи инфляционного таргетирования. Однако в 1930-е гг. в стране развивался экономический кризис подобный Великой Депрессии. По этой причине таргетирование уровня цен подвергалось критике со стороны экономистов, включая таких выдающихся представителей Стокгольмской школы, как Гуннар Мюрдаль и Бертиль Олин, призывавших к активному фискальному стимулиро-

ванию экономики в духе кейнсианства (см., например, Берг и Йонунг [5]), в результате чего практика таргетирования уровня цен в Швеции была прервана. Таким образом, короткий промежуток использования таргетирования уровня цен в Швеции не позволяет уверенно судить об эффективности данной меры.

Другим аргументом против внедрения таргетирования уровня цен является связанное с этим увеличение волатильности инфляции и периодическая дефляция. То есть вместо выбора между более высокими и более низкими положительными темпами инфляции центральный банк будет таргетировать положительные и отрицательные темпы инфляции. Однако такие вызванные внешними шоками периоды дефляции в данном случае будут кратковременными, поскольку будут сопровождаться повышенной инфляцией в будущем, что правда в то же время усугубит проблему волатильности инфляции. В данном случае важно, что ситуация зависит от выбранной центральным банком целевой траектории уровня цен. Если центральный банк заложит в нее положительный рост, например, на уровне 2 % в год, то периодов дефляции, скорее всего, удастся избежать. При этом данное правило по-прежнему будет способствовать сокращению вероятности ZLB при отклонении уровня цен вниз от выбранного тренда.

В последние годы тема таргетирования уровня цен фигурирует в статьях известных экономистов ФРС США. Так, например, действующая глава ФРС США Дж.Иеллен [46] и ее предшественник Б.Бернанке [6] отмечают положительный эффект от «гибкого» (без установления правила) таргетирования уровня цен в периоды повышенного риска снижения процентных ставок. Также отмечается важность обязательства центрального банка компенсировать отклонения от целевых значений в предыдущие периоды, в отличие от стратегии таргетирования инфляции, когда ошибки монетарного регулятора остаются в прошлом. Глава ФРС Сент-Луиса Дж. Баллард в публичных выступлениях и исследованиях в целом поддерживает идею перехода с таргетирования инфляции на таргетирование уровня номинальных показателей (номинального ВВП) [11].

Далее рассмотрим исследования, посвященные проблеме моделирования таргетирования уровня цен в контексте риска ZLB. В вышеупомянутой статье Куабиона, Гордониченко и др. [16], сравнивая таргетирование инфляции и уровня цен, авторы приходят к выводу о том, что таргетирование

¹ Данные замечания находятся скорее в поле неакадемической общественной дискуссии и упоминаются, например, в [5] и [10].

уровня цен вместо уровня инфляции является более выигрышной стратегией с точки зрения максимизации общественного благосостояния, а также соответствует равновесию с низким уровнем инфляции.

Уильямс [41] рассматривает таргетирование уровня цен, вместо инфляции. Автор указывает на то, что в теории такой подход должен быть существенно более эффективным по сравнению с традиционным инфляционным таргетированием, когда речь идет о стабилизации экономического спада и предотвращении раскручивания дефляционной спирали в окрестностях ZLB, поскольку подразумевает в таком случае превышение инфляции над трендом с целью восстановления таргетируемого уровня цен. В данном случае вновь существенная часть эффекта от данного монетарного правила достигается еще до принятия монетарных мер, благодаря формированию инфляционных ожиданий.

Данный вывод был проиллюстрирован с помощью модели общего равновесия, где экономические агенты обладают несовершенной информацией относительно будущего и прогнозируют его на основе собственной модели, которую регулярно переоценивают. В таком случае эффект любых мер монетарной политики во многом определяется ее действием на ожидания частного сектора. В частности, показано, что низкий целевой уровень инфляции приводит к частым попаданиям экономики в область ZLB. Тем не менее большая часть потерь в экономике возникает не непосредственно из-за ловушки ликвидности, а по причине проблем с коммуникацией монетарной политики в ожиданиях агентов. В то же время правило монетарной политики с агрессивным таргетированием уровня цен способно эффективно стабилизировать цены и совокупный выпуск в такой экономике, где домашние хозяйства формируют свои ожидания на основе прогнозирования с обучением, как в условиях ZLB, так и в случае низкого желаемого уровня инфляции.

Вудфорд и Ксие [45] с помощью новокейнсианской модели с «близорукостью» (ограниченным горизонтом планирования домашних хозяйств) исследуют влияние на разрыв выпуска различных мер стабилизационной политики: фискальной и монетарной (инфляционное таргетирование и временное и перманентное таргетирование уровня цен). Авторы подтверждают гипотезу о том, что близорукость увеличивает эффективность фискальных мер стимулирования экономики. Также он показывает, что

инфляционное таргетирование уступает в эффективности таргетированию уровня цен, поскольку создает больший разрыв между текущим значением уровня цен и равновесным, что приводит к большим потерям выпуска. В то же время в условиях ограниченного горизонта планирования перманентное таргетирование уровня цен в виде правила монетарной политики оказывается предпочтительнее временного таргетирования уровня цен, особенно для короткого горизонта планирования. При горизонте от 20 кварталов различие исчезает. Преимуществом монетарного правила является то, что оно доступно для понимания и использования в планировании экономических агентов с ограниченной рациональностью, действия центрального банка в прошлом соответствуют его действиям в будущем, и его реакция на внешние шоки диктуется данным правилом и не требует от домашних хозяйств сложных расчетов, на которые способны только агенты с полной рациональностью.

Наков [35] сравнивает оптимальное дискреционное вмешательство, предполагающее резкое и длительное сокращение процентной ставки, с недискреционным таргетированием уровня цен и показывает, что недискреционное таргетирование уровня цен позволяет предотвратить порядка 60% потерь по сравнению с оптимальным дискреционным вмешательством. По мнению автора, это можно считать хорошим результатом. Отметим, что на практике верно оценить масштаб оптимального дискреционного вмешательства сложно, что становится дополнительным аргументом в пользу таргетирования уровня цен.

В недавней работе Хонкапойа и Мирты [22] анализируется действие правила таргетирования инфляции и уровня цен в нелинейной новокейнсианской модели на основе классической статьи Бенхабиба и др. [4]. В качестве основной меры эффективности правила они используют размер создаваемой им области притяжения к выбранной центральному банком устойчивой траектории (робастность). В построенной ими модели в случае непрозрачности политики таргетирования уровня цен данный вариант проигрывает таргетированию инфляции. Он является немного менее робастным. При рассмотрении различных вариантов шоков (отклонений инфляции и выпуска от равновесной траектории) оказывается, что экономика возвращается в оптимальное равновесие, а не в равновесие с нулевой номинальной процентной ставкой, реже, чем при инфляционном таргетировании.

Однако если домашние хозяйства хотя бы частично используют в прогнозировании информацию о планах центрального банка, то таргетирование уровня цен становится предпочтительнее, чем таргетирование инфляции. В случае прозрачного правила таргетирования уровня цен и полного доверия общества к этой политике робастность монетарной политики оказывается намного выше, практически любые виды шоков приводят экономику к оптимальной траектории. Также авторы рассматривают вариант эволюционирующего доверия к центральному банку. Предполагается, что начальный уровень доверия низкий, но со временем при последовательной политике регулятора он возрастает. В результате такое монетарное правило может обеспечивать устойчивость оптимальной траектории даже для очень низких значений ожидаемой инфляции. Его эффективность также зависит от ожиданий относительно совокупного выпуска. Авторы также подтверждают полученные результаты расчетами на основе данных по шведской экономике 1930-х гг., когда в стране проводилась политика стабилизации уровня цен.

В исследовании Меле и др. [31] вопрос оптимальности стратегии таргетирования уровня цен исследуется в похожей модели. Они обращают внимание на то, что если равновесие робастно к внешним шокам (центральный банк может, управляя ожиданиями, вернуть экономику в равновесие), то из этого не следует, что у регулятора будут стимулы это сделать. Авторы более подробно останавливаются на специфике формирования ожиданий домашних хозяйств. В случае если в модели присутствуют агенты с адаптивными ожиданиями, у центрального банка появляются стимулы отклониться от правила таргетирования уровня цен, несмотря на негативные долгосрочные последствия для репутации, так как центральный банк получит значительный краткосрочный выигрыш из-за лага в реакции домашних хозяйств. Со временем адаптивные агенты понимают, что центральный банк отклонился от правила и экономика сходится к равновесию с таргетированием инфляции. Однако если агенты рациональны и мгновенно корректируют свои ожидания при поступлении новой информации, а также могут выбирать стратегии вне равновесия, создавая тем самым угрозу центральному банку, таргетирование уровня цен может быть наилучшей опцией. Таким образом, механизм формирования ожиданий агентов, а также то, известен ли он центральному банку, может иг-

рывать ключевую роль в выборе наилучшего правила денежно-кредитной политики.

3.4. Таргетирование номинального выпуска

Таргетирование номинального выпуска по логике напоминает таргетирование уровня цен, с той разницей, что в правиле учитывается также динамика реального ВВП, чем этот подход напоминает идею интегральной стабилизации. Фактически признаки таргетирования номинального выпуска можно наблюдать на практике, так как центральные банки часто реагируют как на ценовые шоки, так и на отклонения выпуска и стараются управлять ожиданиями населения. В частности, в работе Хендриксона [20] показывается, что поведение ФРС США в 1970—2003 гг. наилучшим образом описывается правилом таргетирования номинального совокупного дохода.

Данный вариант монетарной политики описывается в ранних работах. Так, Мид в 1970-х гг. (см., например, его Нобелевскую лекцию [30]) утверждает, что, по сути, монетарная политика сводится к таргетированию совокупного денежного дохода (total money income) с помощью различных инструментов. В качестве целевого значения Мид предлагает траекторию с 5%-м годовым ростом номинальных доходов. У такой стратегии есть как сильные, так и слабые стороны. Данный показатель имеет денежное выражение, что делает его максимально понятным для населения. Как и другие интегральные показатели, ориентированные на траекторию равновесного роста, он дает возможность управлять ожиданиями. Это делает данный вид политики хорошей страховкой от ZLB, поскольку обеспечивает монетарный стимул как при дефляции, так и при падении выпуска.

Таргетирование номинальных доходов снижает реакцию монетарного регулятора на шоки предложения. Это также можно считать преимуществом, поскольку в случае стагфляции со значительным падением выпуска центральный банк не станет проводить сдерживающую политику как в случае таргетирования уровня цен. Однако решить проблему стагфляции данное правило также не позволяет¹. Тем не менее стагфляция

¹ Проблема угрозы стагфляции рассмотрена в статье Клариды и др [13]. Авторы показывают, что будет предпочтительным назначение «консервативного» регулятора, для которого приоритетом является стабилизация инфляции. Данный вывод соответствует реальному опыту стагфляции в США в 1970-х гг. и политике Волкера, вначале стабилизировавшего инфляцию.

и ZLB являются достаточно разнотипными проблемами, что дает возможность центральному банку своевременно корректировать политику при изменении вида угрозы. Таргетированию номинального ВВП свойственны те же слабые стороны, что и правилу Тэйлора: потребность в корректных и своевременных данных о текущем значении и потенциальном уровне выпуска.

Баллард [11] указывает на такое свойство таргетирования номинального ВВП как улучшение функционирования финансовых рынков. Как правило, на финансовых рынках преобладают безусловные инструменты (non-contingent instruments), не страхующие от инфляции. В случае применения правила таргетирования номинального ВВП контракты, заключенные в номинальных величинах, автоматически корректируются на условия (contingent instruments). При положительном шоке выпуска уровень цен снижается, что увеличивает выплаты по инструментам, а при отрицательном шоке инфляция сократит выплаты. Таким образом, достигается лучшая диверсификация рисков в экономике.

3.5. Таргетирование номинальной ставки процента

Таргетирование номинальной процентной ставки, в том числе долгосрочной, также позволяет центральному банку управлять ожиданиями домашних хозяйств. Данный подход моделируется в статье МакГоу и др. [29] с помощью новокейнсианской модели общего равновесия с неопределенностью в форме множественности равновесий. Авторы демонстрируют, что таргетирование в рамках правила Тэйлора долгосрочной ставки процента, а не краткосрочной будет подходящей стратегией в условиях ZLB и поможет привести экономику к оптимальному равновесию.

К подобным выводам приходит и Армэнтер [2]. Он строит модель с ZLB, порождающую два равновесия. В рамках модели таргетирование долгосрочной ставки, так же как и краткосрочной, помогает привести экономику в нужное равновесие, однако с таргетированием долгосрочной ставки сопряжено меньше потерь. В работе также исследуются правила таргетирования инфляции и уровня цен в условиях инерционной инфляции и фискальное вмешательство. Как правило, таргетирование инфляции обеспечивает субоптимальный результат в окрестностях обоих равновесий, в то время как таргетирование уровня цен обеспечивает оптимум в хорошем равновесии, но ведет себя существенно хуже в плохом.

На практике таргетирование долгосрочной процентной ставки тесно связано с политикой публикации прогноза ключевой ставки (forward guidance). Данный инструмент монетарной политики позволяет более эффективно управлять ожиданиями, давая центральному банку возможность брать на себя репутационные обязательства относительно будущей величины ключевой ставки. В современной практике принято различать два типа forward guidance: одиссейский и дельфийский. Одиссейский тип предполагает явную публикацию официальных прогнозов ключевой ставки. Данная версия используется ФРС США и Банком Японии в дополнении с некоторыми условиями по прогнозам. Дельфийская версия предполагает менее явные по сравнению с официальными прогнозами высказывания центрального банка относительно величины ключевой ставки в будущем. Такой подход практикуется в большинстве других центральных банков. В целом forward guidance показал себя как действенный инструмент управления ожиданиями относительно долгосрочной ставки и экономической активности, что подтверждается в массе исследований, а его эффект на экономику США сопоставим с традиционными мерами монетарной политики, такими как изменение ключевой ставки (см. Суонсон [40]).

Существуют также две распространенные рекомендации по управлению номинальными ставками непосредственно в окрестности ZLB (см., например, Блайндер [7], Йеллен [46]). Первая звучит как «don't keep your powder dry», что буквально означает «не держать порох наготове». То есть при близости ZLB рекомендуется резкое предупредительное снижение краткосрочной номинальной ставки процента с целью добиться снижения реальной ставки процента и, таким образом, стимулирования экономики и предотвращения ее попадания в состояние дефляции и застоя подобное экономике Японии.

Вторая рекомендация «lower for longer» является обязательством центрального банка удерживать краткосрочную номинальную ставку на уровне ZLB, что позволяет оказывать влияние на долгосрочные процентные ставки. Нерешительность центрального банка в отношении удержания ZLB может иметь большое значение. Ситуация ZLB является непривычной для населения. Вследствие этого оно склонно ожидать повышения ставки, что формирует негативные для экономического роста ожидания. Данная си-

туация была актуальная в том числе в американской экономике в 2009—2011 гг. Это вынудило ФРС искать возможности управления ожиданиями относительно уровня ставок. Подтверждение эффективности данных мер в рамках новокейнсианских моделей общего равновесия можно найти в статьях [1] и [23] соответственно.

Сложность длительного удержания номинальной ставки на низком уровне заключается в том, что центральному банку непросто брать на себя убедительное обязательство (commitment). В случае если это невозможно, допустимо следование правилу сглаживания номинальной процентной ставки. В статье Накаты и Шмидта [33] рассмотрено четыре типа монетарной политики в условиях ловушки ликвидности: сглаживании номинальной или теневой ставки, дискреционное вмешательство и обязательство. Дискреционное вмешательство позволяет центральному банку немедленно обнулить ставку, но не дает возможности обязать себя ее удерживать. В таком случае, если коммитмент недоступен, оптимальным решением будет использовать правило сглаживания ставок (с небольшим коэффициентом сглаживания). Это позволит как немедленно снизить ставку к почти нулевому значению, так и некоторое время удерживать ее.

3.6. Количественное смягчение

С возрастанием риска попадания экономики в окрестности ZLB наряду с forward guidance получил популярность еще один метод нетрадиционной монетарной политики: количественное смягчение (quantitative easing). Он подразумевает масштабные действия центрального банка по приобретению или продаже облигаций, или валюты — large-scale asset purchases (LSAP) — с целью изменения предложения денег в экономике. К примеру, в работе Ауэрбаха и Обстфельда [3], написанной еще до мирового финансового кризиса, проблема ловушки ликвидности анализируется на примере единственной страны, где она в то время наблюдалась — Японии. Авторы строят динамическую модель общего равновесия с наличием ценовых жесткостей и финансовых посредников для этой страны и на ней оценивают эффект от операций центрального банка на открытом рынке — покупки государственных долговых обязательств. В результате авторы делают вывод о том, что количественное смягчение оказывается эффективной мерой стимулирования экономики с точки зрения

максимизации общественного благосостояния. Оно увеличивает предложение денег, что позволяет создать пространство для снижения налоговых ставок.

Уильямс [41] выделяет два канала влияния интервенций центрального банка на экономику: канал сигналов и канал предпочтительной среды обитания (preferred habitat). Первый канал подразумевает, что интервенции центрального банка являются сигналом о его будущей политике и влияют на экономику как инструмент управления ожиданиями. Второй канал предполагает неоднородность финансовых рынков по предпочтениям в отношении финансовых активов. В частности, предполагается, что существуют инвесторы, работающие с определенным типом активов. Примером такого типа инвестора могут служить пенсионные фонды, специализирующиеся на инвестициях в активы с низким уровнем риска. Причем данная специализация определяется в данном случае законодательно. Из этого следует, что на финансовых рынках отсутствует полный арбитраж между финансовыми инструментами. То есть данные рынки не являются совершенно конкурентными, что означает, что количество активов в обращении должно влиять на их доходность. Соответственно, покупая или продавая, к примеру, облигации с большим сроком погашения, центральный банк сможет влиять на долгосрочную ставку доходности. Подобным образом центральный банк может влиять на спрэд между доходностями государственных и корпоративных облигаций, покупая облигации частных компаний¹. Как показывает практика, в большинстве случаев интервенции центрального банка дают значимый эффект на экономику, однако величину данного эффекта довольно сложно прогнозировать.

3.7. Отрицательная номинальная ставка

Политика отрицательных номинальных ставок также относится к мерам нетрадиционной денежно-кредитной политики, ставшим популярными в связи с приближением номинальных ставок к нулю. Еще в 19 в. немецкий экономист Сильвио Гессель призывал к введению отрицательной номинальной ставки (или налога на деньги) в качестве меры против протекающего в это время кризиса избыточных сбережений. Кейнс также упоминал эту идею, вслед за

¹ Данный метод может быть сопряжен со сложностями политического характера.

ним ее поддерживают некоторые современные экономисты (см. Мэнкью [27]). В качестве примера теоретического анализа такой политики можно назвать статью Баутера и др. [9], где к модели кейнсианского типа применяется условие, что номинальные ставки по денежной базе всегда не выше ставок по другим инструментам.

Хиллз и др. [21] с помощью современной модели, откалиброванной по данным США, показывают, что введение отрицательной номинальной ставки позволяет снизить потери от отклонений выпуска и инфляции от равновесной траектории. По их расчетам при изначально выбранном значении инфляции на уровне 2 % риск попадания экономики в ZLB может приводить к фактической инфляции на 0,5 п.п. ниже. Поэтому они отдают предпочтение модифицированному правилу Тэйлора, с повышенным значением таргетируемой инфляции.

Введение отрицательной номинальной ставки на практике может также происходить в форме комиссии за обналичивание денег или, например, налога на резервы.

3.8. Фискальный стимул и интервенции на валютном рынке

Также во многих исследованиях, посвященных проблемам монетарной политики в условиях ZLB, фокус смещается в направлении фискальной стимуляции экономики. Актуальность фискального стимула, финансируемого денежной эмиссией (*helicopter drop*), в явном виде рассмотрена в частности в статьях Кругмана [25] и Коррейя и др. [15]. Кругман в [25] придерживается свойственной его работам кейнсианской логики, описанной в модели ловушки ликвидности Кейнса. Коррейя и др. [15] на базе новокейнсианской модели общего равновесия показывают, что сокращение налогов в условиях ZLB является оптимальным ответом. Оно позволяет быстро элиминировать отрицательные эффекты ZLB. В целом пропорциональные налоговые ставки являются встроенными стабилизаторами деловой активности. Их использование также само по себе регулирует экономическую активность, в том числе в условиях ZLB.

Увеличение предложения денег возможно также при покупке иностранной валюты. Данный подход рассмотрен в работах Свенсона [39] и МакКаллума [28]. Таргетирование валютного курса (см. МакКаллум [28]) также можно рассматривать как инструмент предотвращения попадания в ловушку ликвидности в области ZLB.

4. Заключение

В большинстве развитых стран в качестве основного принципа монетарной политики используется правило инфляционного таргетирования с целью низкой инфляции, как правило, 2 % в год. Как показывают модели, оцененные на актуальных данных, такого барьера может быть недостаточно для предотвращения попадания экономики в область ZLB. Стоит также отметить, что отсутствие нулевых процентных ставок в предыстории не позволяет исключать вероятность приближения номинальных ставок к нулю в будущем. Так страны-экспортеры ресурсов, экономики которых подвержены внешним шокам, могут оказаться в ловушке ликвидности при достаточно сильном внешнем шоке. При этом многие развивающиеся страны по-прежнему стремятся к сокращению инфляции до 2 % в долгосрочной перспективе. Для российской экономики такая цель может быть слишком низкой, особенно учитывая текущую тенденцию к снижению инфляции ниже действующего целевого уровня 4 %. Таким образом, действующий целевой уровень представляется оправданным в долгосрочной перспективе. На основе рассмотренных исследований можно более точно оценить для России оптимальный целевой уровень инфляции, минимизирующий риск столкновения с нулевой нижней границей.

Однако больший интерес в долгосрочной перспективе может представлять смена таргетируемого показателя. Предпочтительным вариантом представляется переход к интегральной стабилизации — таргетированию накопленных значений показателя, в частности номинального ВВП и уровня цен. Подобное правило денежно-кредитной политики обязывает центральный банк компенсировать предыдущие отклонения инфляции от тренда, что подразумевает более активные действия регулятора в случае, если инфляция демонстрирует устойчивую тенденцию к отходу от оптимального значения. Это особенно актуально в контексте предотвращения падения номинальной ставки процента до нуля, и также может эффективно функционировать в экономике, где данные риски отсутствуют.

Главной причиной эффективности таких монетарных правил является то, что они дают возможность автоматически наиболее оперативно корректировать ожидания домашних хозяйств в нужном направлении. В условиях угрозы ZLB такое превентивное постоянно действующее правило денежно-

кредитной политики оказывается предпочтительнее дискреционного вмешательства, производящегося, когда номинальные ставки процента находятся в непосредственной близости к нулевой границе.

1. Adam K., Billi R. M. Optimal monetary policy under commitment with a zero bound on nominal interest rates // *Journal of Money, Credit, and Banking*. 2006. Vol. 38. № 7. P. 1877—1905.

2. Armenter R. The perils of nominal targets // *The Review of Economic Studies*. 2017. Vol. 85. № 1. P. 50—86.

3. Auerbach A. J., Obstfeld M. The case for open-market purchases in a liquidity trap // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. № 1. P. 110—137.

4. Benhabib J., Schmitt-Grohé S., Uribe M. The perils of Taylor rules // *Journal of Economic Theory*. 2001. Vol. 96. № 1—2. P. 40—69.

5. Berg C., Jonung L. Pioneering price level targeting: the Swedish experience 1931—1937 // *Journal of Monetary Economics*. — 1999. Vol. 43. № 3. P. 525—551.

6. Bernanke, B.S. Temporary price-level targeting: an alternative framework for monetary policy // *Ben Bernanke's Blog*. 2017.

7. Blinder A. S. Monetary policy at the zero lower bound: balancing the risks // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2000. Vol. 32. № 4. P. 1093—1099.

8. Blinder A. S. Revisiting monetary policy in a low-inflation and low-utilization environment // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2012. Vol. 44. P. 141—146.

9. Buiters W. H., Panigirtzoglou N. Overcoming the zero bound on nominal interest rates with negative interest on currency: Gesell's solution // *The economic journal*. 2003. Vol. 113. № 490. P. 723—746.

10. Bullard J. B. et al. James Bullard Discusses Nominal GDP Targeting. 2019. № 338.

11. Bullard J., DiCecio R. Optimal Monetary Policy for the Masses // *FRB St. Louis Working Paper*. 2019. № 2019-9.

12. Caballero R. J., Farhi E., Gourinchas P. O. An equilibrium model of "global imbalances" and low interest rates // *American economic review*. 2008. Vol. 98. № 1. P. 358—393.

13. Clarida R., Gali J., Gertler M. The science of monetary policy: a new Keynesian perspective // *Journal of economic literature*. 1999. Vol. 37. № 4. P. 1661—1707.

14. Coibion O., Gorodnichenko Y., Wieland J. The optimal inflation rate in New Keynesian models: should central banks raise their infla-

tion targets in light of the zero lower bound? // *Review of Economic Studies*. 2012. Vol. 79. № 4. P. 1371—1406.

15. Correia I. et al. Unconventional fiscal policy at the zero bound // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. № 4. P. 1172—1211.

16. Dordal i Carreras M. et al. Infrequent but long-lived zero lower bound episodes and the optimal rate of inflation // *Annual Review of Economics*. 2016. Vol. 8. P. 497—520.

17. Eggertsson G. B. The paradox of toil // *FRB of New York Staff Report*. 2010. № 433.

18. Eggertsson G. B., Krugman P. Debt, deleveraging, and the liquidity trap: A Fisher-Minsky-Koo approach // *The Quarterly Journal of Economics*. 2012. Vol. 127. № 3. P. 1469—1513.

19. Fuhrer J. C., Madigan B. F. Monetary policy when interest rates are bounded at zero // *Review of Economics and Statistics*. — 1997. Vol. 79. № 4. P. 573—585.

20. Hendrickson J. R. An overhaul of Federal Reserve doctrine: Nominal income and the Great Moderation // *Journal of Macroeconomics*. 2012. Vol. 34. № 2. P. 304—317.

21. Hills T., Nakata T., Schmidt S. Effective lower bound risk // *European Economic Review*. 2019. P. 103321.

22. Honkapohja S., Mitra K. Price level targeting with evolving credibility // *Journal of Monetary Economics*. 2019.

23. Jung T., Teranishi Y., Watanabe T. Optimal monetary policy at the zero-interest-rate bound // *Journal of Money, Credit, and Banking*. 2005. Vol. 37. № 5. P. 813—835.

24. Keynes J. M. *The general theory of employment, interest, and money*. Springer, 2018.

25. Krugman P. R., Dominquez K. M., Rogoff K. It's baaack: Japan's slump and the return of the liquidity trap // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. Vol. 1998. № 2. P. 137—05.

26. Kuznetsova, O., Merzlyakov, S., PekarSKI, S. Confidence in future monetary policy as a way to overcome the liquidity trap // *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol. 5. № 2. P. 117—135.

27. Mankiw N. G. It may be time for the fed to go negative // *New York Times*. 2009. Vol. 18. P. 2009.

28. McCallum B. T., Christiano L. J., Wallace N. Theoretical Analysis Regarding a Zero Lower Bound on Nominal Interest Rates // *Journal of Money, Credit & Banking*. 2000. Vol. 32. № 4. P. 870—870.

29. McGough B., Rudebusch G. D., Williams J. C. Using a long-term interest rate as the monetary policy instrument // *Journal of Monetary Economics*. 2005. Vol. 52. № 5. P. 855—879.

30. Meade J. The Meaning of "Internal Balance" // *The Economic Journal*. 1978. Vol. 88. № 351. P. 423—435.

31. Mele A., Molnár K., Santoro S. On the perils of stabilizing prices when agents are learning // *Journal of Monetary Economics*. 2019.

32. Mertens T. M., Williams J. C. Monetary policy frameworks and the effective lower bound on interest rates // *AEA Papers and Proceedings*. 2019. Vol. 109. P. 427—432.

33. Nakata T. et al. Model-Based Measures of ZLB Risk // Board of Governors of the Federal Reserve System (US). 2017. № 2017-08-23.

34. Nakata T., Schmidt S. Gradualism and liquidity traps // *Review of Economic Dynamics*. 2019. Vol. 31. P. 182—199.

35. Nakov A. Optimal and simple monetary policy rules with zero floor on the nominal interest rate // Banco de España Research Paper. 2005. No. WP-0637.

36. Phillips A. W. Stabilisation policy in a closed economy // *The Economic Journal*. 1954. Vol. 64. № 254. P. 290—323.

37. Reifschneider D., Williams J. C. Three lessons for monetary policy in a low-inflation era // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2000. P. 936—966.

38. Stock J. H., Watson M. W. Has the business cycle changed and why? // *NBER macroeconomics annual*. 2002. Vol. 17. P. 159—218.

39. Svensson L. E. O. The zero bound in an open economy: A foolproof way of escaping from a liquidity trap // *National Bureau of Economic Research*, 2000. № w7957.

40. Swanson E. T. Measuring the effects of Federal Reserve forward guidance and asset purchases on financial markets // *National Bureau of Economic Research*. 2017. № w23311.

41. Williams J. C. Monetary policy in a low inflation economy with learning // *Monetary Policy in an Environment of Low Inflation* : Proceedings of the Bank of Korea International Conference. 2006.

42. Williams J. C. Heeding Daedalus: Optimal inflation and the zero lower bound // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2009. Vol. 2009. № 2. P. 1—37.

43. Williams J. C. Monetary policy at the zero lower bound: Putting theory into practice // *Hutchins Center Working Papers*. 2014.

44. Woodford M. Forward guidance by inflation-targeting central banks // *Sveriges Riksbank Economic Review*. 2013. № 3. P. 81—120.

45. Woodford M., Xie Y. Policy Options at the Zero Lower Bound When Foresight is Limited // *AEA Papers and Proceedings*. 2019. Vol. 109. P. 433—437.

46. Yellen J. Comments on monetary policy

at the effective lower bound // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2018. P. 573—588.

References

1. Adam K., Billi, R.M. (2006) *Journal of Money, credit, and Banking*, no. 38 (7), pp. 1877—1905. [in Eng].

2. Armenter R. (2017) *The Review of Economic Studies*, no. 85 (1), pp. 50—86. [in Eng].

3. Auerbach A.J., Obstfeld M., (2005) *American Economic Review*, no. 95 (1), pp. 110—137. [in Eng].

4. Benhabib, J., Schmitt-Grohé, S. and Uribe, M. (2001) *The perils of Taylor rules. Journal of Economic Theory*, no. 96 (1-2), pp. 40—69. [in Eng].

5. Berg C., Jonung L. (1999) *Journal of Monetary Economics*, no. 43 (3), pp. 525—551. [in Eng].

6. Bernanke B.S. (2017) Temporary price-level targeting: An alternative framework for monetary policy // *Ben Bernanke's Blog*.

7. Blinder A.S. (2000) *Journal of Money, Credit and Banking*, no. 32 (4), pp. 1093—1099. [in Eng].

8. Blinder A.S. (2012). *Journal of Money, Credit and Banking*, no. 44, pp. 141—146. [in Eng].

9. Buitert W.H., Panigirtzoglou N. (2003) *The economic journal*, no. 113 (490), pp. 723—746. [in Eng].

10. Bullard J.B. (2019) *James Bullard Discusses Nominal GDP Targeting*, no. 338. [in Eng].

11. Bullard J., DiCecio R. (2019) *FRB St. Louis Working Paper*, no. 2019-9. [in Eng].

12. Caballero R.J., Farhi E., Gourinchas P.O. (2008) *American economic review*, no. 98 (1), pp. 358—393. [in Eng].

13. Clarida R., Gali J., Gertler M. (1999) *Journal of economic literature*, no. 37 (4), pp. 1661—1707. [in Eng].

14. Coibion O., Gorodnichenko Y., Wieland J. (2012) *Review of Economic Studies*, no. 79 (4), pp. 1371—1406. [in Eng].

15. Correia I., Farhi E., Nicolini J.P., Teles P. (2013) *American Economic Review*, no. 103 (4), pp. 1172—1211. [in Eng].

16. Dordal i Carreras M., Coibion O., Gorodnichenko Y., Wieland J. (2016) *Annual Review of Economics*, no. 8, pp. 497—520. [in Eng].

17. Eggertsson G.B. (2010) *FRB of New York Staff Report*, no. 433. [in Eng].

18. Eggertsson G.B., Krugman P. (2012) *The Quarterly Journal of Economics*, no. 127 (3), pp. 1469—1513. [in Eng].

19. Fuhrer J.C., Madigan B.F. (1997) *Review of Economics and Statistics*, no. 79 (4), pp. 573—585. [in Eng].

20. Hendrickson J.R. (2012) *Journal of Macroeconomics*, no. 34 (2), pp. 304—317. [in Eng].
21. Hills T.S., Nakata T., Schmidt S. (2019). *European Economic Review*, no. 120, p. 103321. [in Eng].
22. Honkapohja S., Mitra K. (2019) *Journal of Monetary Economics*. [in Eng].
23. Jung T., Teranishi Y., Watanabe T. (2005) *Journal of Money, credit, and Banking*, no. 37 (5), pp. 813—835. [in Eng].
24. Keynes J.M. (2018) *The general theory of employment, interest, and money*. Springer. [in Eng].
25. Krugman P.R., Dominquez K.M., Rogoff K. (1998) *Brookings Papers on Economic Activity*, no. 1998 (2), pp. 137—205. [in Eng].
26. Kuznetsova O., Merzlyakov S., Pekar-ski S. (2019) *Russian Journal of Economics*, no. 5 (2), pp. 117—135. [in Eng].
27. Mankiw N.G. (2009) *New York Times*, no. 18. [in Eng].
28. McCallum B.T. (2000) *Theoretical analysis regarding a zero lower bound on nominal interest rates*, no. w7677. National bureau of economic research. [in Eng].
29. McGough B., Rudebusch G.D., Williams, J.C. (2005) *Journal of Monetary Economics*, no. 52 (5), pp. 855—879. [in Eng].
30. Meade J. (1978) *The Economic Journal*, no. 88 (351), pp. 423—435. [in Eng].
31. Mele A., Molnár K., Santoro S. (2019) *Journal of Monetary Economics*. [in Eng].
32. Mertens T.M., Williams J.C. (2019) *Papers and Proceedings*, vol. 109, pp. 427—432. [in Eng].
33. Nakata T. (2017) *Model-Based Measures of ELB Risk*, no. 2017-08-23. Board of Governors of the Federal Reserve System (US). [in Eng].
34. Nakata T., Schmidt S. (2019) *Review of Economic Dynamics*, no. 31, pp. 182—199. [in Eng].
35. Phillips A.W. (1954) *The Economic Journal*, no. 64 (254), pp. 290—323. [in Eng].
36. Rasche R.H., Tatom J.A. (1977) *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, (Jun), pp. 10—24. [in Eng].
37. Reifschneider D., Williams J.C. (2000) *Journal of Money, Credit and Banking*, pp. 936—966. [in Eng].
38. Stock J.H., Watson M.W. (2002) *NBER macroeconomics annual*, no. 17, pp. 159—218. [in Eng].
39. Svensson L.E. (2000) *The zero bound in an open economy: a foolproof way of escaping from a liquidity trap*, no. w7957. National Bureau of Economic Research. [in Eng].
40. Swanson E.T. (2017) *Measuring the effects of Federal Reserve forward guidance and asset purchases on financial markets*, no. w23311. National Bureau of Economic Research. [in Eng].
41. Williams J.C. (2006) *Monetary policy in a low inflation economy with learning // SSRN 1004577*. [in Eng].
42. Williams J.C. (2009) *Brookings Papers on Economic Activity*, no. 2009 (2), pp. 1—37. [in Eng].
43. Williams J.C. (2014) *Hutchins Center Working Papers*. [in Eng].
44. Woodford M. (2013) *Forward guidance by inflation-targeting central banks*. [in Eng].
45. Woodford M., Xie Y. (2019) *AEA Papers and Proceedings*, vol. 109, pp. 433—437. [in Eng].
46. Yellen J. (2018) *Brookings Papers on Economic Activity*, pp. 573—x588. [in Eng].

For citing: Nesterova K.V.
Monetary policy special features
in the context of low interest rates //
Socium i vlast'. 2019. № 6 (80). P. 50—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-50-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-50-64

UDC 330.4

MONETARY POLICY SPECIAL FEATURES IN THE CONTEXT OF LOW INTEREST RATES

Kristina V. Nesterova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
the Department of Mathematical Modeling
of Economic Processes, Senior Researcher.
The Russian Federation, 117517,
Moscow, prospect Vernadskogo 82.
E-mail: nesterovakv@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The paper considers a wide range of monetary policy rules: integral stabilization, NGDP targeting, price level targeting, raising the inflation target, introducing negative nominal interest rates etc. The author also considers discretionary policy used by central banks when the nominal rate is close to zero, such as dramatic preventive cut of the key interest rate and interventions in the open markets with the aim of cutting long-term interest rates. The relevance of this problem is supported by global long-term macroeconomic and demographic factors, such as the dynamics of oil prices and the aging of the population. The aim of the paper is to identify the most effective monetary policy rules in order to reduce the risk of a nominal interest rate falling to zero.

Methods. Analysis of the background and the results of general equilibrium models modeling monetary policy is carried out. Analysis of the role of current global trends (based on statistics) in aggravating the problem of declining interest rates.

Scientific novelty of the research. The author systematizes the conclusions of modern macroeconomic theory, which offers a number of monetary rules making it possible to reduce the likelihood of falling into the zero bound of interest rate.

Results. The effectiveness of monetary rules such as targeting nominal GDP and price levels in preventing the nominal interest rate from falling to zero is shown, primarily due to more efficient public expectations management which is a weak point of discretionary intervention.

Conclusions. Under the current global factors for many developed countries and some oil-exporters, the downward trend in nominal rates persists. Combined with slowdown in economic growth, such threat may have negative consequences for the Russian economy. In this case, it seems reasonable to stick to the inflation target above 2% per year and in the future to consider switching to targeting the price level or nominal GDP.

Key concepts:
monetary policy,
zero lower bound,
inflation targeting,
price level targeting,
NGDP targeting.
JEL: E12, E31, E52, E58

Для цитирования: Артемова О. В., Савченко А.Н. Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 65—79. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79

УДК 332.1

НЕОДНОРОДНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артемова Ольга Васильевна,

Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, директор филиала, ведущий научный сотрудник доктор экономических наук, профессор. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 68 E-mail: na02@yandex.ru

Савченко Анастасия Николаевна,

Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, доцент. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 68 E-mail: artemovaan@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье уточняются и расширяются представления о свойствах неоднородности регионального социально-экономического и цифрового пространств. Неоднородность пространства связывается с неравномерностью развития регионов и приводит к их социально-экономической и цифровой дифференциации, которая, в свою очередь, определяет неравные условия для обеспечения качества жизни населения территорий. В контексте представленного исследования неоднородность регионального пространства определена как свойство неравномерного пространственного развития субъектов РФ по территориальному, отраслевому, временному признакам, которые определяют и воздействуют на уровень и качество жизни населения.

Качество жизни граждан на всей территории страны — безусловный приоритет экономического развития на федеральном и региональном уровнях.

Действительно, только тогда следует говорить о положительной оценке экономического роста, когда он не следует по траектории предшествующего неэффективного развития, а нацелен на достижение реального улучшения благосостояния людей [3; 4; 17].

Учитывая особую значимость социальных приоритетов и их реализации на всей территории страны, необходимы научные исследования, позволяющие изучать свойства экономического пространства, определять их воздействие на качество жизни населения.

Цель. Проанализировать влияние неоднородности регионального социально-экономического и цифрового пространств на качество жизни населения в субъектах РФ.

Методы. Для проведения исследования был использован статистический анализ на основе данных Росстата, МШУ Сколково, РИА Рейтинг; контентный анализ, методы компаративного анализа и позиционирования регионов.

Научная новизна исследования состоит в расширении представлений о неоднородности регионального пространства с позиций социально-экономического положения регионов и уровня их цифровизации, которые приводят к дифференциации субъектов РФ и неравным условиям жизнедеятельности людей, в разной степени воздействующих на качество жизни населения на всей территории страны.

В методологическом плане исследование дополнено инструментарием попарного сравнения характеристик регионального пространства и многовариантного позиционирования регионов в координатах: социально-экономическое пространство — качество жизни; цифровизация — качество жизни.

Результаты. Авторами проведено исследование по влиянию интегральных показателей социально-экономического положения регионов, уровня их цифровизации на качество жизни населения субъектов РФ. При этом сопоставление различных по природе интегральных показателей регионального пространства, используемых, как правило, автономно, было применено для многопризнаковых типологий (группы регионов I—IV и группы регионов A—D), посредством которых выявлена группа наиболее сильных регионов, где качество жизни сопряжено с лучшим социально-экономическим положением и активной цифровизацией этих регионов.

Выводы. Было установлено, что неравномерность экономического и цифрового развития территорий приводит к межрегиональной дифференциации качества жизни населения, в результате чего выделены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры, характеризующиеся неравными условиями для жизни граждан. Проведенная типология позволила выявить группы регионов, для которых необходимы селективные меры по повышению уровня и качества жизни населения. Для одних регионов в приоритете — использование своего экономического потенциала и новых цифровых технологий, для других — активное межрегиональное взаимодействие; третьи (наиболее слабые) не смогут обеспечить достойный уровень жизни без серьезной государственной поддержки.

Ключевые понятия:

качество жизни населения, неоднородность регионального пространства, неравномерность развития территорий, социальная сфера, социально-экономическое положение регионов, цифровизация.

Введение

Уровень развития, темпы роста региональной экономики в субъектах РФ существенно дифференцированы, а уровень и качество жизни населения страны на разных ее территориях неодинаковы. Причины таких различий изучаются и выявляются в процессе исследования таких феноменов, как неоднородность и неравномерность экономического пространства.

Неоднородность — одно из базовых свойств экономического пространства. Понятие ее неоднородности сложное, многомерное, многоуровневое [14]. Его содержательное наполнение зависит от объекта исследования (например, экономической системы, ее уровней, сфер хозяйствования), характеристик этого объекта, конкретно-исторического этапа развития и, наконец, от контекста исследования, его цели и задач.

Пространственная неоднородность региона как экономическая система мезоуровня обусловлена комплексом факторов и условий, которые существуют изначально или сложились исторически [13]. Региональная неоднородность характеризуется составом разных по количеству и качеству компонентов, различным образом структурированных и взаимодействующих между собой, что проявляется при межрегиональном сопоставлении в вариативности демографического, экономического, технологического, социального положения и развития регионов. Следует подчеркнуть, что размещение соответствующих компонентов и структур (производительных сил, отраслей, инфраструктуры, институтов и т. п.), их стадий и уровней развития, а также скорость протекания экономических, технологических, социальных процессов в разных точках экономического пространства могут существенно различаться.

Отметим, что наблюдается многолетний научный интерес к исследованию неоднородности экономического пространства [3; 4; 7; 8; 13; 14; 20]. Так, неоднородность экономического пространства регионов рассматривается как одно из главных свойств, отражающих их дифференциацию [13]. А неравномерность регионального развития в России изучается в контексте таких явлений, как «центр» и «периферия» [4; 8]. В результате таких исследований выявились разные направления и методологические подходы к изучению этих вопросов. В то же время еще не сложились единые основы целостной системы анализа неоднородности экономического пространства, в том числе регионального уровня.

В РФ как государстве с федеративным устройством территориальная структура экономического пространства определяется социально-экономическим положением регионов, степенью их межрегиональной дифференциации [6]. Очевидно, что социально-экономические условия развития регионов влияют на качество жизни населения (КЖН). Это положение разделяется практически всеми исследователями, как и то, что социально-экономическая дифференциация создает проблемы для достижения качественной жизни населения отдельных территорий [15]. Очевидно, что развитые в экономическом отношении территории имеют больше возможностей для повышения качества жизни и наоборот. Действительно, существует связь между уровнем экономического развития регионов и качеством жизни населения, но она не прямолинейна. Это необходимое, но не достаточное условие. Результаты некоторых исследований показывают, что высокие экономические показатели развития регионов не всегда являются однозначным показателем высокого качества жизни населения.

Поиск возможностей снижения территориальной разницы в КЖН приводит к необходимости активизации и эффективному использованию экономических факторов региона. Однако, как отмечено выше, только экономических факторов повышения качества жизни бывает недостаточно. Значительную, а порой решающую роль играет эффективная политика государства по обеспечению достойного уровня жизни граждан на всей территории страны. Кроме того, имеются возможности инклюзивного развития территорий за счет межрегионального и в целом интеграционного взаимодействия [14]. Потенциал такого взаимодействия недостаточно изучен, а на практике не всегда реализуется, что требует дальнейших исследований и поиска эффективных механизмов межрегионального сотрудничества.

Диспропорции в развитии регионов РФ приводят к социально-экономическому неравенству и не обеспечивают в равной степени качество жизни на всей территории РФ [18]. В этой связи авторы сосредоточили внимание на исследовании влияния социально-экономического положения регионов на КЖН.

Технологическая неоднородность также является свойством регионального пространства, которая отражается в многообразной картине технологической многоукладности российской и региональной экономики. Неравномерность диффузий

инноваций, разноскоростное и неравномерное территориальное распространение новых технологий усиливает возможности развития одних субъектов, снижает возможности других.

Следует отметить, что поиски драйверов экономического роста не теряют актуальности для страны и регионов. В разные периоды ими выступали традиционные факторы производства. Сегодня главные факторы развития связываются с технологическими инновациями, в частности с цифровизацией. Причем цифровизацию следует считать не только дополнительным ресурсом экономического роста, а как важнейший двигатель развития экономики, существенно влияющий на все факторы производства, хозяйственные и общественные процессы, результаты деятельности людей [16].

Более того, специалисты отмечают [2], что новые технологии могут обеспечить рывок в развитии тем территориям, которые не являются лидерами экономического развития, но имеют потенциал в использовании технологических инноваций. Действительно, технологическая трансформация экономики и общества не только порождает новые потребности, но и способствует появлению новых товаров и услуг, а также новых способов удовлетворения этих потребностей. Речь в данном случае идет о цифровых потребностях и запросах населения, которые формируются и развиваются быстрыми темпами, но крайне неравномерно по регионам России.

Основой технологической трансформации в социуме стала концепция «Общество 5.0», в рамках которой процессы цифровизации распространяются на социальную сферу. В научном сообществе эти вопросы актуальны и активно обсуждаются российскими учеными [5; 9; 10—12; 16]. Действительно, потребности людей и способы их удовлетворения меняются под воздействием цифровизации, расширяя возможности для повышения КЖН, в том числе в аспекте цифрового качества жизни населения [13; 19]. Следует отметить существующую дифференциацию регионов по уровню цифрового развития и, как следствие, цифровое неравенство населения в разных регионах страны. В этом контексте представляет интерес проанализировать влияние цифровизации на КЖН. Неоднородность цифрового регионального пространства, диффузия процессов цифровизации в социальной сфере регионов влияет на качество жизни населения (или отдельных категорий населения) по-разному. Это зависит от доступности и

возможности удовлетворения запросов на цифровые социальные услуги.

Таким образом, неоднородность регионального пространства, меняя со временем формы, глубину, сферы распространения, продолжает определять дифференциацию регионов и, в конечном итоге, неравенство в качестве жизни граждан на территории страны. В связи с этим поиск механизмов сближения условий жизнедеятельности людей в регионах актуален в научном плане и имеет большое практическое значение.

Вышеизложенное определило цель данного исследования: проанализировать влияние неоднородности регионального пространства на качество жизни населения в субъектах РФ.

При этом поставленная цель конкретизировалась в решении задач попарного анализа:

- а) влияния социально-экономического положения регионов на качество жизни населения субъектов РФ;
- б) влияния регионального цифрового пространства на качество жизни населения субъектов РФ.

Методы и материалы

Неоднородность регионального пространства и его влияние на КЖН рассматривается в контексте данного исследования с нескольких позиций:

- по территориальному признаку, а именно территориальной локализации субъектов РФ, что обусловило региональный аспект анализа социально-экономического положения субъектов РФ;
- по отраслевому признаку, что определило исследование в основном социальной сферы как основы для удовлетворения потребностей социального характера и улучшение благосостояния людей, проживающих в разных субъектах РФ;
- по конкретно-историческому принципу, что привело к необходимости рассматривать современный этап технологической трансформации, а именно цифровизацию.

В работе авторами использовались данные Росстата по социально-экономическому положению регионов России. Для определения различий регионов в уровне цифровизации использовались данные МШУ Сколково. Для анализа неравномерности социально-экономического положения регионов и дифференциации КЖН в субъек-

тах РФ использовались методические подходы и результаты оценок за 2017—2018 гг., проведенных рейтинговым агентством РИА Рейтинг (табл. 1).

Используя методические подходы, представленные в таблице, авторами проведено исследование по влиянию социально-экономического положения регионов, уровню их цифровизации на КЖН населения на территории субъектов РФ. При этом сопоставление различных по природе социально-экономических индикаторов регионального пространства было проведено с использованием интегральных показателей и многопризнаковых типологий.

Результаты

Влияние социально-экономического положения регионов на качество жизни населения субъектов РФ

В исследовании проведен анализ влияния социально-экономического положения регионов на КЖН всех субъектов РФ (табл. 2), который показал следующее.

Амплитуда изменений интегральных показателей по социально-экономическому положению всех регионов в 2018 г. составил 77,84 балла, при этом максимальный показатель 88,05 баллов (г. Москва), минимальный 10,21 баллов (Республика Тыва).

Таблица 1

Методические подходы к оценке положения регионов по социально-экономическому развитию, цифровизации и качеству жизни

Методические подходы	Социально-экономическое положение регионов (РИА Рейтинг)	Цифровизация регионов (МШУ Сколково)	КЖН регионов (РИА Рейтинг)
Методы	Комплексный анализ с использованием интегральных рейтинговых оценок	Количественные и экспертные методы с использованием индексов	Комплексный анализ с использованием интегральных рейтинговых оценок
Интегральный показатель	Интегральный рейтинговый балл регионов России по социально-экономическому положению регионов	Индекс «Цифровая Россия» в разрезе субъектов РФ	Интегральный рейтинговый балл регионов России по качеству жизни
Субиндексы, группы показателей	4 группы — 18 показателей: показатели масштаба экономики — 4; показатели эффективности экономики — 4; показатели бюджетной сферы — 4; показатели социальной сферы — 6	7 ключевых субиндексов: 1) нормативное регулирование и административные показатели; 2) кадры и учебные программы; 3) исследовательские компетенции и технологические заделы; 4) информационная инфраструктура; 5) информационная безопасность; 6) экономические показатели; 7) социальные эффекты.	Показатели рейтинга: 1) уровень доходов населения; 2) занятость населения и рынок труда; 3) жилищные условия населения; 4) безопасность проживания; 5) демографическая ситуация; 6) экологические и климатические условия; 7) здоровье населения и уровень образования; 8) обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; 9) уровень экономического развития; 10) уровень развития малого бизнеса; 11) освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры
Шкала	0—100 баллов	0—100 баллов	0—100 баллов

Таблица 2

Группировка регионов по социально-экономическому положению и качеству жизни населения, 2018 г. (матрица 1)

	Интегральный показатель качества жизни населения ниже среднего, баллы		Интегральный показатель качества жизни населения выше среднего, баллы	
	Группа III — 6 регионов	КЖН* СЭП**	Группа I — 18 регионов	КЖН* СЭП**
Интегральный показатель социально-экономического положения выше среднего, баллы	Лидер (по КЖН) — Пермский край	46,65	Лидер — Москва	77,37
	Лидер (по СЭП) — Республика Мордовия	46,28	Аутсайдер (по СЭП) — Новосибирская область	51,25
	Аутсайдер — Иркутская область	39,24	Аутсайдер (по КЖН) — Республика Башкортостан	50,20
	Средний балл по Группе III	42,95	Средний балл по Группе I	63,79
Интегральный показатель социально-экономического положения ниже среднего, баллы	Группа IV — 38 регионов		Группа II — 23 региона	
	Лидер (по КЖН) — Удмуртская республика	46,51	Лидер (по КЖН) — Калининградская область	58,94
	Лидер (по СЭП) — Приморский край	45,20	Лидер (по СЭП) — Самарская область	54,21
	Аутсайдер — Республика Тыва	16,20	Аутсайдер (по СЭП) — Магаданская область	47,47
Средний балл по Группе IV	31,35	Средний балл по Группе II	46,92	
Средний балл по Рф по СЭП — 49,13			Средний балл по Рф по КЖН — 46,78	

* КЖН — интегральный показатель качества жизни населения;

** СЭП — интегральный показатель социально-экономического положения региона.

Составлено авторами по: Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2018 года // РИА Рейтинг. 2019. URL: <https://ria.ru/20190603/155511859.html> (дата обращения: 13.03.2020); Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 // РИА Рейтинг. 2018. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 13.03.2020).

Среднее значение интегрального показателя по РФ — 49,13. Регион-лидер — г. Москва — по уровню социально-экономического развития превосходит среднее значение по РФ в 1,8 раза, а регион-аутсайдер — Тыва — по уровню социально-экономического развития в 4,8 раза ниже среднего значения по РФ. Это свидетельствует не просто о значительной дифференциации, а о поляризации экономического пространства страны.

Разброс показателей по КЖН всех регионов в 2018 г. составил 61,18 баллов, при этом максимальный показатель 77,37 баллов (Москва), минимальный — 19,20 баллов (Республика Тыва). Среднее значение интегрального показателя в РФ составило 46,78. Г. Москва (лидер по КЖН) превосходит среднее значение по РФ в 1,7 раза, а уровень КЖН республики Тыва (аутсайдер) в 2,9 раза ниже среднего значения по РФ, что отражает значительную дифференциацию регионов по КЖН, закрепляя лидерство столичных регионов и консервируя положение аутсайдеров — периферийных регионов.

На основе данных РИА Рейтинг за 2018 г. все регионы РФ были сгруппированы по сопоставимости, исходя из двух критериев: социально-экономическому положению и КЖН, при этом распределение по группам осуществлялось по отношению к среднему по РФ значению соответствующих показателей. В результате были сформированы 4 группы регионов: Группа I имеет интегральные показатели по двум критериям выше средних значений всей совокупности регионов; в Группу II попали регионы, у которых интегральные показатели по социально-экономическому положению ниже среднего, а по КЖН — выше; Группа III характеризует регионы, у которых интегральные показатели по социально-экономическому положению выше среднего, а по КЖН — ниже, Группа IV представлена регионами, имеющими интегральные показатели по двум критериям ниже средних значений. В дальнейшем исследовании для идентификации регионов авторы назвали такую группировку первым классификационным признаком. Группировка регионов представлена в матрице 1 (табл. 2).

Такое распределение позволило более детально исследовать группы регионов, имея в виду вариативность влияния социально-экономических условий на КЖН.

Группа I — наиболее благополучные регионы, где социально-экономические условия обеспечивают уровень жизни выше среднего по стране.

Группы II и III характеризуются разнонаправленностью индикаторов социально-

экономического положения регионов и КЖН территорий, что свидетельствует о неоднозначно влияющих факторах на экономику и социум региона, в частности о недостаточно эффективном использовании регионального потенциала для улучшения благосостояния людей (Группа III); или, напротив, о результативности принимаемых мер (прежде всего государственных: федеральных и региональных) для достижения благополучия людей, поиске дополнительных резервов повышения КЖН (Группа II).

Группа IV — наименее благополучные регионы. Это означает более низкие экономические и социальные показатели относительно средних по РФ: по ВРП, бюджетной обеспеченности, доходам населения, уровню безработицы и др. Показатели КЖН, такие как жилищные условия, образовательные и медицинские услуги, безопасность и др., также гораздо ниже среднероссийских. Среднее значение интегрального показателя по социально-экономическому положению и КЖН этой группы относительно Группы I более, чем в 2 раза ниже, что свидетельствует о крайне низком развитии регионов Группы IV. Разрыв интегральных показателей между лидерами и аутсайдерами этой группы значительный, он составляет по социально-экономическому положению — 37,2 балла, по КЖН — 30,3 балла.

Для более детального исследования проанализируем регионы, входящие в Группу I. Это 18 наиболее благополучных регионов по двум выбранным критериям. Их интегральные показатели по социально-экономическому положению и КЖН за 2017 г. и 2018 г. представлены в табл. 3.

Из данных таблицы следует, что наибольший интегральный показатель по социально-экономическому положению регионов и КЖН данной группы достигнут в 2017 и 2018 гг. в Москве — лидере группы, наименьший в 2017 и 2018 гг. в Башкортостане — аутсайдере Группы I.

Прирост рейтинговых баллов с 2017 г. по 2018 г. составил в Москве по социально-экономическому положению — 9,56 баллов, по КЖН — 0,45 баллов; в Башкортостане соответственно по социально-экономическому положению прирост на 5,05 баллов, по КЖН — падение на 0,33 балла. Такая динамика усиливает диспропорции между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами.

Анализ данных выявил разрыв (разницу между максимальным и минимальным значением) интегральных показателей регионов. По социально-экономическому положению разрыв составил в 2017 г. 20,78 баллов,

Таблица 3

**Интегральные показатели социально-экономического положения
и качества жизни населения регионов Группы I в 2017—2018 гг.**

№ п/п	Регион	Код региона	Интегральный показатель социально-экономического положения регионов, баллы			Интегральный показатель качества жизни, баллы		
			2017	2018	↑ / ↓*	2017	2018	↑ / ↓*
1	Москва	77	78,49	88,05	↑	76,92	77,37	↑
2	Санкт-Петербург	78	71,20	86,14	↑	75,88	75,69	↓
3	Московская область	50	65,86	75,92	↑	70,55	72,45	↑
4	Республика Татарстан	16	67,53	75,07	↑	65,69	66,15	↑
5	Белгородская область	31	55,63	55,60	↓	64,0	64,43	↑
6	Краснодарский край	23	58,33	64,07	↑	62,89	63,97	↑
7	Воронежская область	36	55,03	53,88	↓	61,21	60,76	↓
8	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	86	67,68	78,40	↑	58,46	60,11	↑
9	Липецкая область	48	53,83	51,09	↓	59,50	59,25	↓
10	Ленинградская область	47	58,49	63,47	↑	56,61	58,15	↑
11	Ямало-Ненецкий автономный округ	89	66,62	69,39	↑	53,30	57,97	↑
12	Свердловская область	66	58,91	67,91	↑	56,80	56,67	↓
13	Тюменская область	72	59,68	64,93	↑	55,81	56,30	↑
14	Нижегородская область	52	53,91	58,72	↑	55,50	55,08	↓
15	Ростовская область	61	52,55	59,24	↑	52,91	54,12	↑
16	Челябинская область	74	51,46	57,26	↑	52,90	52,44	↓
17	Новосибирская область	54	48,67	49,59	↑	49,11	51,25	↑
18	Республика Башкортостан	02	57,65	62,70	↑	50,53	50,20	↓
	Минимум		57,65	51,09		50,53	50,20	
	Максимум		78,43	88,05		76,92	77,37	
	Среднее		68,07	69,57		63,73	63,79	

*↑ — рост интегрального показателя 2018 г. относительно 2017 г.

↓ — снижение интегрального показателя 2018 г. относительно 2017 г.

Составлено авторами по: Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2018 года // РИА Рейтинг. 2019. URL: <https://ria.ru/20190603/1555111859.html> (дата обращения: 13.03.2020); Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 // РИА Рейтинг. 2018. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 13.03.2020).

в 2018 г. — 36,96 баллов, что свидетельствует об усилении дифференциации регионов этой группы. По КЖН разрыв составил в 2017 г. 26,39 баллов, в 2018 г. — 27,17 баллов, что отражает нарастание диспропорций регионов в этой группе.

Анализ данных в динамике показал изменения, произошедшие за два года:

- по социально-экономическому положению средний показатель в 2018 г. повысился с 68,07 до 69,57, прирост составил 1,5 балла, что отражает незначительные позитивные сдвиги;
- по КЖН средний показатель в 2018 г. повысился с 63,73 до 63,79, прирост составил 0,06 балла, это свидетельствует о достаточной слабой тенденции к увеличению.

В разрезе отдельных регионов получены следующие результаты.

С 2017 г. по 2018 г. имел место прирост интегральных показателей по социально-экономическому положению этой группы в 15 регионах, наибольший прирост в Санкт-Петербурге — 14,94 баллов; снижение произошло в 3 регионах, наибольшее снижение — в Липецкой области — 2,74. По КЖН прирост наблюдался в 11 регионах, наибольший в ЯНАО — 4,67 балла; снижение — в 7 регионах, наибольшее в Челябинской области — 0,46 балла. Разнонаправленность изменения интегральных показателей по выбранным критериям имеет место в 6 регионах.

Графическая интерпретация позиционирования регионов по социально-эконо-

мическому положению и КЖН представлена на рис. 1.

На рисунке регионы Группы I позиционированы в координатах: социально-экономическое положение — КЖН, кроме того отмечено среднее значение интегральных показателей применительно к Группе I. Графическая интерпретация позиционирования показывает значительный разброс регионов. Явными лидерами являются Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Эти регионы обладают значительными ресурсами (финансовыми, инвестиционными, инфраструктурными, управленческими и др.) и новейшими технологиями. Для них подтверждается гипотеза о том, что чем выше уровень экономического развития, тем выше КЖН. В то же время большая часть регионов сосредоточена в квадранте со значениями обоих показателей ниже среднего по группе; при этом явными аутсайдерами являются Челябинская, Ростовская и Нижегородская области. Для них также подтверждается гипотеза о прямой зависимости между уровнем экономического развития и КЖН. Но в данном случае это свидетельствует о более низком уровне как развития региона, так и жизни населения. В таких регионах экономический потенциал и цели развития экономики должны быть сосредоточены на повышении качества жизни.

Влияние регионального цифрового пространства на качество жизни населения субъектов РФ

На основе данных РИА Рейтинг по КЖН и информации МШУ Сколково по индексу цифровизации за 2018 г. все регионы РФ были сгруппированы по сопоставимости, исходя из двух критериев: индекса цифровизации и КЖН (второй классификационный признак). При этом распределение по группам осуществлялось по отношению к среднему значению соответствующих показателей по РФ. В результате были сформированы 4 группы регионов: Группа А имеет интегральные показатели по двум критериям выше средних значений всей совокупности регионов; в Группу В попали регионы, у которых показатель КЖН выше среднего, а индекс цифровизации — ниже; Группа С характеризует регионы, у которых показатель КЖН ниже среднего, а индекс цифровизации — выше; Группа D представлена регионами, имеющими показатели по двум критериям ниже среднего значения. Группировка регионов представлена в матрице 2 (табл. 4).

Группировка регионов по двум признакам (группы I—IV и группы А—D) осуществлялась по одному и тому же принципу: они формировались относительно средних значений соответствующих индикаторов

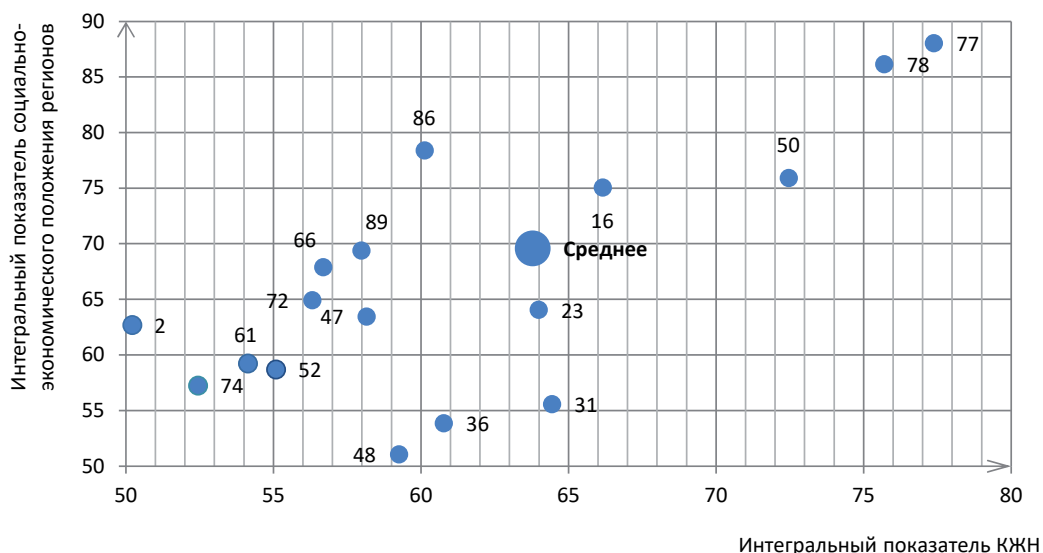

Рис. 1. Позиционирование регионов Группы 1 по критериям: социально-экономическое положение и КЖН, 2018 г.

Таблица 4

Группировка регионов по цифровизации и качеству жизни населения, 2018 г. (матрица 2)

	Интегральный показатель качества жизни населения ниже среднего, баллы		Интегральный показатель качества жизни населения выше среднего, баллы			
	Группа С — 14 регионов	КЖН* Ц**	Группа А — 30 регионов	КЖН* Ц**		
Индекс цифровизации выше среднего, баллы	Лидер — Пермский край	46,65	71,53	Лидер — Москва	77,37	77,03
	Аутсайдер (по Ц) — Чувашская республика	45,93	58,97	Аутсайдер (по Ц) — Хабаровский край	48,78	59,67
	Аутсайдер (по КЖН) — Архангельская область	35,68	59,26	Аутсайдер (по КЖН) — Волгоградская область	47,31	61,64
	Средний балл по Группе С	41,16	65,25	Средний балл по Группе А	62,34	68,35
Индекс цифровизации ниже среднего, баллы	Группа D — 30 регионов		Группа B — 11 регионов			
	Лидер — Республика Мордовия	46,28	57,50	Лидер (по КЖН) — Севастополь	53,53	45,84
	Аутсайдер — Республика Тыва	16,20	39,74	Лидер (по Ц) — Рязанская область	49,90	57,75
	Средний балл по Группе D	31,24	48,62	Аутсайдер (по Ц) — Республика Адыгея	47,97	42,78
		Средний балл по Группе B		46,92	46,30	
		Средний балл по РФ по цифровизации — 58,39		50,23	50,27	
		Средний балл по РФ по КЖН — 46,78				

* КЖН — интегральный показатель качества жизни населения.

** Ц — индекс цифровизации.

Составлено авторами по: Индекс «Цифровая Россия» // Центр финансовой инноваций и безличной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО. 2018. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_FinChair_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 13.03.2020); Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2018 // РИА Рейтинг. 2018. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 13.03.2020).

по РФ, в первом случае сопоставлялись социально-экономические показатели и КЖН, во втором — индекс цифровизации регионов и КЖН.

Группа А — наиболее благополучные регионы, где уровень цифровизации и качество жизни выше среднего по стране.

Группы В и С характеризуются разнонаправленностью индекса цифровизации и КЖН территорий, что свидетельствует о неоднозначном влиянии цифровизации на КЖН региона, в частности о недостаточно эффективном использовании цифрового потенциала для удовлетворения цифровых потребностей людей (Группа В); или, напротив, об эффективности цифровизации для достижения благополучия людей посредством электронных услуг населению (Группа С).

Группа D — наименее благополучные регионы. Это означает более низкие индексы цифровизации и КЖН относительно среднероссийских.

В каждой группе регионов определены средние значения интегральных показателей и выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры (табл. 4).

Для более глубокого исследования неоднородности регионального пространства были проанализированы регионы, попавшие в Группу А (табл. 5). Аналогичный анализ можно провести и по другим группам регионов.

Анализ данных 2018 г. выявил разрыв (разницу между максимальным и минимальным значением) интегральных показателей регионов по критериям:

- КЖН он составил 30,06 баллов;
- цифровизации он составил в 17,36 баллов.

Среднее значение по КЖН составило 62,34 баллов; по уровню цифровизации — 68,35 баллов.

Графическая интерпретация позиционирования регионов по индексу цифровизации и КЖН представлена на рис. 2. На рисунке регионы Группы А позиционированы в координатах: индекс цифровизации — КЖН. Кроме того, отмечены средние значения интегральных показателей применительно к Группе А, относительно которых следует анализировать положение регионов. Графическая интерпретация позиционирования регионов показывает, что наиболее благоприятная ситуация наблюдается в квадранте со значениями показателей выше средних по Группе А, а явными лидерами являются Москва, Санкт-Петербург и Московская область. Как и в предыдущем анализе регионов (Группы I—IV)

лидируют одни и те же регионы. Это объясняется значительным технологическим потенциалом и большими возможностями использования цифровых технологий для достижения более высокого уровня жизни населения столичных регионов.

Большая часть регионов сосредоточена в квадранте со следующими значениями: индекс цифровизации выше среднего, а КЖН ниже среднего — 17 регионов. Такая ситуация может складываться в связи с недостаточно масштабным использованием цифровых технологий населением в силу территориальных, инфраструктурных и других ограничений, отсутствия цифровых компетенций у отдельных категорий граждан.

Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в 7 регионах Группы А (оба показателя ниже среднего по Группе А); явными аутсайдерами являются Хабаровский край, Волгоградская и Владимирская область.

Интерес представляет сопоставимость индикаторов регионов в Группе I (18 наиболее благополучных регионов по социально-экономическому положению и КЖН) и Группе А (30 наиболее благополучных регионов по уровню цифровизации и КЖН). Пересечение двух матриц (табл. 2 и табл. 4) позволило сопоставить регионы по 3 критериям: социально-экономическому положению, уровню цифровизации и КЖН (табл. 5).

В результате оказалось, что из 30 регионов Группы А только 18 регионов одновременно попадают и в Группу I. Эти российские регионы в табл. 5 обозначены IA. Таким образом были выявлены сильнейшие регионы на основе комплексного анализа интегральных показателей и их попарного сравнения: социально-экономическое положение — КЖН; цифровизация — КЖН. Такие регионы обладают не только значительным экономическим и технологическим потенциалом, но и реализуют его в целях повышения уровня и качества жизни населения.

12 регионов Группы А имеют индикаторы социально-экономического положения ниже средних (попадают по первому признаку классификации в Группу II), а два других показателя — по цифровизации и качеству жизни населения — выше среднего.

Данные табл. 5 позволяют анализировать характеристики регионального пространства в сопоставлении с качеством жизни населения для всех регионов Группы А. Аналогичный анализ может быть проведен по любой группе регионов.

Таблица 5

**Интегральный показатель социально-экономического положения регионов,
качества жизни и индекс цифровизации регионов Группы А, 2018 г.**

№ п/п	Регион	Код региона	СЭП*	Ц**	КЖН***	Матрица 1	Матрица 2
1	Москва	77	88,05	77,03	77,37	I	A
2	Санкт-Петербург	78	86,14	76,44	75,69	I	A
3	Московская область	50	75,92	76,25	72,45	I	A
4	Республика Татарстан	16	75,07	76,48	66,15	I	A
5	Белгородская область	31	55,60	73,09	64,43	I	A
6	Краснодарский край	23	64,07	65,97	63,97	I	A
7	Воронежская область	36	53,88	70,93	60,76	I	A
8	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	86	78,40	75,81	60,11	I	A
9	Липецкая область	48	51,09	72,37	59,25	I	A
10	Калининградская область	39	43,28	69,56	58,94	II	A
11	Ленинградская область	47	63,47	73,15	58,15	I	A
12	Ямало-Ненецкий автономный округ	89	69,39	74,48	57,97	I	A
13	Свердловская область	66	67,91	65,66	56,67	I	A
14	Тюменская область	72	64,93	76,19	56,30	I	A
15	Курская область	45	43,14	68,70	55,39	II	A
16	Нижегородская область	52	58,72	64,27	55,08	I	A
17	Тульская область	71	46,92	72,66	54,77	II	A
18	Самарская область	63	61,08	71,44	54,21	II	A
19	Ростовская область	61	59,24	70,96	54,12	I	A
20	Калужская область	40	47,09	71,76	53,04	II	A
21	Челябинская область	74	57,26	72,98	52,44	I	A
22	Новосибирская область	54	49,59	73,1	51,25	I	A
23	Республика Башкортостан	02	62,70	74,43	50,20	I	A
24	Ярославская область	76	42,47	68,02	49,60	II	A
25	Ульяновская область	73	37,40	65,40	48,78	II	A
26	Хабаровский край	27	39,97	59,67	48,78	II	A
27	Оренбургская область	56	48,81	66,83	47,76	II	A
28	Владимирская область	33	41,19	62,03	47,57	II	A
29	Мурманская область	51	38,91	68,84	47,31	II	A
30	Волгоградская область	34	47,18	61,64	47,31	II	A
	Минимум			59,67	47,31		
	Максимум			77,03	77,37		
	Среднее			68,35	62,34		

* СЭП — интегральный показатель социально-экономического положения региона.

** Ц — индекс цифровизации.

*** КЖН — интегральный показатель качества жизни населения.

Составлено авторами по: Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2018 года // РИА Рейтинг. 2019. URL: <https://ria.ru/20190603/1555111859.html> (дата обращения: 13.03.2020); Индекс «Цифровая Россия» // Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО. 2018. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 13.03.2020); Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2018 // РИА Рейтинг. 2018. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 13.03.2020).

Заключение

Исследование показало, что на основе мониторинга интегральных показателей отдельных свойств неоднородности регионального пространства, регулярно проводи-

мого в РФ МШУ Сколково, агентством РИА Рейтинг и др., целесообразно проводить комплексный анализ территорий по совокупности интегральных показателей, что и было сделано авторами. Результатом такого анализа стало выявление неоднородности

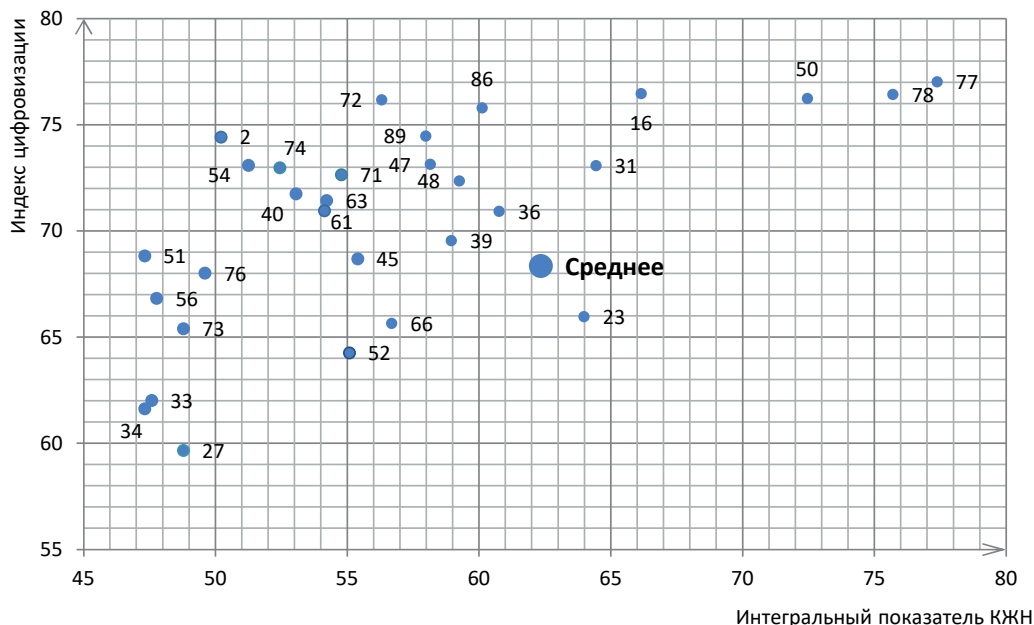

Рис. 2. Позиционирование регионов Группы А по критериям: индекс цифровизации и КЖН, 2018 г.

регионального пространства по социально-экономическому положению, уровню цифровизации и КЖН. При этом сделан вывод о том, что наиболее остро эта проблема проявляется в сопоставлении крупнейших по территории, численности населения, экономическому потенциалу регионов и периферийных регионов, не обладающих такими характеристиками. Было показано, что состав регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров практически не меняется, а разрыв уровня социально-экономического развития между ними увеличивается.

Кроме того, анализ показал, что имеет место цифровая неоднородность регионального пространства, что обуславливает цифровое неравенство и разную доступность цифровых услуг, а следовательно, разную удовлетворенность цифровых потребностей населения в регионах.

В итоге авторы констатируют, что накопленные диспропорции в экономическом развитии регионов, дисбаланс в распределении ресурсов между ними, расслоение экономического пространства ведут к дифференциации, а порой, и к поляризации регионов по уровню и качеству жизни граждан.

По мнению авторов, выравнивание ситуации, снижение межрегиональных различий можно достичь за счет комплексного, сбалансированного подхода, при котором эффект достигается за счет вовлечения

экономических факторов (эффективного использования экономического потенциала региона); применения новых цифровых технологий; активного межрегионального взаимодействия (совместное использование ресурсного потенциала территорий); адресной государственной социальной политики, особенно в отношении проблемных регионов, требующих значительной государственной поддержки.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2020 г.

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

2. Бартов О. Б., Третьякова Е. А. Теоретические аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий на социально-экономическое развитие регионов // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 705—715.

3. Булочников П. А., Смирнов К. Б. Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской

Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4.

4. Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55—68.

5. Валько Д. В. Цифровизация регионального социо-эколого-экономического пространства России // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 402—413.

6. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 58—75.

7. Данилова И. В., Резепин А. В. Неоднородность экономического пространства РФ как фактор отличий в восприимчивости регионов к стабилизационной политике центра // Вопросы экономики и права. 2010. № 12.

8. Казанцева Е. Г. Проблемы регионального неравенства в России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 2 (58).

9. Клейнер Г. Б. Системные основы цифровой экономики // Философия хозяйства. 2018. № 1 (115). С. 131—143.

10. Коровин Г. Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 1—11.

11. Литвинцева Г. П., Петров С. П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 414—427.

12. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. 2019. №17 (3). С. 107—127.

13. Миргородская Е. О., Сухинин С. А. Неоднородность регионального экономического пространства: концептуальные подходы и методика идентификации // Вестник ВолГУ. Серия 3: «Экономика. Экология». 2017. Т. 19. № 3.

14. Митяева Н. В. Теория развития неоднородных экономических систем : дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2006. 425 с.

15. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318—330.

16. Попов Е. В., Семячков К. А., Файрузова Д. Ю. Социотехнические драйверы разви-

тия цифровой экономики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. № 1. С. 8—26.

17. Растворцева С. Н., Фаузер В. В., Задорожный В. Н. и др. Социально-экономическая эффективность регионального развития. М. : Экон-Информ, 2011.

18. Римашевская Н. М., Мигранова Л. А. Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. 2016. № 3. С. 17—33.

19. Семячков К. А. Трансформация экономических отношений в условиях развития цифровых платформ // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 593—597.

20. Федоляк В. С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnye-disproportsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-skvoz-prizmu-bazovyh-teoriy-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 07.11.2019).

References

1. Auzan A.A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no.1, pp. 3—17 [in Rus].

2. Bartov O.B., Tret'yakova E.A. (2019) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no. 4, pp. 705—715 [in Rus].

3. Bulochnikov P.A., Smirnov K.B. (2019) *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 4 [in Rus].

4. Bufetova A.N. (2009) *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4, pp. 55—68 [in Rus].

5. Val'ko D.V. (2019) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no 3, pp. 402—413 [in Rus].

6. Gubanova E.S., Kleshch V.S. (2017) *Ekonomicheskie i social'nye peremeny. Fakty, tendencii, prognoz*, vol. 10, no. 1, pp. 58—75 [in Rus].

7. Danilova I.V., Rezepin A.V. (2010) *Voprosy ekonomiki i prava*, no. 12 [in Rus].

8. Kazanceva E.G. (2019) *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 2 (58) [in Rus].

9. Klejner G.B. (2018) *Filosofiya hozyajstva*, no. 1 (115), pp. 131—143 [in Rus].

10. Korovin G.B. (2019) *ZHurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no.1, pp. 1—11 [in Rus].

11. Litvinceva G.P., Petrov S.P. (2019) *ZHurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no. 3, pp. 414—427 [in Rus].

12. Litvinceva G.P., Shmakov A.V., Stukalenko E.A., Petrov S.P. (2019) *Terra Economicus*, no. 17 (3), pp. 107—127 [in Rus].

13. Mirgorodskaya E.O., Suhinin S.A. (2017) *Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*, vol. 19, no. 3 [in Rus].

14. Mityaeva N.V. *Teoriya razvitiya neodnorodnyh ekonomicheskikh sistem*. Saratov, 2006, 425 p. [in Rus].

15. Okrepilov V.V., Gagulina N.L. (2019) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no. 3, pp. 318—330 [in Rus].

16. Popov E.V., Semyachkov K.A., Fajruzova D.Yu. (2019) *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 8—26 [in Rus].

17. Rastvorceva S.N., Fauzer V.V., Zadorozhnyj V.N. *Social'no-ekonomicheskaya*

effektivnost' regional'nogo razvitiya. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2011 [in Rus].

18. Rimashevskaya N.M., Migranova L.A. (2016) *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 17—33 [in Rus].

19. Semyachkov K.A. (2019) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 16, no. 3, pp. 593—597 [in Rus].

20. Fedolyak V.S. (2019) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 19, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnye-disproportsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-skvoz-prizmu-bazovyh-teoriy-regionalnoy-ekonomiki> [in Rus].

For citing: Artemova O.V., Savchenko A.N.
Inhomogeneity of the regional space
and its impact on the population life quality
in the constituent entities
of the Russian Federation //
Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 65—79.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79

UDC 332.1

INHOMOGENEITY OF THE REGIONAL SPACE AND ITS IMPACT ON THE POPULATION LIFE QUALITY IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga V. Artemova,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Branch Director, Leading Researcher,
Doctor of Economics, Professor.
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ul. Commun, 68
E-mail: na02@yandex.ru

Anastasia N. Savchenko,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ul. Commun, 68
E-mail: artemovaan@yandex.ru

Abstract

Introduction. The authors clarify and expand the concepts of heterogeneity properties of regional socio-economic and digital spaces. Heterogeneity of space is associated with the regional uneven development and results in their socio-economic and digital differentiation, which, in turn, determines unequal conditions for ensuring the population's life quality. In the context of the study, heterogeneity of the regional space is defined as a property of uneven spatial development of the Russian Federation's constituent entities according to the territorial, sectoral, and temporary characteristics that determine and affect the level and quality of life of the population.

The citizens' life quality throughout the country is an absolute priority of economic development at the federal and regional levels. Indeed, only then should we speak of a positive assessment of economic growth when it does not follow the path of the previous inefficient development, but is aimed at achieving a real improvement in people's well-being [3; 4; 17].

Taking into consideration the particular importance of social priorities and their implementation throughout the country, the authors think it necessary to study the properties of the economic space, to determine their impact on the population's life quality.

The aim of the study is to analyze the effect of heterogeneity of the regional socio-economic and digital spaces on the population's life quality in the Russian Federation's constituent entities.

Methods. To conduct the study, the authors make use of statistical analysis based on the data of the Russian Statistics Agency, Moscow School of Management Skolkovo, Russian Information Agency Rating; content analysis, methods of comparative analysis and positioning of regions.

The scientific novelty of the study consists in expanding ideas about heterogeneity of the regional space from the standpoint of the regional socio-economic situation and the level of their digitalization, which result in differentiating the Russian Federation's subjects and unequal conditions for the people's life, to a different extent affecting the population's life quality throughout the country. In methodological terms, the study is supplemented by a pairwise comparison of the regional space characteristics and the multivariate positioning of regions in the coordinates: socio-economic space - quality of life; digitalization is a quality of life.

Results. The authors study the impact of integrated indicators of the socio-economic situation of the regions, their digitalization level on the population's life quality in the Russian Federation's constituent entities. At the same time, the authors apply a comparison of various integral nature of the regional space indicators used, as a rule, autonomously, for multi-characteristic typologies (groups of regions I—IV and groups of regions A—D), by means of which a group of the most powerful regions was identified where the life quality is associated with the best socio-economic situation and active digitalization of these regions.

Conclusions. It was found that uneven economic and digital territory development leads to inter-regional differentiation of the population's life quality, as a result of which the leading regions and the outsider regions are distinguished, characterized by unequal conditions for the citizens' life. The typology made it possible to identify groups of regions for which selective measures are needed to increase the level and quality of the population's life. For some regions, the priority is to use their economic potential and new digital technologies, for others, active interregional interaction; the third (the weakest) cannot provide a decent standard of living without profound government support.

Key concepts:

the population's quality of life,
heterogeneity of the regional space,
uneven development of territories,
social sphere,
socio-economic situation of the regions,
digitalization.

Для цитирования: Скиперских А. В. Интеллектуалы и политический дискурс сопротивления (зарисовки русской культуры) // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 80—89. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-80-89.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-80-89

УДК 321.011

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОПРОТИВЛЕНИЯ (ЗАРИСОВКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Скиперских Александр Владимирович,

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина,
профессор кафедры философии
и социальных наук,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 399770,
г. Елец, ул. Коммунаров, д.28.
E-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор показывает, как в политическом процессе происходит взаимодействие между властью и сопротивлением. Акторы, представляющие сопротивление, постоянно производят политические тексты, свидетельствующие об их альтернативной позиции. Существование субъекта сопротивления в критическом состоянии в отношении действующих институтов власти исторически предопределено, что доказывает активную рефлексию на это со счёт со стороны видных теоретиков политической мысли.

Свободный диалог власти и сопротивления едва ли возможен в каждой отдельно взятой политической системе. В случае тоталитарных и авторитарных режимов данный диалог может быть затруднён. Последствия свободного волеизъявления для субъекта сопротивления могут быть довольно жёсткими.

Автор пытается проанализировать политический дискурс сопротивления на примере советской культуры. Автора интересуют метафоры сопротивления и их политический контекст, представляющийся неизбежным условием и рамкой, ограничивающей творчество того или иного интеллектуала.

В статье будут разобраны некоторые тексты представителей советской культуры, использующих метафоры сопротивления и имевших репутацию возмутителей спокойствия. Подобная позиция интеллектуала порождает санкции репрессивной машины и предопределяет вполне конкретные формы презентации текстов сопротивления и использующихся фигур умолчания. Для убедительности собственной аргументации автор постоянно обращается к наследию представителей неофициальной культуры в СССР.

Ключевые понятия:

интеллектуалы,
политический дискурс,
сопротивление,
неофициальная культура,
СССР.

Власть существует неразрывно с сопротивлением, выступающим её диалектической оппозицией. Сопротивление — навязчивая тень власти, её страшный сон. Сопротивление исторически присутствует в политическом процессе во всех культурных традициях, вне зависимости от политического времени. В этом заключается сущность сопротивления, равно, как и «необъяснимость бунтующего человека» в попытках противостояния политической машине, отмечаемая у французского политического философа Мишеля Фуко [21, с. 16].

Мотивы радикального экзистенциального жеста человека, определённого ещё одним французским философом Альбером Камю, как человека «говорящего нет», могут быть различными [15, с. 124].

Человек сопротивления представляется оснащённым не только риторически, будучи готовый предьявлять рациональные контраргументы мистическим лжепророчествам лояльных интеллектуалов (вспомним врагов «открытого общества» у Карла Поппера). Он оснащён и материально, что позволяет ему драматизировать практики сопротивления, вырастающего, следуя мысли Тэдда Гарра, из «относительной депривации — расхождения между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» [7, с. 51].

Практики сопротивления относятся и к различинцу, и к интеллектуалу, на котором, как на художнике, изначально лежит ответственность перед обществом, вне зависимости от его симпатий к тому или иному политическому лагерю, что отмечал британский философ Исайя Берлин [4, с. 31—85].

Французский историк Жак ле Гофф определит интеллектуала, как того, «чьим ремеслом станут писательство и преподавание», и кто осуществляет «профессиональную деятельность преподавателя и учёного» [11, с. 8].

В рамках данного текста нам будет близко определение, данное российским политологом Александрой Глуховой. Интеллектуал — «эразмизит», стойко и ревностно защищающий свои ценности и производимые смыслы в условиях несвободы, тот, кто «противостоит искушениям несвободы» [8, с. 6].

Это подходит и для характеристики знаковых фигур русской культуры, к текстам которых нам придётся обратиться в данной статье. В ней мы рассмотрим, какие метафоры сопротивления могут использоваться ими для продвижения собственных текстов в политическом дискурсе. Причастность к политическому дискурсу ярких представите-

лей, как русской, так и советской культуры, очевидна. С помощью дискурс-анализа мы попробуем установить в текстологическом наследии того или иного интеллектуала упоминания о сопротивлении, чтобы определить приёмы их описания, или умолчания. На наш взгляд, здесь, в принципе, даже не имеет большого значения положение конкретного субъекта сопротивления и его координация относительно политического спектра. В представленных ниже примерах можно будет увидеть и вполне лояльные системе тексты. Вместе с тем, как справедливо отмечает французский политический философ Андре Глюксман, есть «множество огней, тлеющих под хрупким гражданским спокойствием» [10, с. 42]. Равно с этим, мы обратим внимание и на тексты интеллектуалов, использующих разнообразие метафоры сопротивления, имевших репутацию возмутителей спокойствия, что в итоге и предопределило их жизненные стратегии (ссылка, эмиграция и т. д.).

Формы сопротивления в интеллектуальной истории всегда отличаются. Правда, в них существует и сходство. Если речь идёт об интеллектуалах, то они всегда говорят или пишут, что значительно сужает оптику выявления их орудий сопротивления. Вместе с тем, это вовсе не означает, что они в своей жизни не держали ничего тяжелее, кроме пера или шариковой ручки.

Страсти по оружию: от детских грёз — к реальному действию

Игра в войну — зачастую одна из самых популярных детских игр. В склонности к ней можно рассмотреть как будущий темперамент, равно, как государственную политику, заинтересованную в популяризации милитаристического дискурса. Имперская рамка только усиливает ощущение необходимости в обращении с оружием. Упоминания об оружии встречаются во многих автобиографических текстах интеллектуалов, которым через некоторое время предстоит испытать превратности политического мира.

Владимир Набоков, вспоминая своё детство, пишет об испытываемой им «майбридовской грёзе», проявлявшейся в страстном увлечении оружием. Тогда это были лесные поединки на пружинных пистолетах, заряжаемых ветками. В тот самый момент эта-лоном оружейной эстетики мог считаться «увесистый чёрный браунинг», хранимый отцом в правом верхнем ящике письменного стола. В. Набоков в «Других берегах»

называет его «обольстительным предметом» [17]. Именно в ящике письменного стола хранится и браунинг отца Серёжи в «Судьбе барабанщика» Аркадия Гайдара. Оружие будет использовано по назначению, что, в принципе, вписывается в политический дискурс того периода времени. Некоторые авторы, здесь, проводят параллель с ситуацией, в которой оказался Родион Раскольников, с той лишь разницей, что «Раскольников упал в обморок в конторе, когда услышал, как обсуждают убийство старухи. Сережа, узнав, что убил человека, «даже не вздрогнул». Советский мальчик отличается от русского студента: первый был преступником, а второй оказался героем. Никакого раскаяния, лишь облегчение» [9, с. 40].

Мятежным выглядит гимназическое прошлое Михаила Пришвина, увлекавшегося марксистскими идеями. Гимназические годы писателя в Ельце — «точка кипения» молодого, революционно настроенного юноши, нетерпимого к унижениям и подбострастию господствующего класса. Его отчисляют из Елецкой гимназии за угрозы в адрес ненавистного учителя географии, которым являлся не кто иной, как русский философ Василий Розанов.

В автобиографической «Кащеевой цепи» нам предстают очень энергичные гимназисты, делящиеся друг с другом самым сокровенным:

« — Ну-ка, посмотри эту штуку, — сказал Рюрик.

И вынул из кармана настоящий шестизарядный револьвер.

Мало того, он сказал, что отец его — офицер и дома у них ещё есть три револьвера, четыре охотничьих ружья, три сабли».

**Михаил Пришвин
«Кащеева цепь» (1924)**

Конфликт с отчислением озадачил В. Розанова — револьвер оказывается необходимым уже самому философу. В. Розанов упоминает об этом в разговоре весной 1899 г. со своей невестой Варварой Бутягиной в цикле «Смертное» (1913): «В Ельце кой-что мне грозило, и я между речей сказал ей, что куплю револьвер» [19, с. 54].

Ситуации, когда гимназисты угрожали наставникам на волне увлечения марксизмом в конце XIX в. становятся распространённым явлением. Будущие революционеры требуют уважения, диалога на равных. В Елецкой мужской гимназии тогда уже отмечались практики демонстрации оружия. В январе 1885 г. в гимназии

разбиралось дело ученика, принёсшего с собой револьвер и случайным выстрелом ранившего одного из гимназистов [13, с. 80].

Константин Паустовский в «Далёких годах» вспоминает историю исключения с «волчьим билетом» одного гимназиста, давшего пощёчину преподавателю. Классный наставник отказался извиниться перед гимназистом после того, как первым обозвал его болваном. После исключения из гимназии, на следующий день гимназист пришёл в гимназию с браунингом и стал гонять своего обидчика по классу, после чего застрелился [18, с. 78]. Первую киевскую гимназию, о которой вспоминает К. Паустовский, часто посещали влиятельные политики того времени, а несколькими классами выше учился русский анархист Дмитрий Багров, который, 1 сентября 1911 г. с браунингом войдёт в Киевский оперный театр и смертельно ранит Петра Столыпина.

Детское увлечение оружием сквозной нитью проходит и в советской культуре. Политические симпатии авторов при этом являются вполне определяемыми. Таков, например, «Кортик» Анатолия Рыбакова. О появлении револьвера в школе вспоминает Юрий Домбровский в некогда закрытом от широкой общественности «Факультете ненужных вещей».

Школьный «авторитет» Лёвка Шулепников носит с собой заграничный пугач в «Доме на набережной» Юрия Трифонова. Уважение к обладателю пугача значительно усилилось после того, как ему пришлось выстрелом успокоить ребят из класса, попытавшихся унижить его из-за модных кожаных штанов. Почти сакральный факт обладания оружием приводит к тому, что «за возможность стрельнуть готовы отдать целые состояния» [20, с. 361].

Увлечением оружием в советской школе нельзя не рассматривать в политическом контексте. СССР постепенно готовился к войне, иначе, чем можно объяснить наращивание шпиономании в интересах государственной машины, роста престижа военной службы, мобилизационные мероприятия, устройства в парках парашютных вышек и т. д. Всё это служило замечательным фоном собственной военной истории, показательных парадов, а также развитию любых других героических нарративов, фиксирующих подвиги советского человека. Вообще, традиционно, пролетариат ассоциируется с оружием, что моментально передаёт в массы советское плакатное искусство и нарождающаяся кинокультура.

В эстетическом плену оружия

Оружейная эстетика пленяет романтично настроенных гимназистов и студентов, производя самый настоящий фурор и усиливая неформальный статус тех, кто обладает этим сокровенным даром. Вот, почему, обладание оружием позиционируется как нечто сокровенное, выступая объектом волнительной гордости.

Безусловно, не все дети одинаковы в своей оружейной страсти. Образ отцовского стола у В. Набокова, сильно отличается от стола, встретившегося нам уже в автобиографическом тексте Вальтера Беньямина. И если у В. Набокова внимание приковано к отцовскому браунингу, то в фокусе интересов В. Беньямина — сложная комбинация природных даров, подобранных им во время прогулок — камушки, каштаны и др. [3]. На контрасте с политическими устремлениями, корни которых уходят в семью (отец В. Набокова — В. Д. Набоков — видный представитель конституционных демократов), отличным выглядит *другой* мир, чуждый насилия. Образ револьвера, бездействующего до поры до времени, сыграл злую шутку с В. Д. Набоковым. В марте 1922 г. он был смертельно ранен в Берлине во время покушения на Павла Милюкова — лидера партии кадетов во время его лекции в филармонии.

Содержание оружия в русской культуре, как правило, осуществляется с высокой долей почитательности. Пленительным эстетизмом проникнуты сами условия хранения.

В «Идиоте» Ф. Достоевского истощённый Ипполит Терентьев отдаёт Лебедеву ключик от сака, где, якобы, находится его пистолет и заряды, хранимые им с детства. Пусть и пистолет в тот самый момент находится в кармане его пальто, но, всё-таки, Ипполит, кажется, готов лишиться сам себя жизни или убить 10 человек.

Будет ещё не лишним вспомнить пистолеты Кириллова в «Бесах», хранимые им с высочайшей тщательностью в ящике пальмового дерева, отделанном красным бархатом. Кириллов испытывает явную нужду, но, при этом, чрезвычайно аккуратен в отношении своих оружейных драгоценностей.

Действительно, человек сопротивления может быть очень заботлив в отношении инструментов реализации собственных субъектных потенций. Так заботливы в отношении узелка с взрывным механизмом герои романа А. Белого «Петербург», замышляющие покушение на вершителя

человеческих судеб — обладателя чёрной лакированной кареты.

Эстетическое любование своей коллекцией может быть приостановлено в момент истины, по мере приближения к решающему выступлению человека сопротивления, будь то самоубийство, либо покушение на жизнь другого. В эссе, посвящённом Кириллову, Альбер Камю воскликнет, что «с его смертью земля будет населена царями и осветится человеческой славой. Выстрел из пистолета станет сигналом последующей революции» [15, с. 84]. В русской истории «щелканье» пистолета Кириллова было невероятно резонансным. От самоубийства до убийства другого — маленькая дистанция. Русский интеллигент может не только рассуждать, закрываясь в высокой, зубчатой башне, но и реально действовать.

Образ молодого человека, уважительно обращающегося с оружием, будет просвечивать сквозь других героев, кропотливо воспроизводимых в текстах русской культуры. Вспомним Колю Красоткина из «Братьев Карамазовых», демонстрирующего свою пушечку. Игрушечное орудие функционирует, точно копируя настоящее. Подготовка его к использованию, последовательность изготовления заряда — намекают на высочайший эстетизм самого действия, на его ритуальный характер.

Эстетичен и уход за оружием.

«Однажды я заглянул в комнату Марковича через окно, выходившее на наш балкон, и увидел, как Маркович, напевая, чистит стальной чёрный браунинг». Медные, маленькие пули лежали на столе на раскрытом медицинском учебнике».

**Константин Паустовский
«Далёкие годы» (1960)**

Эстетическая аура оружия побуждает и к воровству, и, кажется, советская культура может оправдать эту незначительную мелочь. В эмблематичном тексте советской культуры Н. Островского «Как закалялась сталь» Павка Корчагин выкрадывает револьвер «манлихер» у немецкого лейтенанта.

Стремление к обладанию оружием — сам по себе разумеющийся факт для многих рефлексирующих представителей русской культуры. Его необходимость вызвана обстоятельствами, не объяснимыми рационально. Как мы видим, это и детская мечта, грёза, попытки подражания взрослым, медленное втягивание в протест, в революцию. Наряду с этим, здесь можно ещё увидеть и маркировку собственной маскулинности.

Оружие — предмет, который обнаруживается под рукой в период психологического кризиса. У героя «Митиной любви» И. Бунина револьвер хранится в ящике ночного столика. Однажды этот револьвер будет извлечён из места своего хранения и использован против себя.

«Он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжёлый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил» [6, с. 156].

Иван Бунин
«Митина любовь» (1924)

Наряду с переживающим героем И. Бунина самоубийство совершают и реальные люди. В истории русской и советской культуре есть достаточно примеров, когда именно так интеллектуалы заканчивали мучительный диалог с реальностью. А. Радищев, С. Мусин-Пушкин, В. Маяковский, А. Фадеев, С. Есенин, М. Цветаева, Л. Брик, Г. Шпаликов, Л. Аронзон, Б. Рыжий, А. Башлачёв и т. д.

Есть примеры, когда оружие направляется на других людей, волей-неволей ставших на пути отчаявшегося, либо, наоборот, вдруг осознавшего свою силу, субъекта.

Сталь, звонкий клинок имеют куда более высокую ценность для своего обладателя, нежели драгоценные металлы.

В частности, вспомним, как у Валерия Брюсова:

*Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кинжальным*

блеском.

Валерий Брюсов
«К металлам» (1899)

Оружие направляется и на животных. Вспомним загадочную Аглаю из «Идиота» Ф. Достоевского, стреляющую из самодельного лука по голубям, или автобиографического двойника самого Ивана Бунина в «Жизни Арсеньева», убивающего беспомощного грача отцовским кинжалом. Оружием может стать и простая булавка, которую Илюшечка Снегирёв спрятал в хлебном мякише.

Как мы можем увидеть, эстетическое тяготение оружием — специфическим инструментом сопротивления испытывают не только представители высших социальных страт, но и разночинцы¹.

¹ Вообще, видимо, у каждого, кто постепенно знакомится с рассуждениями автора, есть знакомые,

Дискурс сопротивления в текстах интеллектуалов

И если разночинец или интеллектуал могут относительно открыто вступать в конфронтацию с режимом в благоприятных условиях политического кризиса, в период революционной нестабильности, то в момент сжатия политической системы, её закукливания, становится не до свободной демонстрации инструментов сопротивления.

Протест уходит в тень, становясь иносказательным, метафоричным. В противном случае, политическая система реагирует очень жёстко. Как однажды отметит в «Порабощённом разуме» польский интеллектуал Чеслав Милош, Ссылка поэта вынужденное явление из-за того, что захвативший власть в стране контролирует и язык этой страны [16].

Интеллектуалы вынуждены прибегать к различным фигурам умолчания. Вместо радикального, конкретного жеста, интеллектуал прибегает к иносказанию. В тот самый момент его орудиями становятся ручка, карандаш, пишущая машинка. Это — своеобразные метафоры пера, в которых проступает пушкинский текст (Пушкин никогда не был за границей и был вынужден испытывать на себе «прелесть» внимания влиятельных цензоров — *прим. А.С.*).

Вспомним, как у Иосифа Бродского:

Скрипи, моё перо, мой коготок, мой посох.

Иосиф Бродский
«Пятая годовщина» (1977)

И перо скрипит, как чужие сани.

Иосиф Бродский
«Эклога 4-я (Зимняя)» (1977)

Разочарование в последствиях «Оттепели» в СССР приводят к тому, что расцветают различные формы искусства, метафоризирующие жесты сопротивления. После разогнанной Н. Хрущёвым выставки в Манеже в 1962 г. представителей авангардной молодёжи, получают практики квартирных выставок. Интеллектуалы начинают говорить на языке живописи. Некоторые авторы, уже на тот момент времени известные в западной прессе, в СССР маргинализируются [25, с. 24—25].

Убежищем для жестов сопротивления становится национальная культура. собирающие какое-либо оружие (реплики), и с упоением демонстрирующие собственные коллекции, сопровождая показ подробным комментарием. Возможно, увлечение исторической реконструкцией есть такой же комплекс, покрывающий таинственные желания, бродящие в человеке.

Достаточно вспомнить, какой резонанс могло иметь творчество Сергея Параджанова, обращавшегося к малым культурам, к их фольклору. Неравное сосуществование с советским нарративом, в частности, присутствует в обращении к гуцульской культуре в х/ф «Тени забытых предков». Всё чаще в национальных культурах можно видеть обращение к селу, с удовольствием поэтизирующее интеллектуалами. В частности, подобные акценты часты в литовской культуре сопротивления. Людмила Алексеева, описывая «мягкое» сопротивление 1960-х гг., также отмечала его акцент на национальной культуре. Увлечённость малой культурой, уход в искусство, проявлявшийся через коллекционирование писанок, рушников или исполнение рождественских колядок, мог также рассматриваться как альтернативное говорение [1, с. 13—15].

Оттепельная реальность порождает практику, когда интеллектуалы должны были сами обеспечивать себя информацией. В тоталитарной машине их высокие потребности в текстах не могли быть удовлетворены. С этим и связана популярность самиздата и тамиздата. В тот момент это были способы диалога с советской аудиторией и поклонниками на Западе. Самиздат и тамиздат рассматриваются как попытки преодоления репутации культуры как «молчащей», как некогда высказался о ней И. Берлин [4]. Советская культура перенимает печальную традицию от несвободной русской культуры. Чего только стоят слова Александра Герцена о Николае I, «державшим тридцать лет когото за горло, чтобы тот не сказал чего-то» [23, с. 9].

Александр Галич в стихотворении «Мы не хуже Горация» (1966) как будто бы классифицирует основные тактики интеллектуалов — нынешних Горацийев — по презентации собственных текстов. А. Галич метафорично свидетельствует о трёх тактиках: выставках неофициального искусства («Но стоит картина на подрамнике»), самиздатовском литературном творчестве («Эрика» берёт четыре копии»), а также магнитофонных записях («Есть магнитофон системы Яуза»). Все эти практики, так или иначе, обобщают самые популярные способы демонстрации собственных текстов. Каждый способ по-своему оппонировал официальному языку власти, выступая своеобразной формой самиздата.

«Картина на подрамнике» у А. Галича — это мир неофициального искусства, раскрывавшийся в творчестве художников-нонконформистов. Этот дискурс противопоставлял

себя официальному искусству и вырабатываемому в его доктринах актуальным пластическим и идеологическим стандартам. На контрасте с праздничной и блистательной советской реальностью, могла существовать «другая», альтернативная реальность, открывающаяся представителям советской контркультуры из подпольных локусов. Неслучайно, творчество художников-нонконформистов осуществляется на периферии, на маргиналиях системы. Давление режима вынуждает к этому. Специфика альтернативного языка говорения обусловлена именно этим обстоятельством. Отсюда, неслучайно, что альтернативное искусство начинает гнездиться «в практиках частных, квартирных выставок» [19, с. 55]. Совершенно неслучайно, что оказавшееся под запретом искусство стало очень популярным, и представленным в настоящий момент гораздо шире в частных собраниях, нежели в экспозициях официальных музеев и галерей.

Исследователь советской культуры Алексей Юрчак объясняет популярность самиздата особым миром конкретных групп, спаивавшимся «коллективными исследованиями, общей интеллектуальной увлечённостью, схожими культурными интересами» [24, с. 279]. Объяснение популярности самиздатовских текстов, особый музыкальный и художественный вкус и т. д. следует объяснять условиями самой среды, определёнными эстетическими стандартами, существующими на «входе» в неё.

Строчка А. Галича о том, что «Эрика» берёт четыре копии не лишена реальных оснований. Немецкая пишущая машинка тогда технически не могла пропечатать больше, чем четыре копии текста, переложенных копировальной бумагой. Отсюда, следует ограничение самиздатовских тиражей, их редкость, престижность обладания одним из оригиналов.

Магнитофон системы «Яуза» служит частью тактики презентации текста через авторские записи собственных выступлений на вечерах и квартирниках, равно, как и прослушивание уже существующих плёночных записей. Официальная культура обращается к аудитории с помощью идеологически выверенных текстов и проверенных исполнителей, что, безусловно, не может удовлетворить взыскательного интеллектуала. Он нуждается в другом музыкальном и литературном меню, что вызывает к жизни параллельные практики звукозаписи. Именно благодаря им до современников дошли аутентичные голоса советской неофициальной культуры. В конце 1950-х — начале

1960-х гг. в СССР получила распространение практика записи на рентгеновских снимках. С помощью определённой технологии копирования могли воспроизводиться необходимые записи на нарезанных дорожках снимков рентген-аппаратов, получившие название «рок на костях». Как отмечает С. Юрчак, советский человек, заинтересованный в других практиках говорения, «слушал и рассматривал то, что существовало повсюду, но оставалось вне поля зрения и слуха системы, что было одновременно чем-то несуществующим и реальным, глубоко личным, даже сугубо интимным» [24, с. 359].

Таким образом, дискурс сопротивления в советской культуре, несмотря на давление со стороны системы, мог состоять из достаточно разнообразных текстовых форм, производимых неофициальной культурой.

Молчание и пустота: языковая тактика интеллектуала

Если есть официальная культура, то *другой* культуры для неё не существует. Всё другое замалчивают, о нём не говорят. Отсюда, в политическом дискурсе сопротивления в СССР и берут своё начало попытки воспроизведения пустоты, молчания, пауз, становящихся лексиконом исключённой культуры.

Наиболее заметны практики создания пустоты в неофициальном художественном искусстве и литературе. В этом смысле понятно внимание художников к заброшенным местам, пустырям, унылым, оставленным объектам. Безусловно, что подобные хронотопы могут притягивать к себе странных людей, на которых проецируется печаль и упадок окружающего пространства. Коммуникации подобных людей довольно рациональны и очищены от всяких утончённостей. Они — суровые дети советской реальности. Именно такие люди и пространства могут быть изображены на работах Евгения Кропивницкого и Оскара Рабина. Немногословные и грубые фигуры смотрят на зрителя с экспериментальных работ представителем «сурового стиля». Молчание, в котором успешно сохраняется культура, выступает эффективной стратегией выживания и советского человека.

Барачная эстетика Лианозово сказывается на языке, характерном и для поэтов, меткое слово которых резко и точно вскрывало общую топографию заброшенных мест. Отсюда, в текстах поэтов, причисляемых к «лианозовской» группе, много пауз и многоточий, будто означающих необходимость в передышке.

Произвольные авторские знаки, подчёркивающие сомнение, сложность проговаривания отдельных моментов, общую неблагоприятную атмосферу для диалога, метафоризация тишины — всё это условные техники производства пустоты и в самом языке. Система явно не благоприятствует душевным излияниям, иностранная литература может быть запрещена, цензура значительно зачищает любые опасные аналогии.

Молчание является раствором, на котором выстраивается и сам материальный мир, что демонстрируют художественные эксперименты Андрея Монастырского. Много молчания и пустоты в политических перформансах группы «Коллективные действия».

Здесь голову я положу на плечи

Тебе одной, которую не знаю.

Когда-то вместе жили мы здесь долго...

**Андрей Монастырский
«Темы» (1972—1973)**

Речь значительно сковывается, обедняется, что синхронизирует с лексиконом маргиналов — интеллектуалы умышленно приводят свой язык к языку низших социальных слоёв. Экспериментирование с языком напоминает стёб над системой, очень тонкий, интеллектуальный троллинг. Это угадывается в текстах Дмитрия Пригова, Генриха Сапгира, Игоря Холина и др.

У поэтов, эстетизирующих пустоту, есть и референтные предшественники. Что касается литературных форм, то эксперименты с языком обериутов могут служить точкой отталкивания, конструирования аналогий в условиях не слишком благоприятствующей для свободного творчества политической реальности. Культура, вырастающая в трудных, неблагоприятных условиях, заимствует у своей предшественницы наиболее эффективные способы управления поэтической экспрессией. В пустоте и молчании, возможно, следует отыскать и некоторые оптимистические мотивы. Пустота — реальность, оставшаяся после жёсткого управления, может вдыхать в себя новую жизнь, разрабатываться институтами гражданского общества — проявлениями публичности, о которых высказывался Юрген Хабермас. Одной из стадий политического процесса является конституирование, утверждение неких норм и правил, определение акторов, установка их целей и интересов. Пустое место способно достаточно быстро наполниться политической жизнью.

Вместо заключения

Не вызывает сомнения тот факт, что интеллеktуал, шифрующий свои тексты разнообразными метафорами сопротивления, а также использующий язык говорения и умолчания, готов ревностно охранять свои принципы. В подобной практике защиты собственного текста, в стремлении максимально сохранить его аутентичность, может присутствовать сочетание нетерпимости и смирения. Радикальные жесты с использованием реального оружия могут причудливо варьироваться с витиеватым языком сопротивления человека, вынужденного преодолевать непростую политическую реальность. В этих крайностях человек может быть необъясним. Эпизодичность сопротивления в русской культуре восходит к необъяснимости самого человека. «Ничего не может быть любопытнее этих странных вспышек нетерпения и строптивости. Часто человек терпит несколько лет, смиряется, выносит жесточайшие наказания и вдруг прорывается на какой-нибудь малости», — пишет Ф. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» [14, с. 13].

Было бы ошибкой увидеть в стремлении человека сопротивления исключительно ненависть, которой отравляется окружающее пространство, своеобразный ресентимент, о котором подробно высказывался в своё время немецкий политический философ Макс Шелер [22, с. 19—32]. Если захотеть, можно увидеть в экзистенциальных жестах человека сопротивления и заманчивый эстетический горизонт, что может быть видно на представленных выше примерах. В результате выпадающих на него испытаний, как однажды замечательно высказался Юрий Боров, человек может вырасти духовно, найдя в себе силы возвратиться к самому себе, «к новой и более осложнённой миром основе» [5, с. 265].

Безусловно, постоянное присутствие интеллеktуала в политическом пространстве, и испытываемое им политическое давление, оказывает сильнейшее влияние на его творческое наследие, на создаваемые им тексты. Помимо политической рамки, значительно корректирующей интеллеktуала в русской культуре, им постоянно ощущается общественная миссия. Интеллеktуал в русской культуре может испытывать исторически обусловленную, едва ли не подступающую необходимость говорить для народа и ради народа.

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс ; Москва : Весть, 1992. 352 с.
2. Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М. : Ад Маргинем — Пресс ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2012. 144 с.
3. Берлин И. История свободы. Россия. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
4. Боров Ю. Эстетика. М. : Издательство политической литературы, 1975. 399 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М. : Правда, 1988. 543 с.
6. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. 461 с.
7. Глухова А. В. Испытания несвободы (интеллеktуалы во времена испытаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 4—23.
8. Глуценко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 96 с.
9. Глюксман А. Философия ненависти. М. : АСТ, 2006. 284 с.
10. Гофф Ж. Л. Интеллеktуалы в средние века. СПб. : Из-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 160 с.
11. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и её проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 69—75.
12. Дмитриев А. В. «Я вырос среди народа...». Липецкий край в жизни и творчестве И. А. Бунина. Липецк : Ориус, 2007. 495 с.
13. Достоевский Ф. М. Записки из мёртвого дома. Униженные и оскорблённые. М. : Правда, 1984. 480 с.
14. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
15. Милош Ч. Порабощённый разум. М. : Летний сад, 2011. 285 с.
16. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М. : Правда, 1990. 479 с.
17. Паустовский К. Поэтическое излучение. М. : Молодая гвардия, 1976. 432 с.
18. Розанов В. В. Полное собрание «опавших листьев». Кн. 2: Смертное. М. : Русский путь, 2004. 191 с.
19. Скиперских А. В. Художник между властью и сопротивлением: проблемы идентификации // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2. С. 47—59.
20. Трифонов Ю. Московские повести. М. : Советская Россия, 1988. 480 с.

21. Фуко М. Восстановить бесполезно? // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 5 (79). С. 16—20.

22. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб. : Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.

23. Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать. М. : Мысль, 1984. 317 с.

24. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

25. Les Estampes // *L`Union Sovietique*. 1962. № 144. P. 24—25.

References

1. Alekseeva L. (1992) *Istoriya inakomyshliya v SSSR*. Vilnius, Moscow, Vest`, 352 p. [in Rus].

2. Benjamin W. (2012) *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov*. Moscow, Ad Marginem — Press, Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, 144 p. [in Rus].

3. Berlin I. (2001) *Istoriya svobody*. Rossiya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 544 p. [in Rus].

4. Borev Yu. (1975) *Estetika*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 399 p. [in Rus].

5. Bunin I.A. (1988) *Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 3* [Collected Works in 4 Volumes]. Moscow, Pravda, 543 p. [in Rus].

6. Garr T. (2005) *Pochemu lyudi buntuyut*. Saint Petersburg, Piter, 461 p. [in Rus].

7. Glukhova A.V. (2009) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 1, pp. 4—23 [in Rus].

8. Glushchenko I. (2015) *Barabanshchiki i shpiony. Marsel'eza Arkadiya Gajdara*. Moscow, Izdatelskij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 96 p. [in Rus].

9. Glyuksman A. (2006) *Filosofiya nenavisti*. Moscow, AST, 284 p. [in Rus].

10. Goff Zh. (2003) *Intellektualy v srednie veka*. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 160 p. [in Rus].

11. Dahrendorf R. (1990) *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 69—75 [in Rus].

12. Dmitriev A.V. (2007) «Ya vyros sredi naroda...». *Lipeckij kraj v zhizni i tvorchestve I.A. Bunina*, Orius, 495 p. [in Rus].

13. Dostoevsky F.M. (1984) *Zapiski iz myortvogo doma. Unizhennye i oskorblyonnye*. Moscow, Pravda, 480 p. [in Rus].

14. Camus A. (1990) *Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo*. Moscow, Politizdat, 415 p. [in Rus].

15. Milosz Ch. (2011) *Poraboshchyonnyj razum*. Moscow, Letnij sad, 2011. 285 p. [in Rus].

16. Nabokov V. (1990) *Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4*. Moscow, Pravda, 479 p. [in Rus].

17. Paustovsky K. (1976) *Poeticheskoe izluchenie*. Moscow, Molodaya gvardiya, 432 p. [in Rus].

18. Rozanov V.V. (2004) *Polnoe sobranie «opavshih list'ev»*. Kn. 2: *Smertnoe*. Moscow, Russkij put', 191 p. [in Rus].

19. Skiperskikh A. (2017) *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, no. 2, pp. 47—59 [in Rus].

20. Trifonov Yu. (1988) *Moskovskie povesti*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 488 p. [in Rus].

21. Foucault M. (2010) *Neprikosnovennyj zapas*, no. 5 (79), pp. 16—20 [in Rus].

22. Sheler M. (2010) *Resentiment v strukture moralej*. Saint Petersburg, Nauka, Universitetskaya kniga, 231 p. [in Rus].

23. Eydelman N. (1984) *Gertsen protiv samoderzhaviya. Sekretnaya politicheskaya istoriya Rossii XVIII-XIX vekov i Vol'naya pechat*. Moscow, Mysl', 317 p. [in Rus].

24. Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos`*. *Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 664 p. [in Rus].

25. Les Estampes (1962) *L`Union Sovietique*, no. 144, pp. 24—25 [in Fr].

For citing: Skiperskikh A.V.
Intellectuals and political discourse
of resistance (sketches of Russian culture) //
Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 80—89.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-80-89.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-80-89

UDC 321.011

INTELLECTUALS AND POLITICAL DISCOURSE OF RESISTANCE (SKETCHES OF RUSSIAN CULTURE)

Aleksandr V. Skiperskikh,
Bunin Yelets State University,
Professor of the Department Chair
of Philosophy and Social Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor.
The Russian Federation, 399770,
Yelets, ulitsa Kommunarov, 28.
E-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

In the article, the author shows how the government and the opposition interact in the political process. Actors representing opposition constantly produce political texts illustrating their alternative views. The existence of the opposition subject in a critical state in regards to the existing institutions of power is historically predetermined, which proves an active reflection from prominent theorists of political thought.

A free dialogue of the government and the opposition is hardly possible in every single political system. In the case of totalitarian and authoritarian regimes, this dialogue may be difficult. The consequences of free will for the subject of opposition can be quite severe.

The author analyzes the political discourse of opposition as exemplified by the Soviet culture. The author is interested in the metaphors of opposition and their political context, which seems to be an inevitable condition and framework limiting creativity of one or another intellectual.

The author studies a number of texts of the Soviet culture representatives, who used metaphors of opposition, and had a reputation of troublemakers. Such position of an intellectual generates sanctions of the repressive machine and predetermines very specific forms of presenting texts of opposition and apophasis. For convincing his own arguments, the author constantly turns to the heritage of the USSR representatives of unofficial culture in.

Key concepts:

intellectuals,
political discourse,
resistance,
unofficial culture,
the USSR.

Для цитирования: Богданова В. О.
Мировоззренческие установки
экзистенциального психотерапевта
(по материалам семинара Римаса Кочюнаса
«Картина человеческой жизни
и терапевтического процесса:
введение экзистенциального
психотерапевта») //
Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 90—101.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-90-101.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-90-101

УДК 140.8

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
УСТАНОВКИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО
ПСИХОТЕРАПЕВТА
(по материалам
семинара
Римаса Кочюнаса
«Картина
человеческой жизни
и терапевтического
процесса: введение
экзистенциального
психотерапевта»)**

Богданова Вероника Олеговна,
Южно-Уральский государственный университет,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр-т Ленина, 69
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой описание семинара Римаса Кочюнаса «Картина человеческой жизни и терапевтического процесса: введение экзистенциального психотерапевта», проведенного в Москве с 13 по 16 февраля 2020 г. Семинар был посвящен изучению основных мировоззренческих принципов экзистенциальной психотерапии, на которых строится работа с клиентом. Спецификой экзистенциальной терапии является отсутствие конкретных технических приемов и методов работы с клиентом, поэтому содержание терапевтической работы определяется особым видением человека и его проблем. С точки зрения экзистенциальных терапевтов личность находится в постоянном взаимодействии с миром, результатом которого является непрерывное становление, поэтому вместо исследования качеств и структур личности следует изучать ее жизненный мир и способы выстраивания отношений с действительностью.

Ключевые понятия:

экзистенциальная психотерапия,
экзистенция,
мировоззрение,
свобода,
неопределенность.

Введение

Литовский психотерапевт Римас Кочюнас — признанный авторитет в области психотерапии, стоящий у истоков экзистенциального направления на постсоветском пространстве, — является профессором Вильнюсского университета, директором Института гуманистической и экзистенциальной психологии, президентом Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии. С 13 по 16 февраля 2020 г. Р. Кочюнас проводил семинар в Москве «Картина человеческой жизни и терапевтического процесса: введение экзистенциального психотерапевта», где были раскрыты основные мировоззренческие принципы экзистенциальной психотерапии, на которых строится работа с клиентом. В последствие данные принципы работы закреплялись в практической части семинара. В данной статье будут рассмотрены основные идеи, изложенные Кочюнасом, и описаны элементы практической деятельности, осуществляемой на их основе.

Цель семинара заключалась в раскрытии мировоззренческих установок экзистенциальной терапии, применение которых в психотерапевтической деятельности позволяет понять жизненный мир человека и оказать необходимую психологическую помощь. Данные установки взяты у философов-экзистенциалистов, хорошо изложены в работе современного автора Сары Бэйквелл «Кафе экзистенциалистов» [5].

В своей книге Бэйквелл показывает суть французского экзистенциализма, обращаясь к повседневной жизни философов. Она подробно описывает встречи и беседы, которые они вели в кафе со знакомыми и друзьями. В своем произведении философ приводит беседу двух женщин, свидетелем которой стал Ж.-П. Сартр. Одна женщина возмущенно говорила другой, что экзистенциализм — это ужасное явление, которое ведет к упадку нравов тех, кто его проповедует и считает себя экзистенциалистом. Однако весь ужас экзистенциализма можно было выразить одним лишь словом «Свобода!» [5]. Человек, взявший за основу своей жизни экзистенциальные принципы, не желает жить по установленным обществом требованиям, он сам задает правила своего существования. Таким образом, главным принципом экзистенциализма является принцип свободы в выборе самого себя. Бытие человека отличается от существования вещей. Если сущность вещей изначально определена, то у человека существование предшествует

сущности. В каждый момент своей жизни он выбирает, кем ему быть. Раз человек свободен в выборе себя, то он ответственен за то, как он реализует свою свободу. Свобода и связанная с ней ответственность являются источником постоянной тревоги, неотделимой от человеческого существования. С другой стороны, будучи свободным существом человек не может в полной мере почувствовать себя свободным, так как свобода ограничена биологическими, физическими, социальными, историческими, политическими и другими рамками. В этом заключается парадокс экзистенции, с одной стороны она ограничена и несвободна, с другой — она свободна и трансцендентна, поскольку человек, включенный в разные личные проекты, пытается создать из себя «нечто», стремится выйти за пределы самого себя.

При создании своего проекта важно уметь осмысливать прошлый опыт и объективно смотреть на свое настоящее, корректировать способы взаимодействия с реальностью. В этом отношении экзистенциальный психотерапевт может помочь клиенту. При этом он не задает для клиента правила как вести себя или как ему жить в определенных обстоятельствах, а настраивает клиента на описание своего опыта таким, каким он ему является. В этом положении отражена суть экзистенциальной психотерапии, не давать предписания для жизни, но стремиться исследовать, как живет конкретному человеку, тщательно изучив его уникальный опыт. Изучение опыта не только открывает истину, как человек относится к своему бытию и проживает его, но часто служит поворотной точкой в жизни человека, который почувствовав ограниченность взаимодействия с миром, предпринимает решение жить полнее и подлиннее.

В отличие от других школ психотерапии экзистенциальная терапия не опирается на конкретные технические приемы и методы, но она имеет свое видение проблем человека, которое и определяет содержание терапевтической работы. Отсутствие универсальных методов и техник можно объяснить самой спецификой экзистенциализма, на основе которого была создана экзистенциальная психотерапия. Экзистенциализм — это философское течение, исследующее индивидуальное существование человека. Уникальное бытие субъекта не может быть сведено к общим представлениям о человеке и его жизни, поэтому способы психотерапевтической работы не являются едиными для всех, они подбираются индивидуально.

Суть работы экзистенциального психотерапевта раскрывается не через систему терапии, а через особую установку, которую психотерапевт занимает по отношению к этой системе. Здесь важен не набор специальных техник, а интерес психотерапевта к структуре человеческого бытия, который должен лежать в основе этих техник. Р. Мэй отмечает, что любой психотерапевт является экзистенциальным в той мере, в какой он является хорошим терапевтом [2, с. 18]. То есть в основе любой психотерапевтической деятельности лежат мировоззренческие установки экзистенциализма.

Проблематично дать четкое определение экзистенциальной психотерапии, поскольку можно обнаружить множество концепций, отражающих экзистенциальное видение бытия человека. В них сложно увидеть общее теоретическое ядро и методологическое единство, так как любой объединяющий принцип, который пытается свести к одному знаменателю данные концепции, приводит к их искажениям. Содержательно он затрагивает только часть той или иной теории, оставляя многое за пределами. Таким образом, говорить об экзистенциальной психотерапии как о едином направлении довольно сложно. Однако отсутствие ядра и внутренней структуры экзистенциальной терапии предоставляет возможность для большей гибкости в проведении психотерапевтических практик.

Как быть экзистенциальным психотерапевтом?

Представитель экзистенциально-феноменологического направления в психотерапии Э. Спинелли поднимает более значимый вопрос по сравнению с вопросом о том, «что такое экзистенциальная психотерапия?», а именно «как быть экзистенциальным психотерапевтом?» Он приходит к мысли, что важным этическим принципом, отличающим хорошего психотерапевта, является «присутствие желания смотреть на себя прежде, чем смотреть на другого» [7]. Сначала следует разобраться с собственными переживаниями и проблемами, а потом заниматься проблемами другого человека. Трудно помочь клиенту разрешить проблему, которую психотерапевт сам для себя не решил или с которой он еще не сталкивался. Опорой в профессиональной деятельности психолога являются не прочитанные книги, а богатый жизненный опыт и умение его использовать. Если психотерапевт сам в полной мере не проживает свое бытие, неглу-

боко осознает свой опыт, не готов изменять свое мировоззрение, преобразовывать свое существование, то он вряд станет профессионалом в своем деле.

Намного проще стать психотерапевтом человеку, который пережил трансформацию мировоззрения, поскольку у него есть неоценимый опыт для помощи другому. Он умеет открываться новому, изменять привычную жизнь, работать со своими переживаниями, возникающими по поводу изменений. Изменения нередко сопряжены с тревогой. Может ли экзистенциальный психотерапевт помочь преодолеть или снизить тревогу, испытываемую клиентом? На самом деле экзистенциальный психотерапевт не ставит перед собой такую цель. Он старается помочь выстроить клиенту отношение со своей тревогой. Бояться и избегать тревоги не стоит, нужно ее исследовать, чтобы понять, как с ней существовать. Не стоит питать иллюзии, что можно избежать тревоги, поскольку человек — это существо, устремленное в будущее, пока у него есть желания, он будет тревожиться об их исполнении.

Согласно Кочюнасу, сила и мастерство экзистенциального психотерапевта заключается в умении находить в себе и в своих клиентах точки опоры, на которых можно выстраивать психотерапевтическую работу. Сама вера терапевта в способность клиента работать со своей тревогой, вера в его умение позаботиться о себе благоприятно воздействует на него. Часто психологи акцентируют внимание на слабости клиента, воспринимая его как человека беспомощного, растерянного, не способного самостоятельно справляться со своей жизнью. Однако то, что психотерапевт недооценивает силу клиента, не означает, что ее нет. Если духовная сила клиента не видна, то ее следует искать, она все равно незримо присутствует. Задача психотерапевта заключается в том, чтобы помочь клиенту найти то, на что он может опираться в моменты слабости.

Важным качеством для экзистенциального психотерапевта является уважение к автономии и инаковости другого. Способность принимать инаковость другого означает быть внимательным и восприимчивым к жизненным контекстам, с которыми клиент приходит к психотерапевту. Многие психологи пытаются «психологизировать» жизнь клиента, то есть объясняют его проблемы с использованием научных терминов, загоняя жизненные переживания клиента в «прокрустово ложе» наиболее признанных теорий. Поступая, таким образом, психотерапевт не сможет прийти к полноте понимания бытия

другого человека, упустит значимые аспекты жизни клиента. В то же время, работая с клиентом, психотерапевт не может смотреть на проблемы клиента изолированно. Все жизненные проблемы, с которыми приходит клиент к психотерапевту, индивидуальны лишь условно, так как, хотя специфика этих проблем раскрывается в особенных жизненных ситуациях, в которых клиент переживает свой опыт, но во многом этот опыт созвучен другим людям. Кочюнас отмечает, что, когда рассматриваются проблемы конкретного человека, в памяти психотерапевта могут всплыть другие фигуры со схожими трудностями. Таким образом, индивидуальные проблем в чистом виде не существует, но сами переживания этих проблем людьми уникальны.

Экзистенциальный терапевт всегда пытается понять проблему человека контекстуально, выясняя, с какими жизненными ситуациями связаны его страдания. Проблемы рассматриваются в контексте фундаментальной взаимосвязи человека и мира. Поскольку человек никогда не существует изолированно от реальности, фокус восприятия нужно направлять на разные стороны жизни клиента. Выявляя способы выстраивания отношений с миром, нельзя изучать только чувства и эмоциональные переживания человека. Клиент не отделен от событий, происходящих в его жизни, поэтому следует смотреть на человека и его проблемы в контексте его включенности в бытие. Прояснение проблем клиента в этом контексте является главным мировоззренческим принципом экзистенциальной психотерапии. Когда психотерапевт работает с клиентом, он прежде всего стремится понять, как человек проживает свою жизнь, что ему мешает быть счастливым.

Кочюнас считает, что главной задачей экзистенциального терапевта является пробуждение клиента к активному поиску истины. При этом не так важен сам конечный результат, сколько само стремление познавать. Если человек считает открывшееся знание о себе окончательной истиной, то он незаметно для себя попадает в ловушку. Окончательная истина — всего лишь видимость, которая приводит к торможению духовного развития, а желание все время искать истину является свидетельством плодотворной психотерапии. При этом поиск истины в дальнейшем может происходить без участия терапевта. Истину можно понимать как подлинность. Большую часть жизни человек прибывает в суетной повседневности, в обезличенном состоянии (Das

Man), где озабоченный рутинной дел он отчужден от самого себя [4]. Экзистенциальная психотерапия направлена на то, чтобы помочь человеку вырваться из обыденности для достижения подлинной жизни. Конечно, подлинная жизнь в полной мере не может реализоваться, но, если человек будет размышлять о ней и к ней стремиться, его существование будет полнее. Однако, что собой представляет подлинность, к которой мы должны стремиться? На этот вопрос ответить очень сложно. Подлинность — это соответствие себе. Однако может ли человек знать себя, чтобы понять, как себе соответствовать? Многие представления человека о себе являются иллюзорными. Задача экзистенциальной терапии разоблачить эту форму самообмана, освободить разум человека от иллюзий, что практически всегда сопровождается страданиями.

Иллюзии клиента по поводу своего существования обнажаются, когда он приступает к психотерапевтической работе. Общение с психотерапевтом позволяет понять способы выстраивания отношения клиента с другими людьми и с миром в целом. Сложившиеся между терапевтом и клиентом отношения, помогают клиенту осознать свою устойчивую модель поведения, которая не всегда помогает ему адаптироваться к жизни.

Любое взаимодействие с миром несет угрозу неопределенности, человек испытывает разнообразные влияния внешних факторов, которые он не в состоянии контролировать. Несмотря на то, что жизнь проходит в неопределенности, человек все время ищет что-то определенное в своем существовании. Он живет в состоянии непрекращающегося конфликта: реальность неопределенна, однако субъект желает найти устойчивую опору. Психотерапевтическая встреча является ярким примером неопределенности, когда клиент идет к психотерапевту, он не может с полной уверенностью сказать, что ему даст эта встреча. Даже когда терапевтическая работа ведется длительное время, неопределенность не пропадает, она всегда присутствует в большей или в меньшей степени.

Кочюнас отмечает, что неопределенность является условием нашей жизни, поэтому она должна присутствовать в психотерапии, осуществляемой в форме диалога. Направление психотерапевтического диалога определяют оба участника. Психотерапевт не может заранее знать, с какими чувствами, переживаниями, мыслями придет к нему клиент, точно также не может знать клиент, как будет вести себя психотерапевт.

Диалог между ними невозможно спланировать, он осуществляется в сфере неопределенности и свободы, именно эта специфика диалога позволяет открыть значимые для клиента феномены.

Трудно прибывать в неопределенности диалога, но это помогает находиться в состоянии совместного творчества, создавать здесь и сейчас возможности духовной встречи двух людей. В этой встрече раскрывается огромный потенциал для жизни клиента, который заключается в том, что он начинает чувствовать себя более уверенно в ситуациях неопределенности. По мысли Кочюнаса в работе с клиентом следует избегать любой определенности, например, не ограничивать эту работу жесткой программой. Поскольку, выйдя из кабинета психотерапевта, клиент попадает в жизнь, где нет никаких заранее установленных сценариев.

Психотерапевту не следует бояться неопределенности в работе с клиентом, необходимо научиться ее принимать. Некоторых психологов пугает или раздражает, когда клиент на консультировании признается, что не знает, о чем сегодня говорить, поскольку у него не было времени подумать о содержании разговора. Однако, как отмечает Кочюнас, такое вступление является самым интересным началом для диалога. Заранее продуманное содержание общения не открывает всей глубины настоящего момента. Только с присутствием неопределенности в диалоге может начаться подлинная встреча двух душ.

Когда в психотерапевтической работе клиент встречается с неопределенностью, он вынужден выйти за свои границы, покинуть свою территорию. Переставая фокусироваться на себе, он начинает видеть другого человека (психотерапевта) со своими мыслями и чувствами. Выход за свои границы, встреча с неопределенностью — это большой опыт, который приобретается в ходе психотерапевтического сеанса, а затем переносится в повседневную жизнь. У многих клиентов отношения с людьми не строятся потому, что они закрыты в себе, не видят других людей. Выйти из этой клетки человек может, прояснив свои отношения с неопределенностью, приняв ее как часть реальности. Таким образом, состояние неопределенности — это опорная точка для экзистенциальной психотерапии. С неопределенности начинается настоящая встреча с действительностью. Эта встреча не предполагает использование специальных методик или техник, чем в более естественных условиях она происходит, тем лучше для терапии.

По поводу данных рассуждений Кочюнасу был задан вопрос об оптимальных сроках проведения терапии: «Если в жизни так мало определенности, то необходимо ли устанавливать для терапии определенные сроки?» Ведь нередко супервизор задает терапевту вопрос о сроках. Кочюнас соглашается с тем, что нельзя заранее определиться со сроками терапии. Психотерапия заканчивается, когда отсутствует психотерапевтическое напряжение вовремя сеансов, когда у клиента возникает вопрос, зачем он ходит к терапевту, ведь он неплохо себя чувствует в повседневной жизни. Когда у клиента возникают подобные мысли ему нужно о них говорить с психотерапевтом, чтобы разработать дальнейший план действий. Супервизор обычно не настаивает на определении сроков, он лишь хочет узнать есть ли у вас ориентир, в сторону которого вы двигаетесь. Этот вопрос не касается срока, это вопрос о том, что ведет вас в процессе терапии.

Неопределенность, с которой сталкивается человек в психотерапии и жизни, небезопасна, поэтому она вызывает тревогу, которая является частью реальности. Как неопределенность отражает нашу взаимосвязь с миром, так и тревога есть реакция на неопределенность. Человеку не нужно стремиться к подавлению тревоги, он может только попробовать понять, что за ней скрывается и с чем она связана. Если *status quo* человека — избегание тревоги, то это может привести к потере чувствительности к экзистенции, отрицанию открывающихся возможностей, пассивной и безответственной позиции по отношению к жизни. Постоянные попытки уменьшить тревогу приводят к тому, что личность застывает в своей беспомощности.

Поскольку умение принимать неопределенность жизненных ситуаций является ценным навыком для любого человека, то приглашение Кочюнаса поучаствовать в практике работы с неопределенностью, участниками семинара было встречено с большим интересом. Практика проводилась в микрогруппах (по два человека), длилась пятнадцать минут. Вначале была поставлена задача — выбрать себе партнера для диалога и объяснить ему предпосылки своего выбора, ответив на, казалось бы, простой вопрос: «Почему мы оказались вместе?» На самом деле ответ на данный вопрос, многое открывает человеку. Прежде всего, ответ показывает способы взаимодействия индивида с миром, его открытость и умение принимать неопределенность. Выбор

партнера по диалогу мог быть случайным, объясняться его близким местоположением; он мог совершаться исходя из принципа безопасности, когда в качестве коммуникатора выступал знакомый; человек мог выбирать под воздействием желания получить необычный опыт и т. д. Ответ на первый вопрос, по сути, показывал, как человек относится к неопределенности и как справляется с ее принятием, и возникающей тревогой. Второе задание ведущего, касалось понимания собственных переживаний, необходимо было ответить на вопрос: «Каково быть рядом с выбранным партнером?».

Индивидуальная и коллективная рефлексия результатов практики показала, что человек, поставленный перед выбором, находится в состоянии неопределенности и тревоги. Совершенный выбор создает островок определенности, получив эту временную опору, он испытывает облегчение. Однако начало диалога — это только приглашение еще больше погрузиться в неопределенность. Человек никогда не знает, к чему диалог может привести. Поскольку в диалоге участвуют двое, они оказывают воздействие на его ход и содержание. Многие люди пытаются контролировать течение диалога, поскольку отсутствие контроля повышает степень неопределенности, заставляя тревожиться. Выход из неопределенности происходит, когда человек в диалоге цепляется за какую-либо тему и развивает ее, но как ни странно при этом часто пропадает контакт с собеседником. Некоторые участники практики отметили, что состояние неопределенности усиливается в моменты молчания, когда данный контроль теряется, однако эти моменты являются самыми драгоценными, поскольку открывают возможность испытать душевную близость в общей ситуации неопределенности, не заполняя пространство лишними и пустыми словами. Неопределенность хоть и вызывает волнующее напряжение, приводит в дальнейшем к спонтанному, по-настоящему включенному диалогу.

На своем семинаре Кочюнас большое внимание уделил проблеме выстраивания терапевтических отношений с клиентом. Очень значимым, по мысли экзистенциального психотерапевта, является присутствие у психолога мировоззренческой установки быть для клиента воплощением Другого. В каком-то смысле психотерапевт для клиента представляет целый мир Других. Хотя для клиента общение с психотерапевтом является нетипичной ситуацией, не укладывающейся в его повседневность, клиент

приходит к нему с устойчивыми способами выстраивания отношений с миром. Данные способы раскрываются в терапии, только в том случае, если психотерапевт принимает себя в качестве Другого. Быть Другим — это быть вызовом для устоявшихся способов бытия клиента. В данной установке «быть Другим» реализуется требование не подыгрывать и не угождать клиенту. Подстраиваясь под клиента, становясь для него удобным и комфортным, психотерапевт создает искаженную картину реальности. Э. Спинелли отмечает, что для того, чтобы не плодить иллюзий в сознании клиента, необходимо, чтобы экзистенциальный психотерапевт «всегда говорил то, что он думает и делал то, что он говорит» [7]. В психотерапевтической работе должна произойти настоящая встреча с другим человеком, поэтому психотерапевту следует быть правдивым и честным с клиентом. Он должен вести себя естественно, быть собой. С одной стороны психотерапевт должен быть неудобным для клиента, с другой — он должен быть доброжелательно настроенным по отношению к нему. Этот мировоззренческий принцип дает клиенту понимание, что не всегда можно получить от других, то чего он хочет. В свою очередь другие не всегда могут получить желаемое от него. Клиент начинает осознавать, что он может быть принят, несмотря на неудобство, которое он, возможно, доставляет другим людям.

Ж.-П. Сартр выразил схожую мысль в знаменитой пьесе, с помощью тезиса «Ад — это другие» [3, с. 136]. Другие всегда являются антагонистами наших жизненных проектов. Встреча двух разных людей создает конфликт из-за несовпадения взглядов. Клиент и психотерапевт должны понимать, что такое столкновение происходит с неизбежностью. Люди не могут все время быть согласными друг с другом, и это понимание открывает возможность для сотрудничества. Когда люди сотрудничают, они не пытаются избегать вещей, которые их разделяют, а принимают друг друга такими, какими они являются.

В жизни часто все происходит наоборот, вместо того, чтобы позволить себе быть собой, люди пытаются быть удобными друг для друга. Они создают иллюзии благополучия, но рано или поздно устают от этой игры и возникает конфликт. Использование данной установки «другости» экзистенциальным психотерапевтом помогает клиенту увидеть, что вполне можно сотрудничать, будучи Другим. Показав свою инаковость клиенту, психотерапевт дает ему возможность

изучить свою особенность и уникальность. Понять, чем он может быть неудобным для Другого, если он будет искренним.

Психотерапевт не должен тратить свои силы на установление соответствия с идеальным представлением о том, каким должен быть психотерапевт. С одной стороны ничего не бывает легче, чем быть самим собой, с другой — человеку страшно выбирать такую позицию, поскольку присутствует риск, что другой не поймет и не примет. Ему приходится выдумывать, каким его смогут принять другие люди.

Кочюнас отмечает, что люди тратят много сил и энергии на то, чтобы придумать идеал, а затем ему следовать. Экзистенциальная психотерапия направлена на освобождение человека от стремления следовать идеалу, она преследует цель помочь человеку быть самим собой. Однако никто толком не знает, что значит быть собой. У каждого человека неполное представление о себе, в этом можно убедиться, когда человек, попадая в трудные жизненные ситуации, открывает ранее неизвестные стороны своей самости, о которых он даже не подозревал. В этом смысле, заявление «быть самим собой» весьма условно, скорее это способность быть ближе к себе, иметь смелость быть другим для другого.

Еще одной значимой установкой экзистенциальной терапии является настроенность на принятие. Принятие — рефлексивная открытость всему, что присутствует в жизни. Это готовность встретиться с тем, что существует в реальности. Принятие для психотерапевта выражается в стремлении понять разные проявления клиента, вместо того, чтобы оценивать их в категориях «хорошо-плохо», «правильно-неправильно», «истинно-ложно». Экзистенциальный психотерапевт не является оплотом истины, он не может знать наверняка, что будет полезно для клиента, он не пытается перестроить способ бытия другого человека под свою систему знаний и ценностей.

Принятие не означает отказ от оценочной деятельности, скорее это разрешение всему быть частью реальности. Паттерны поведения клиента могут не нравиться экзистенциальному психотерапевту, но данные схемы взаимодействия с реальностью имеют право на существование, они являются частью бытия клиента. Таким образом, принимать для психотерапевта — это давать клиенту право выбора жить, так как ему хочется. Однако экзистенциальный психотерапевт изучает привычные способы бытия клиента, пытается понять, какое вли-

яние эти способы они оказывают на него. Помогают ли они в его жизни или они мешают ему? Таким образом, психотерапевт не имеет права «запрещать» или «разрешать» клиенту тем или иным способом взаимодействовать с миром, он помогает ему исследовать эти способы.

Принятие экзистенциального опыта клиента является неотъемлемым условием диалога между психотерапевтом и клиентом. Благодаря принятию психотерапевт формирует настроенность клиента на диалог. Психоаналитик Лесли Фарбер отмечает, что в психотерапии важно не место осуществления диалога (Фарбер часто принимал клиентов в ресторане за обедом), не тема и не содержание, а то, как говорят участвующие в нем люди [6]. Тематика диалога не должна сковывать психотерапевта, он не должен во время диалога оценивать выбранную тему. Важно следить, чтобы клиент не уходил в пустую болтовню и не избегал важных для него вопросов. Если психотерапевт больше внимания уделяет теме диалога, а не его содержанию, — это свидетельствует о том, что он склонен решать за клиента, что для него будет ценно и значимо. Психотерапевт не пытается разобраться в проблемах клиента, а просто навязывает ему свое видение. Очень многие клиенты любят делиться историями о том, что произошло в их жизни недавно, о чем они прочитали в газетных хрониках, какой фильм посмотрели. Может показаться, что данная информация выходит из контекста психотерапевтической работы. Во время консультирования у некоторых специалистов возникает вопрос: стоит ли клиенту позволять говорить о посторонних вещах? Ведь вполне резонно предположить, что если клиент рассказывает о посторонних вещах, то это является признаком того, что он не желает говорить о чем-то важном и болезненном. Но действительно ли это так? Фарбер отмечает, что не следует вообще задаваться вопросом: «Зачем клиент об этом говорит?». Если клиент хочет об этом поговорить, то нужно дать ему такую возможность. Иногда это приводит к важным открытиям. Фарбер отмечает, что здесь более значимыми являются другие вопросы: «Как говорят люди друг с другом? Видят ли они друг друга, включены ли они полностью в диалог, или поддерживают разговор из вежливости?» [6]

В качестве примера Кочюнас привел выстраивание психотерапевтической работы с клиенткой, которая пришла с проблемой, связанной с личными отношениями. Во время консультирования она много говорила

о себе, о своих чувствах, переживаниях, при этом речь ее представляла собой монолог, хотя на сеансе присутствовали два человека, но клиентка вела себя так, как будто в кабинете кроме нее никого не было. На протяжении двадцати встреч она эмоционально жаловалась, что ей сложно быть в близких отношениях, при этом практически отсутствовал диалог с психотерапевтом. Кочюнас поделился с ней своими ощущениями, что ему одиноко находиться рядом с монологом ее страданий. Ему неприятно играть ту роль, которую она для него определила. Встречи стали напоминать церковную мессу, где она приходит к нему, как к алтарю, чтобы в одиночку помолиться. По сути, начиная свой монолог, клиентка лишала себя близкого общения, обрекая себя и окружающих на одиночество. Признание психотерапевта позволило клиентке обнаружить некий устойчивый паттерн и включиться в диалог с психотерапевтом.

Немецкий философ Х.-Г. Гадамер много внимания уделял качеству диалога. Он считал, что настоящий диалог сам задает свое направление. Не следует намеренно выстраивать диалог, нужно отдаться потоку общения [1, с. 445]. Мысли Гадамера созвучны идеям Фарбера: не важна тема разговора, важно как протекает разговор. Психотерапевт не должен «вытягивать» диалог к заранее установленной цели. Искусственно создавая диалог, психотерапевт лишает его бытийности. Контроль над общением, расстановка ценностных акцентов диалога независимо от клиента, все это только уводит психотерапевта от понимания сути проблем.

Во время семинара у Кочюнаса спросили о психоэдукации, может ли она присутствовать в психотерапевтическом диалоге, есть ли вообще необходимость давать клиенту теоретическое объяснение его проблем. Ведущий семинара отметил, что психоэдукация приводит к выстраиванию иерархических отношений, что может негативно сказаться на терапии. Занимаясь психоэдукацией, психотерапевт занимает покровительственное положение по отношению к клиенту, как будто психотерапевт априори знает, как клиенту следует жить и решать свои проблемы. Психоэдукация уводит людей от диалога, превращает психотерапию в процесс обучения и воспитания, когда психотерапевт просто делится своим ценным опытом. Конечно, психоэдукация делает роль психотерапевта более весомой, хотя его положение и так значимое, ведь клиент приходит к специалисту с позиции ищущего

помощи. Если психотерапевт дополнительными способами пытается усилить свою значимость, то нарушается баланс ответственности в психотерапевтической работе. Чем важнее роль психотерапевта в процессе терапии, тем большая ответственность возлагается на него. В этом случае как он может рассчитывать на открытость клиента, который просто делегировал свою работу знающему, опытному психотерапевту? З. Фрейд сформулировал принцип работы с клиентом, который имеет экзистенциальный смысл: «никогда не выполняйте желания клиента». Клиенты хотят от психоаналитиков и психотерапевтов очень многого. Они желают, чтобы психоаналитики и психотерапевты использовали эффективные методы, не говорили о неприятных вещах, не задавали неудобных вопросов, реагировали на ответы клиентов в соответствии с их ожиданиями и т. д. Если бы психолог выполнял все эти пожелания, то он превратился бы в Санта-Клауса. В этом случае в психотерапевтическом процессе нарушается равенство ролей, и клиент становится безучастным и пассивным.

Согласно Кочюнасу, у экзистенциально психотерапевта должна присутствовать мировоззренческая установка на «не-знание». Данная установка имеет много общего с философским принципом сомнения. Открытость к познанию предполагает сомнение, в ходе которого проверяется все то, что сомнение вызывает. Когда психотерапевт слушает клиента, ему может казаться, что он его понимает и знает его состояние. Например, отмечает Кочюнас, клиент может говорить, что он несчастен или зол, но какой смысл он вкладывает в эти понятия? С одной стороны любой знает, что значит быть несчастным или находится в состоянии злости. С другой стороны, этим состояниям и словам их обозначающие придают разное значение. В психотерапии быть «незнающим» это значит — не стремиться знать за другого. Отказаться от мысли, что можно сразу понять какое содержание вкладывает в описание своих состояний другой человек. Психотерапевт не может знать, как другой переживает несчастье или как у него выражается злость и т. д. Психотерапевт пытается исследовать, как данные состояния переживаются другим, как они у него проявляются. Таким образом, принцип «не-знания» — это состояние неполного знания, которое заставляет сомневаться, проверять, изучать.

Установка на «не-знание» делает человека открытым для нового опыта, позволяет

ему воспринимать реальность объективно, правдиво, безотносительно к личным установкам, ценностям, интересам, потребностям и страхам. Кочюнас отмечает, что человек изначально открыт, поскольку все его мысли, действия, поступки говорят сами за себя. Даже не желая быть открытым, человек все равно невольно открывает себя. Психотерапевт не является исключением из правил, он тоже открыт, но ему необходимо думать о том, какое проявление открытости поможет клиенту в психотерапии, а какие только затруднит ситуацию.

Кочюнас выделяет два способа открытости: самораскрытие и самопроявление. Самораскрытие — процесс, в котором психотерапевт делится информацией о себе, о своем жизненном опыте. Самораскрываясь, он может рассказать о фактах своей биографии или описать особенности своей личности. Самопроявление — это открытость психотерапевта в выражении чувств, мыслей, переживаний относительно того, что происходит в пространстве диалога. Психотерапевт проявляет открытость, когда может описать, какие чувства и мысли вызывают у него слова, действие или бездействие клиента. В психотерапии наиболее ценным является самопроявление, а не самораскрытие.

Конечно, самораскрытие имеет место быть в психотерапии, но психотерапевту используя этот способ, следует быть осмотрительным, поскольку охваченный собственным эмоциональным состоянием, он будет склонен переоценивать значимость своего опыта. Опыт психотерапевта не всегда помогает понять проблемы клиента. Акт самораскрытия может усугубить ситуацию, привнести в проблему клиента изначально отсутствующие в ней смыслы. Кроме того, отмечает Кочюнас, сталкиваясь с самораскрытием психотерапевта, клиент часто не знает как себя вести. Случается, что при самораскрытии клиент и психотерапевт временно меняются местами. У клиента закрадывается мысль, что психотерапевт сам нуждается в помощи и поддержке. Использование самораскрытия сопряжено с данными рисками, но иногда оно может служить для клиента мощной поддержкой.

Второй способ открытости, когда психотерапевт проявляет себя относительно того, что происходит в диалогическом пространстве, по мысли Кочюнаса, более эффективен. Отношения участников диалога становятся прозрачными. Открытость психотерапевта служит приглашением к такой же открытости клиента. В диалогическом пространстве

данная открытость делает клиента готовым откликнуться. Большое значение в открытости имеет осознанность. Психотерапевт должен понимать для чего он проявляет открытость. Кроме того, он вынужден в каждый момент решать, на что следует обращать внимание, а на что откликаться не следует.

Вопросы участников семинара

После первой части семинара участники задали несколько вопросов Кочюнасу относительно выстраивания психотерапевтической работы с клиентом. Первый вопрос касался примирения двух стремлений: «быть в согласии с собой» и «быть полезным для клиента». С одной стороны психотерапевт должен быть максимально естественным, прислушиваться к себе, своим ощущениям и желаниям (в этом можно проследить проявления эгоизма). С другой — его основная задача заботиться о клиенте, быть максимально полезным для него, так как психотерапевт должен помогать клиенту. Как быть с учетом разнонаправленности данных мотивов?

Отвечая на вопрос, Кочюнас отметил, что не нужно быть односторонним, важно соблюдать равновесие этих двух стремлений. Сначала нужно позаботиться о себе. Например, если психотерапевт сидит в неудобном кресле, то это невольно будет отвлекать его от проблем клиента. Чтобы быть внимательным к клиенту, психотерапевт должен в меру своих сил позаботиться о создании комфортных условий для работы. Когда психотерапевт может позаботиться о себе, он может позаботиться о клиенте. Если психотерапевт не будет заботиться о себе, то ничего хорошего из этого не выйдет, ни для него самого, ни для другого. Психотерапевты, которые заботятся о клиентах, не заботясь о себе, — плохие помощники, они не справляются со своей работой, оставляют клиента в беспомощном состоянии. Они не помогают ему стать более сильным. Когда психотерапевт говорит о том, что он должен помогать другому, или что он хочет помочь другому, это вызывает некоторое опасение, связанное с тем, что он может перестараться в этой помощи. Нельзя впадать в крайность и быть только «любящим и помогающим» психотерапевтом. Клиент, получив от психотерапевта заботу, любовь и теплоту, которую возможно ему не давала мать, не будет знать, где в дальнейшем он может восполнять эту потребность. В жизни не так много мест, где можно получить заботу и внимание. Психотерапия должна

давать возможность клиенту жить в реальном мире, а не только в теплой атмосфере добра и любви. Психотерапевту следует в меру заботиться как о себе, так и о клиенте.

Вторая серия вопросов касалась способов открытости в диалоге. Участники семинара хотели разобраться, что означает самопроявление? Как оно реализуется в совместном пространстве диалога? Можно ли самопроявление расценивать как интерпретацию чувств, мыслей, переживаний клиента?

Кочюнас отметил, что самопроявление не должно переходить в интерпретацию, если это происходит нужно вовремя остановиться. Например, если психотерапевт рассуждает следующим образом: «Я почувствовал, и это значит...», то это начало интерпретации. Психотерапевту следует задавать уточняющие вопросы клиенту, чтобы понять правильно ли он понимает его переживания. Психотерапевту необходимо быть в диалоге с клиентом и показать ему как он сам в нем отражается, говоря клиенту правду, но подбирая для этого корректные слова. В этом заключается суть самопроявления — показывать свое видение проблемы клиента. Психотерапевт для клиента выполняет функцию отражающего зеркала. Как правило, в жизни клиента мало людей, которые могут правильно отразить его образ. Многие из них сознательно привносят искажения, чтобы не ранить человека. Если психотерапевт будет повторять в терапии эти паттерны, то своей поддержкой он только нанесет вред. Он создаст установку на напрасные ожидания, но клиент не сможет получать такую поддержку извне. Кроме того, сама эмоциональная поддержка психотерапевта не решает проблему клиента, скорее она закрывает ее от клиента. Психотерапевту необходимо давать клиенту честное описание, каким он видит его для того, чтобы он сам осознал свои проблемы.

Был затронут вопрос относительно ожиданий клиента от психотерапевтической работы. Было отмечено, что в России очень часто ходят к психологу ради новых впечатлений. Людям важно как себя преподносит психотерапевт. Такие люди, попав на прием к экзистенциальному психотерапевту, просто не будут его воспринимать, поскольку они идут за каким-то чудом. Возникает вопрос: насколько вообще востребована работа экзистенциального терапевта?

Кочюнас ответил, что экзистенциальная психотерапия не является поприщем нескромных людей. Психотерапевты, работающие в этом направлении, не стремятся

продемонстрировать свои знания и умения, не пытаются вступить в конкуренцию с другими терапевтами, они не ведут борьбу за души клиентов. Конечно, психотерапевтов, которым нравится не столько терапия, сколько они сами в терапии, всегда хватает. Люди это понимают и в итоге обращаются к тем, кто не занимается самопрезентацией, а старается помочь клиенту самому решить свои проблемы. Как правило, экзистенциальные психотерапевты не жалуются на отсутствие клиентуры.

Прозвучали вопросы о том, как психотерапевт может сочетать естественное течение диалога с отслеживанием способов открытости (самораскрытие, самопроявление) и как они влияют на терапию? С одной стороны диалог должен сам себя вести, с другой психолог выбирает какие-то ходы в диалоге. Как эти разные установки можно примирить?

Кочюнас отметил, что свободное течение диалога не означает, что человек (клиент или психотерапевт) на него никак не влияют. Если психотерапевт в процессе диалога не понимает, почему клиент говорит о тех или иных вещах, которые возможно не связаны с проблемой клиента, то он должен честно делиться своим непониманием. Выражение своего непонимания вовсе не означает, что психотерапевт не хочет разговаривать на эти темы. Он просто пытается понять, почему эти темы для клиента так значимы. Если клиент обращается к психотерапевту с вопросом: «Почему вы меня не о чем не спрашиваете?», то это говорит о том, что ему не хватает включенности психотерапевта в процесс диалога. Таким образом, и клиент, и терапевт влияют на ход диалога, однако этот естественный процесс не приемлет заранее продуманной стратегии и контроля ее реализации со стороны психотерапевта. Естественный диалог не может все время идти плавно, он иногда заходит в тупик, необходимо совместно искать выходы из этого тупика. Однако психотерапевт всегда выбирает, как ему открываться, как реагировать на слова клиента. Во избежание искажений он должен себе каждый раз задавать вопрос: «Не слишком ли часто я делюсь своим опытом? Не становится ли то, чем я делюсь, направляющим вектором диалога?»

Заключение

Экзистенциальная психотерапия стремится понять человека как непрерывно становящееся, появляющееся бытие, поэтому главная задача психотерапевта заключается

в осознании и принятии уникального способа существования клиента и выстраивания его отношений с миром. Важно разобраться, какое направление жизни задает этот способ, приводит ли оно к плодотворному проживанию бытия или оно существенно отягощает существование. Очень сложно готовить экзистенциальных психотерапевтов, потому что в экзистенциальной психотерапии нет универсальных методик и техник работы с клиентом. Единственно, что находится в арсенале психотерапевта, — это мировоззренческие установки (принципы), которые он может использовать в консультировании. На семинаре были показаны в действии следующие мировоззренческие принципы экзистенциальной психотерапии:

1. Уважение к автономии и инаковости клиента.
2. Рассмотрение проблем клиента в контексте фундаментальной взаимосвязи с миром.
3. Направление фокуса восприятия на разные стороны жизни клиента.
4. Пробуждение клиента к активному поиску истины.
5. Принятие неопределенности и тревоги с ней связанной как одного из условий жизни.
6. Присутствие мировоззренческой установки психотерапевта «быть вызовом» для устоявшихся способов бытия клиента («дружости»).
7. Настроенность на принятие (на рефлексивную открытость всему, что присутствует в жизни).
8. Настроенность на естественное течение диалога.
9. Мировоззренческая установка на «незнание».
10. Проявление осознанной открытости в психотерапевтической работе с клиентом.

Данные принципы являются важнейшими установками психотерапевтического процесса, они приводят к более глубокому пониманию человека. Человек не обладает фиксированной самостью, он находится в непрерывном процессе взаимодействия с миром, результатом которого является постоянное становление и изменение самого себя. Следовательно, вместо изучения качеств и структур личности следует исследовать ее жизненный мир. Это предполагает, что проблемы клиента необходимо рассматривать во всевозможных контекстах его бытия. Главная цель экзистенциального психотерапевта — помочь клиенту разобраться во внутреннем мире и способах

выстраивания отношений с внешней действительностью, помочь ему преодолеть в себе склонность создавать иллюзии и научиться выявлять и разоблачать скрытые противоречия. Все это необходимо для того, что клиент смог реалистично воспринимать действительность и, как следствие, научиться жить в реальном мире.

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

2. Мэй Р. Возникновение экзистенциальной психологии // Теория и практика экзистенциальной психологии. М. : Институт Общегуманитарных исследований, 2018. 336 с.

3. Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Ж.-П Сартр., А. Камю/ Две грани экзистенциализма. М. : Олма-Пресс, 2001. С. 90—136.

4. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.

5. Bakewell S. At the Existentialist Cafe: Freedom, Being, and Apricot Cocktails. New York : Other Books, 2016. 448 p.

6. Farber L.H. The way of the will Essays toward a psychology and psychopathology of will. New York : Basic Books, 1966. 226 p.

7. Spinelli E. Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World. London: Sage, 2007. 272 p.

References

1. Gadamer X.-G. (1988) Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].

2. Mej R. (2018) Voznikovenie ekzistencialnoj psihologii // Teoriya i praktika ekzistencialnoj psihologii. Moscow, Institut Obshhegumanitarnyx issledovanij, 336 p. [in Rus].

3. Sartr Zh.-P. (2001) Za zakrytymi dveryami // Zh.-P. Sartr, A. Kamyu Dve grani ekzistencializma. Moscow, Olma-Press, pp. 90—136 [in Rus].

4. Hajdegger M. (2003) Bytie i vremena. Xarkov, Folio, 503 p. [in Rus].

5. Bakewell S. (2016) At the Existentialist Cafe: Freedom, Being, and Apricot Cocktails. New York, Other Books, 448 p. [in Eng].

6. Farber L.H. (1966) The way of the will Essays toward a psychology and psychopathology of will. New York, Basic Books, 226 p. [in Eng].

7. Spinelli E. (2007) Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World. London, Sage, 272 p. [in Eng].

For citing: Bogdanova V.O.

The worldview attitudes of an existential psychotherapist (based on the seminar of Rimas Kociunas "The picture of human life and the therapeutic process: introduction of an existential psychotherapist") // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). P. 90—101. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-90-101.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-90-101

UDC 140.8

**THE WORLDVIEW ATTITUDES
OF AN EXISTENTIAL
PSYCHOTHERAPIST
(based on the seminar
of Rimas Kociunas
"The picture of human life
and the therapeutic process:
introduction of an existential
psychotherapist")**

Veronika O. Bogdanova,

South Ural State University,
Senior Researcher of the Academic Center
of Applied Philosophy,
South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy),
The Russian Federations, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

The article is a description of Rimas Kociunas' seminar "The picture of human life and the therapeutic process: the introduction of an existential psychotherapist", held in Moscow from February 13 to 16, 2020. The seminar was devoted to the study of the basic philosophical principles of existential psychotherapy on which work with a client is based. A specificity of existential therapy is the lack of specific technical methods and methods of working with a client, therefore the content of therapeutic work is determined by a particular vision of a person and his problems. From the point of view of existential therapists, the personality is in constant interaction with the world, the result of which is continuous formation; therefore, instead of studying the qualities and structures of the personality, one should study its life world and ways of building relationships with reality.

Key concepts:

existential psychotherapy,
existence,
worldview,
freedom,
uncertainty.

Для цитирования: Борисов С. В. Эссе о хвостах, соединяющих нас с миром и друг с другом: большая философия в одном маленьком рассказе (под впечатлением и по мотивам книги: Tillmanns, M. (2019). *Why We Are in Need of Tails*, ill. by B. Thornley. Toronto, Iguana Books, 35 p.) // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 102—106. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-102-106.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-102-106

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

**ЭССЕ О ХВОСТАХ,
СОЕДИНЯЮЩИХ НАС
С МИРОМ И ДРУГ С ДРУГОМ:
БОЛЬШАЯ ФИЛОСОФИЯ
В ОДНОМ МАЛЕНЬКОМ
РАССКАЗЕ
(под впечатлением
и по мотивам книги:
Tillmanns, M. (2019).
Why We Are in Need of Tails,
ill. by B. Thornley.
Toronto, Iguana Books, 35 p.)**

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой философское эссе по мотивам книги Марии Тиллманнс «Почему нам нужны хвосты» (Iguana Books, 2019). В иносказательной форме в эссе представлены многие актуальные проблемы философии, такие как проблемы понимания, коммуникации, общения, отношения к Другому, преемственности культурной традиции.

Ключевые понятия:

философия,
коммуникация,
общение,
понимание,
язык,
диалог.

Передо мной чудесная философская книга с загадочным названием «Почему нам нужны хвосты». Книга представляет собой небольшой рассказ американского философа Марии да Венса Тиллманнс, который сопровождается иллюстрациями художника Блэр Торнли. Мария преподает философию для детей по программе, разработанной совместно со специалистами Калифорнийского университета в Сан-Диего. В 1980 г. она познакомилась с методикой и содержанием программы «Философия для детей» Мэтью Липмана, затем защитила диссертацию по философскому консультированию под руководством Мориса Фридмана (продолжателя философских идей Мартина Бубера). Таким образом, автор представляемой мной книги — состоявшийся профессиональный философ со своим самобытным и неповторимым стилем. Для Марии философия — это форма искусства, ей нравится «рисовать идеями» (р. 35). Талантливый художник Блэр Торнли воплотила эти идеи в своих иллюстрациях. Блэр — иллюстратор таких изданий, как *The New York Times*, *Boston Globe*, *Washington Post*, *LA Times*, *Vogue*, *Vanity Fair* и др. Кроме того, она иллюстрировала произведения писателей Питера де Фриза и Джеймса Тёрбера. Работы Торнли регулярно выставляются в галереях Массачусетса, Чикаго и Нью-Йорка.

Итак, о чем же эта книга? Как ее автору удалось большую философию поместить в один маленький рассказ? Чтобы это понять требуется базовая философская подготовка, но если у читателя ее нет, достаточно проявить немного воображения. Начнем с того, что персонажи этой удивительной книги — Хук и Тук — привыкли выражать свою дружбу посредством хвостов. Действительно, это очень удобно, потому что, когда ты связан с другим только хвостом, то во всем остальном твое тело может делать все, что ему нужно. Однако ты всегда чувствуешь связь с другом, это всегда тебе помогает, а иногда, может быть, даже тебя спасет. Дружба — это прочные узы-хвосты, которые связывают людей. Эти связи, хотя и крепкие, не должны сковывать. Кроме того, эти связи должны быть органичными, они должны быть естественными, а не искусственными. Как жаль, что у нас нет того волшебного «хвоста», которым мы всегда можем дотянуться до друга и через который мы всегда можем чувствовать его присутствие в нашей жизни, даже если мы при этом заняты своими повседневными делами.

Однако со временем множество искусственных приспособлений для удобства

нашей жизни сделало хвосты ненужными, и они постепенно исчезли. Причем не все поначалу осознали масштаб постигшей их катастрофы. Казалось бы, что в этом особенного. Ведь столько надо в жизни успеть, нужно быть мобильным и расторопным, а эти старомодные хвосты, хотя и прекрасны, но они все время становятся помехой в суете повседневных дел. Они созданы совсем для другой жизни — неспешной, размеренной, близкой к природе. В ритме современной жизни они воспринимаются как атавизм, неоправданное излишество. С ними неудобно садиться в машину, ездить в метро, пользоваться лифтом. Того и гляди кто-нибудь наступит на хвост или этот прекрасный пышный хвост попадет в какой-то механизм. В конце концов, носить хвосты в современном мире — это не только хлопотно, но и опасно. Так постепенно люди утратили свои хвосты, которые становились все короче, и потом исчезли совсем. И только потом стал понятен масштаб катастрофы, которая заключалась в том, что люди утратили постоянный прямой контакт друг с другом. Общение потеряло свою интенсивную тонкость и точность. Причем искусственные хвосты, если кто-то пытался ими обзавестись, проблемы не решали, потому что они были не настоящие, и поэтому общение с их помощью становилось натянутым и фальшивым. Тогда люди стали компенсировать дефицит общения с помощью языка. Но если раньше для общения достаточно было только хвоста, то теперь, чтобы что-то передать или выразить, требуется сотни слов. Однако, используя только это средство, мы не всегда можем достичь намеченной цели. Нас слышат, но нас не понимают.

Теперь, когда у нас нет хвостов, мы не можем передать Другому всю глубину своих чувств и мыслей. Мы можем быть рядом, но при этом нам чего-то не хватает. Нам нечем друг за друга «зацепиться», мы чувствуем свою оторванность, отдаленность от Другого. Но автор книги знает средство от этой неловкости. Нам на помощь приходят иносказания, метафоры, образы, т. е. все то, что несут в себе волшебные сказки¹. И понимание становится возможным. Иносказание, образное видение — это то, что связывает нас невидимыми хвостами с нашими общими невидимыми корнями. Через эту тонкую подсознательную связь мы чувствуем единство друг с другом, потому что этими хвостами-сказками мы все укоренены в культуре.

¹ Автор использует игру слов “tail” (хвост) и “fairy tale” (сказка)

Невидимые связи есть повсюду. Например, как утверждает автор этой прекрасной истории, теория струн — это некая разновидность теории хвостов. Мироздание пронизывают невидимые струны, образуя пространственно-временные гравитационные поля. Все связано со всем через это переплетение хвостов-следов, оставленных взаимодействиями тел и ходом событий. Все это держит мир в равновесии. Все переплетено и представлено друг другу разными гранями. Поэтому в каждой вещи содержится ее отрицание, как условие перехода, изменения. Как в символе Инь и Ян. Присутствие одного есть отрицание другого, но и в присутствии, и в отрицании заключается уникальная неповторимость единого, динамичного, пульсирующего целого. Например, добро и зло, по утверждению Гераклита, есть пара противоположностей, где одно познается через другое. Если, совершая тот или иной нехороший поступок, я не буду осознавать в нем зла, то у меня не возникнет стремления стать лучше и что-то изменить. Зло «банально», как утверждает Ханна Арендт, достаточно «быть как все» и действовать, как все, и находить в этом себе оправдание. Справедливо и обратное. Осознавая добро, я в состоянии понять все зло, которое смогу причинить, если не буду следовать правилам добра. Вот такая диалектика...

Наши хвосты дают нам связь, осуществляемую по принципу Инь и Ян. Утратив хвосты и потеряв тем самым непосредственную связь с миром и другим человеком, мы утрачиваем связь с самим собой. Магия такова: чтобы ощутить связь с собой, я должен быть связан с Другим. Связь означает, что я чувствую Другого как себя, а себя как Другого. Например, я не желаю Другому зла, потому что не желаю этого зла для себя. Только почувствовав в себе Другого, я смогу понять это в полной мере. Если же я не чувствую в себе Другого, то я могу не разглядеть в своих желаниях злого умысла, потому что я не думаю о том, как реализация моего желания повлияет на других или на мир в целом. Не чувствуя связи, я как бы желаю «в пустоту», говоря проще, желаю того, чего не может быть. Поразительно то, что я осознаю это, но тем не менее продолжаю желать невозможного. В этом корень постоянной неудовлетворенности моих желаний. Это все равно, что, когда чувствуешь жажду, бегать с открытым ртом под дождем в надежде напиться, при этом чувствуя, что результат равен нулю, вместо того чтобы немного подумать и спокойно собрать воду в одну

емкость для питья. Без видения связи всех моих желаний с их последствиями для других людей я не смогу понять, какие желания принесут мне вред, а какие пользу. Потому что вред и польза для меня есть отражение вреда и пользы для Другого. В любой пользе и вреде тоже есть две стороны (так, например, лекарственное средство, которое в малых дозах приносит пользу, а в больших — вред). А кто же является «мерой всех вещей»? Человек, как утверждает Протагор. От себя добавим, что «мера» — это всегда другой человек, или ты сам как Другой.

Отсутствие связи с Другим делает меня самоуверенным и самонадеянным. Не чувствуя реальной связи, я могу свои мысли считать мыслями другого, а свои желания проецировать на желания другого. Вместо глубокой связи с миром я могу только отбрасывать на мир большую тень своего Эго. Но из-за этой тени реальность видится мне смутно и искаженно. И чтобы заглушить в себе неуверенность, связанную с этими искажениями, не имея реальной связи с миром, я еще более упорно и самонадеянно буду навязывать ему свою волю. Мое знание о мире без тесной связи с этим миром, которая позволяет мне применить эти знания и проверить их на опыте, делает само это знание совершенно ненужными. Так самонадеянный ум может обернуться самонадеянной глупостью.

Единственный способ все время поддерживать связь — это умение слушать Другого, чтобы был постоянно включен, как пишет автор книги, стерео режим слушания. В отличие от монорежима, который предполагает только наше согласие или несогласие с говорящим, стереорежим предполагает понимание своих (или чужих) мыслей как мыслей Другого, во всей их непохожести и самобытности. Когда в нашем сознании присутствует несколько голосов одновременно, это создает более полное и богатое звучание реальности. Ясное слушание этих голосов означает умение с помощью понимания преобразовывать какофонию отдельных звуков в симфонию единой реальности. Мысль — это тоже симфония. Как говорил грузинский философ Мераб Мамардашвили, для мысли, как и для симфонии, одной нотной записи недостаточно. Эта запись понятна только специалистам. Но вот музыка зазвучала, и каждый нашел в ней что-то созвучное, близкое себе. Так и с мыслью. Чтобы она появилась ее надо исполнить — красиво, величаво, ярко, как симфонию. Только тогда она найдет отклик в сердцах людей, потому что музыка-мысль будет не только

услышана, но и исполнена в сознании другого человека, станет частью его сознания.

Нужно уметь правильно соединять звуки, которые слышишь. Если этого умения нет, то будет одно лишь знание музыки, но неумение ее исполнять. Это знание без понимания. Что об этом говорить в нашей чудесной книге? Например, мы можем знать дерево как источник древесины (строительный материал) или как объект, который создает тенистое место в парке. Но понимать дерево — это совсем другое. Дерево может открыть нам понимание многочисленных связей, которыми связано все вокруг «от мала до велика», понимание видимого и невидимого, существенного и второстепенного, живого и неживого. Понять дерево — это значит понять многое, что дает саму возможность быть деревом, что делает его уникальным, крепко укорененным в реальности, как его разветвленная корневая система своими хвостами-корнями обеспечивает связь с землей, а его крона со своими хвостами-ветвями связывает его с атмосферой. «И так со всем остальным, что было когда-то связано, а теперь часто находится в разомкнутом и запущенном состоянии, которое уже не способно быть частью живого» (р. 17). Полифоническое слушание дает возможность проникать в глубь вещей, что недоступно поверхностному знанию, которое мало что дает для понимания реальности.

Зачастую мы знаем, что что-то есть, но не понимаем, как и почему это есть. Мы можем знать явления, но не понимаем, как они взаимосвязаны. Мы можем знать закономерности, но не понимаем, где они действуют, а где нет. Мы можем знать что-то о мире или о людях, но не понимаем, для чего и как эти знания использовать. Только понимание делает нас мудрыми и восприимчивыми, способными быть проницательными, т. е. видеть суть вещей. Понимание делает нас богатыми тем, что, обретая однажды, мы уже не утратим. Это богатство смысла, которое безмерно и неистощимо. И самое главное, обретение этого богатства зависит только от нас и никакие превратности судьбы не смогут у нас его отнять. Понимание — это возможность до всего дотянуться своим хвостом-разумом, зацепиться, установить связь.

Многочисленными дорогами и путями испещрено огромное тело Земли. Все эти извилистые пути от широких шоссе, до узких тропинок в лесу подобны хвостам, которые оставили люди, достигнув конца пути. Этим людей уже нет, а их хвосты-дороги остались, по которым все новые и но-

вые странники устремляются навстречу друг другу. Карта Земли подобна карте неба, где мириады звезд и прочих небесных тел тоже движутся своими путями, оставляя сверкающие хвосты траекторий своего движения. На этих многочисленных перекрестках земных и небесных путей нам не найти ни центра, ни периферии, ни лучших, ни худших мест. Каждый идущий по дороге является центром для самого себя, и он сам оценивает качество пройденных отрезков пути по затраченным усилиям и полученным впечатлениям. В масштабах Земли (а может и Вселенной) все пути, блуждая и пересекаясь, приведут тебя рано или поздно на то же самое место, когда ты совершишь полный оборот. Поэтому в космическом масштабе не так уж важно, по какой дороге идти. Однако у путника нет возможности смотреть на свою «дорогу жизни» с позиции такой космической перспективы. Обзор очень ограничен, видна только призрачная линия горизонта, а за ней — неизвестность. Поэтому кажется, что очень важно выбрать правильную дорогу, не сбиться с пути, не потерять ориентир и не пропустить решающий поворот, чтобы добраться к намеченной цели, которая, может быть, не более чем плод воображения. Конечно, любая дорога пестрит указателями и знаками, но эти знаки и указатели поставил не я, следовательно, они служат не моим целям, а целям того, кто их поставил. Ведь нам важно не просто знать куда мы придем (из пункта А в пункт Б), а понимать, какой смысл подарит нам эта жизненная дорога (из смысла А в смысл ?). Плутающие хвосты дорог — остатки чужих целей и задач, обломки чужих биографий, карта надежд (иногда реализованных, иногда обманутых). А что если попробовать проложить собственную дорогу, создать собственный маршрут? Неужели ветер свободы не манит «свернуть» на собственный путь первопроходца? Именно это советует автор книги. Ведь проторенные дороги — это все-таки уже давно «отпавшие» хвосты, которые уже потеряли связь с прошлыми таинственными тропами, которые когда-то связывали их с неким единым «первопутем». Теперь это просто транспортные магистрали с убогим и однообразным пейзажем за окном, глядя на который, уже не испытываешь волнительного ожидания от встречи с неизвестным, обещания ярких приключений, наслаждения необычными ландшафтами. Дорога превращается в мучительное ожидание конца поездки, заполняемое газетами, журналами, знакомыми мелодиями и сюжетами, то есть всей этой домашней повсед-

невностью, от которой ты стремишься уехать. Поэтому многие предпочитают самолет, несмотря на то что за стеклом иллюминатора вообще нет никакого пейзажа (только бескрайнее небо и облака), но зато недолго ждать конца пути. Вот такое путешествие с коротким хвостом...

Еще одно прекрасное философское открытие, которое ждет читателей книги, — хвосты открывают возможность бытия «между». Поскольку, согласно Мартину Буберу, бытие — это отношение, хвосты являются чудесным способом эти отношения устанавливать и поддерживать. Таким образом, не язык, как полагал Хайдеггер, а хвост есть «дом бытия». Хуку и Туку не нужно это объяснять, они это всегда знали. Тем, у кого нет хвоста, который обеспечивал бы прямой контакт с реальностью, теперь приходится находить эту реальность только в своем воображении. С реальностью нужно вступить в диалог, чтобы протянуть к ней хвост-отношение, в котором нам откроется истинная суть вещей. Хвост-отношение позволяет любое «Оно» превратить в «Ты». Тогда это «Ты» Другого становится частью моего «Я» и наоборот. Причем отношение «Я — Ты» можно установить не только между мной и другими людьми, но и между мной и животными или же неодушевленными объектами. Именно это отношение вдохнет жизнь в те предметы, которые, как кажется на первый взгляд, жизнью не обладают. Стоит этому отношению исчезнуть, даже живое может превратиться в мертвое, а любое «Ты» может стать «Оно». Слова, лишившись жизни-отношения, превращаются в пустую болтовню, лишенную смысла. Мысли, лишившись жизни-отношения как зерна, брошенные на дорогу, а не в плодородную почву, засохнут и погибнут, так и не дав всходов новых идей. Ведь все наши слова и мысли живут не сами по себе, а живут для кого-то, с кем мы надеемся установить отношения посредством них. Даже монолог предполагает слушателя, хотя бы воображаемого.

Согласно Буберу, как утверждает вслед за ним автор книги, установить отношения «между» можно только всем своим существом. Опять-таки метафора хвоста все проясняет, потому что хвост является неразрывной частью нас самих. Конечно, потеря хвоста не создаст угрозу жизни, как и потеря памяти не отнимает у человека сознание. Но появляется острое чувство несвязанности с миром, безопорности, разрыва. Это чувство нельзя компенсировать никакими искусственными протезами. Жажда нового, современного, передового привела нас

к разрыву с традицией. Ныне никто уже не носит старомодные хвосты. Однако сделала ли нас эпоха «пост-хвоста» более счастливыми? Стали ли люди добрее? Стало ли общество справедливее? Обрели ли люди столь желанную свободу? Боюсь, что за каждым из этих предложений тянется ехидный хвост вопросительного знака. «Мы просто стали существами, которых можно использовать ради блага других существ. Вот почему нам нужно опять “вообразить реальность”. Мы должны вообразить, что у нас есть хвосты, чтобы снова стать цельными» (р. 29).

Хук и Тук дают нам дельные советы, как вновь установить утраченную связь в современном мире. На самом деле наши хвосты никуда не делись, их можно восстановить, ведь хвосты-связи бывают не только видимыми, но и невидимыми. Просто нужно уметь отличать наши хвосты от тех, которые нам не принадлежат. Многие хвосты-дороги манят нас и уводят из дома, но самыми важными хвостами-дорогами нашей жизни являются те, которые ведут нас домой. Как найти свой дом? Как говорят нам Хук и Тук, нужно установить прочные хвосты-связи с тем местом, где ты оказался, и обретешь дом; с теми людьми, которые рядом, и обретешь друзей; с теми смыслами, которые тебе открылись однажды, и обретешь веру. «Хук и Тук указывают нам на любовь к чуду жизни, любовь настолько глубокую, что она превращается в глубокое доверие, в знание того, что вы принадлежите к этому миру и что вы уже дома!» (р. 34).

Что тут скажешь... После этого хвостомногочия остается только поблагодарить автора книги за необычное и увлекательное путешествие в мир большой философии.

For citing: Borisov S.V. An essay on the tails connecting us with the world and with each other: a great philosophy in one short story (inspired and based on the book: Tillmanns, M. (2019). *Why We Are in Need of Tails*, ill. By B. Thornley. Toronto, Iguana Books, 35 p.) // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). P. 102—106. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-102-106.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-102-106

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

**AN ESSAY ON THE TAILS
CONNECTING US
WITH THE WORLD
AND WITH EACH OTHER:
A GREAT PHILOSOPHY
IN ONE SHORT STORY
(inspired and based
on the book: Tillmanns, M.
(2019). *Why We Are in Need
of Tails*, ill. By B. Thornley.
Toronto, Iguana Books, 35 p.)**

Sergey V. Borisov,
South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article is a philosophical essay based on Maria Tillmanns' book *Why We Are in Need of Tails* (Iguana Books, 2019). In an allegorical form the essay presents many current philosophical issues such as understanding, companionship, communication, attitude towards the Other, and the continuity of cultural tradition.

Key concepts:

philosophy,
companionship,
communication,
understanding,
language,
dialogue.

Для цитирования: Русаков В. М.,
Русакова О. Ф. Рецензия на книгу И. Б. Фан
«Политическая онтология
российского гражданина:
содержание против формы».
Екатеринбург : Урал. Ин-т управления —
филиал РАНХиГС, 2018 //
Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 107—111.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-107-111.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-107-111

УДК 32 (470)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
И. Б. ФАН «ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОНТОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО
ГРАЖДАНИНА: СОДЕРЖАНИЕ
ПРОТИВ ФОРМЫ».
ЕКАТЕРИНБУРГ: УРАЛ.
ИН-Т УПРАВЛЕНИЯ —
ФИЛИАЛ РАНХИГС, 2018**

Русаков Василий Матвеевич,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,
Институт философии и права УрО РАН,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Российская Федерация, 620108,
г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

Авторы рассматривают философско-политическую проблему гражданственности, по ряду причин постоянно актуальную для русской культуры. Своеобразие работе придает определенный методологический уклон рассмотрения: онтология феномена гражданина и гражданственности. Упор делается на изучении факторов и механизмов реализации политических и частных прав номинального гражданина, которое показывает, что нынешний политический порядок в России пронизывает противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования, Конституция РФ не существует в виде действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств, и есть основания для того, чтобы говорить о сложившемся рентно-сословном порядке и распределении ресурсов.

Ключевые понятия:

гражданин,
гражданственность,
политическая культура,
рентно-сословный порядок.

Заявленная в названии монографии «Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы» (2018) профессором И. Б. Фан фундаментальность рассмотрения проблемы гражданства не может не привлечь внимания современного политолога, по крайней мере, в двух аспектах: во-первых, в свете широко распространившегося в политической науке так называемого «онтологического поворота». Во-вторых, феномен «гражданина» и «гражданственности» в русской культуре в целом и политической — в частности, занимает весьма немаловажное место. Великая русская литература XIX в. — от А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова до А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого и многих других — разнообразно исследовала его художественными и публицистическими средствами, сформировав на долгое время определенный идеал и образец гражданственности. Глубокий мировоззренческий и методологический интерес к теме сохраняется в отечественной литературе и сегодня [5].

В начале объемного труда И. Б. Фан «Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы» (2018) автор как бы придерживается довольно характерной для интеллектуалов традиции попенять массовому сознанию за то, что оно «привычно уклоняется от ... рационального осмысления политической реальности... пребывает в состоянии апатии и нежелании проработать... прошлое» [2, с. 5], но последующий текст, плотно насыщенный актуальной проблематикой темы «гражданственности», сразу погружает читателя в самую сердцевину теоретических баталий, посвященных этому весьма сложному феномену и концепту. Впечатление основательности проделанной работы создается обстоятельным вдумчивым анализом зарубежных и российских подходов к пониманию феномена гражданина, взятых в собственном культурно-историческом контексте.

Автор заявляет исследование «институциональных, ценностных и личностных факторов исторического становления и существования феномена гражданина в России», который «рассматривается в концептуальных рамках парадигмы трансформации, характерной для политической мысли Модерна». Более того, пробрасывается мост в современную политическую ситуацию в России. Центральная идея работы заключается в том, что существование россиянина определяется несоответствием политической

формы «гражданин» содержанию этого явления. С точки зрения автора проблемными оказываются основные атрибуты политической формы «гражданин» — вовлеченность массового индивида в деятельность самоорганизованного и развитого гражданского общества, членство в нации как политической общности, полноправное участие в национальном государстве.

Интерес уже вызывает структура работы: четыре главы охватывают практически все сферы политической онтологии — «Концептуальные рамки исследования феномена гражданина в российском культурно-историческом контексте» (гл. 1), «Институциональные условия существования российского гражданина» (гл. 2), «Гражданин в пространстве культуры» (гл. 3), «Пассивное гражданство»: пределы политической деятельности россиян» (гл. 4); имеется обширная библиография (357 источников, не считая законодательных и подзаконных актов).

Автор справедливо отмечает сложность описания феномена российского гражданина, заключающуюся в том, что, с одной стороны, «существует политическая и юридическая форма, фиксируемая наименованием данного феномена», а с другой — практическое наполнение ее, т. е. все аспекты политической онтологии российского индивида [2, с. 6].

В монографии предпринята попытка раскрыть феномен «гражданина» (прежде всего — российского) через категории культуры («Гражданин в пространстве культуры») — дело сколь интересное, но и столь же чреватое многими опасностями мифологизации, с которыми в свое время столкнулось немало количество светлых голов (романтизм, славянофильство, народничество и т. п.).

В то же время исследование такой достаточно сложной, прошедшей длительную историю развития категории, как «гражданин», неизбежно порождает ряд вопросов как общеметодологического, так и конкретно-теоретического планов, в особенности — связанных с анализом российских реалий.

Вспомним, как Словарь Брокгауза и Ефрона, обобщая историю понятия, подчеркивал ряд значимых здесь моментов: «Особое значение связывается с этим словом, когда оно употребляется как особый термин государственного права, начиная с классической древности и кончая современной эпохой. В Греции и Риме гражданином (πολίτης, cives) назывался не всякий житель того или другого города, а лишь член гражданской общины, называвшейся πολιτεία θ civitas (см. Община). У древних

греков словом *полιτεία* обозначалась и вся совокупность прав, принадлежавших гражданину», при этом «В совокупности прав римского гражданина (*civitas romana*) различались права публичные (*jura publica*) и частные (*j. privata*)». Подчеркивалось, что «Если гражданин пользовался всеми перечисленными правами, он был гражданином полноправным (*cives optimo jure*); если ему принадлежали лишь частные права, а публичные — не вполне, он был неполноправным гражданином (*cives minuto jure*). В таком положении были граждане, на коих цезарь наложили бесчестие (*ignominia*), далее либерты, или вольноотпущенники (4, т. VII, с. 140), наконец — жители муниципий (см.) и многих колоний (см.). Права гражданина приобретались или рождением в законном браке (*ex justis nuptiis*), или различными способами, установленными законом» [4].

Автор предлагает свое комплексное определение феномена гражданина «как социокультурной роли правоспособной личности, члена гражданского общества и национального государства, роли субъекта прав и обязанностей, требуемой индивидом и предписываемой ему культурой, и политической системой конкретного государства в целях достижения общего блага гражданской нации» [2, с. 300]. Но эти новации требуют некоторых прояснений.

Во-первых, очевидно, не вполне удачно определять феномен «гражданина» через «гражданское общество» и «гражданскую нацию» (во избежание логического круга). Во-вторых, как быть с достаточно традиционным делением типов политической культуры на патриархальную (традиционную), подданническую (культуру повиновения) и активистскую культуру участия — как пишут Г. Алмонд, С. Верба [1]: например, ясно, что в Российской империи господствовала подданническая политическая культура, но тогда как понимать мощные проявления гражданственности (декабристы, славянофилы и западники, народники) — ясно, что не все из них были революционерами-нигилистами, отрицателями подданнической культуры повиновения. Или, с другой стороны, не считать же идеи кн. В. Мещерского, которые он пропагандировал в своем журнале «Гражданин» (И. С. Тургенев писал о нем: «Это, без сомнения, самый зловонный журнал из всех ныне на Руси выходящих» [6, с. 236—237]) — выражением действительной гражданственности? Собственно, в Российской империи слово «гражданин» официально обозначало «городского обывателя», то

есть попросту — жителя города, горожанина (который на самом деле был «подданным» Российской империи).

В работе аргументированно и разносторонне раскрывается сформулированное автором противоречие между формально-политическими и формально-правовыми определениями гражданственности и их реальным содержательным наполнением, т. е. действительной обеспеченностью их материально-вещными и объективно-волевыми ресурсами. Но, как представляется, обширно представленная автором феноменология этой коллизии в Российской Федерации, создает, в конечном счете, впечатление о том, что российский гражданин отличается какой-то онтологической недоброкачеством — пассивен, патологически терпелив, погряз в апатии и неверии.

Куда более прав автор, когда точно формулирует причины этого: узурпация государственной власти ничтожным меньшинством населения с помощью репрессивного политического режима и грабительского присвоения общенародной собственности. Верно заключает автор, что, когда «российская власть, все более замыкается в себе, отсекая все каналы и условия прямой и обратной коммуникации с обществом и опирается на запретительные и силовые методы управления, революционный исход развития такой политической ситуации... в определенный момент времени не исключен» [2, с. 296]. Таких история ничему не учит, они способны только произносить заклинания о том, что «Россия исчерпала лимит на революции», подтверждая старую истину: «революции делают властью» [3].

В завершение можно указать, что монография, в которой обработан столь обширный и разнородный материал (это и капитальные труды по истории и политологии, это и публицистические работы, и материалы социологических исследований и опросов общественного мнения) по весьма насущной не только для нашего общества теме, написана ясным языком, исследовательские приемы автора логичны и понятны. Книга, несмотря на объем, не является тяжеловесной и трудной для усвоения, что, несомненно, делает ее весьма полезной для учебного процесса.

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1992->

4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 04.03.2020).

2. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. Ин-т управления — филиал РАНХиГС, 2018. 332 с.

3. Фан И. Б. «Революции делаются властью»: интервью с Б. Ю. Кагарлицким // Дискурс-Пи. 2007. Вып. 7. С. 70—74.

4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1890—1907. Т. IXa. 1893. С. 500—501.

5. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М. : Высш. шк. экономики (ВШЭ), 2011. 224 с.

6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. Повести и рассказы. 1874—1877. М. : Наука, 1982.

References

1. Almond G. A., Verba S. (1992) *Politicheskie issledovanija*, no. 4. Available at: [available at: https://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf](https://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf), accessed 04.03.2020 [in Rus].

2. Fan I.B. (2018) *Politicheskaja ontologija rossijskogo grazhdanina: sodержanie protiv formy*. Ekaterinburg, Uralskij Institut upravlenija — filial RANHiGS, 332 p. [in Rus].

3. Fan I.B. (2007) *Diskurs-Pi*, vyp.7, pp. 70—74 [in Rus].

4. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona (1893)*. Sankt-Peterburg, 1890—1907. T. IXa, pp. 500—501 [in Rus].

5. Kapustin B.G. (2011) *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo*. Moscow, Vysshaja Shkola Jekonomiki 224 p. [in Rus].

6. Turgenev I. S. (1982) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem. T. 9. Povesti i rasskazy. 1874—1877*. Moscow, Nauka [in Rus].

For citing: Rusakov V.M., Rusakova O.F.
 Review of I.B. Fan's book "Political ontology
 of a Russian citizen: content versus form".
 Ekaterinburg: Ural Institute of Management —
 RANEPА branch, 2018 //
 Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 107—111.
 DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-107-111.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-107-111

UDC 32 (470)

**REVIEW OF I.B. FAN'S BOOK
 "POLITICAL ONTOLOGY
 OF A RUSSIAN CITIZEN:
 CONTENT VERSUS FORM".
 EKATERINBURG:
 URAL INSTITUTE
 OF MANAGEMENT —
 RANEPА BRANCH, 2018**

Vasily M. Rusakov,
 Ural Federal University
 named after the first President
 of Russia B.N. Yeltsin,
 Department Chair of Political Sciences,
 Doctor of Philosophy, Professor.
 The Russian Federation, 620002,
 Yekaterinburg, ul. Mira, d.19.
 E-mail: dipi@nm.ru

Olga F. Rusakova,
 Institute of Philosophy and Law,
 Ural Branch of RAS,
 Head of the Department of Philosophy,
 Doctor of Political Sciences, Professor,
 The Russian Federation, 620108,
 Ekaterinburg, ulitsa Sofyi Kovalevskoy, 16.
 E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Abstract

The authors consider the philosophical and political problem of citizenship, for a number of reasons constantly relevant to the Russian culture. A peculiar methodological bias of consideration gives originality to the work: the ontology of the phenomenon of citizen and citizenship. The emphasis is made on studying the factors and mechanisms for implementing the political and private rights of a nominal citizen, which shows that the current political order in Russia is characterized by the contradiction between the formal norms of externally modern political institutions and the informal practices of their functioning, the Russian Constitution does not exist in the form of existing law as a system of obligations observed by the parties, and it is reasonable to talk about the existing rental estate order and resource allocation.

Key concepts:

citizen,
 citizenship
 political culture
 rental estate order.

ЭКСПЕРТНЫЙ КЛУБ ЧЕЛЯБИНСКА. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПО ИЗМЕНЕНИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ, СОДЕРЖАНИЕ ПОПРАВОК И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сергей Зырянов, доктор политических наук, директор Челябинского филиала РАНХиГС:

— Очень приятно видеть такое большое собрание студентов-политологов. Это было нашей с Василием Анатольевичем (Зориным) мечтой — собрать вас всех вместе, познакомить друг с другом, посмотреть на будущее Южно-Уральской школы политологии. Каждый из вас учится в своем вузе, варится в своем «котелке», а профессия у вас одна и вам все равно придется потом по жизни пересекаться, то по одну сторону политических баррикад, то по другую. Поскольку вы уже профессионально ориентированы и в какой-то степени подготовлены, то мы посчитали возможным предложить вам это общение в рамках экспертного клуба, для обсуждения повода поправок в Конституцию. У нас выступают со своей позицией несколько спикеров, вы слушаете их, как-то отнеситесь к этому, задайте вопросы, если захотите, выскажите свою позицию.

Надеюсь, вы знаете, что в Российскую Конституцию за время ее действия уже было принято 16 поправок. То, что обсуждается сейчас — это 17-я по счёту группа поправок, но все эти поправки будут предлагаться одним законопроектом, за который и будут голосовать граждане России. Комиссия по подготовке предложений в законопроект получила уже более 600 поправок, а первоначально 22 поправки внес президент, который и дал начало широкому обсуждению самых разных законотворческих инициатив политиков и граждан. Тема отношения населения, граждан, жителей города Челябинска к Конституции заинтересовала нас в связи с пятидесятилетием Конституции России. Эти исследования лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС начала проводить в 2013 г. Мы периодически повторяем их, меняя, а иногда повторяя вопросы. Вот вы видите характеристику тех вопросов, кото-

рые использованы для презентации сегодня. «Какое из нижеприведённых суждений наиболее точно отражает роль Конституции в жизни страны?»¹ Посмотрите динамику, как население реагирует на оценку закона законов. «Конституция гарантирует, обеспечивает права и свободы граждан» — так в 2019 г. считало 18 %, примерно каждый пятый. Не так уж много, с чем это связано — это отдельный разговор. «Конституция поддерживает порядок в деятельности государства» — с точки зрения юридической так видят Конституцию только 10 % опрошенных. «Конституция регулирует отношения между различными ветвями власти» — увы, очень мало граждан замечают эту функцию основного закона, только 5 %. Большинство из опрошенных в 2019 г. (43 %) считают, что Конституция не играет решающей роли в жизни страны, поскольку мало кто с ней считается. Предположу, что это ценностное отношение начинается с позиции самого гражданина — видимо, он сам мало считается с Конституцией, хотя с другой стороны он видит отношение к ней властной элиты. Ещё один аспект действия конституции: «На Ваш взгляд, соблюдаются ли основные конституционные нормы в современном российском обществе?». Считают, что соблюдаются 25,7 %, а почти 30 % считает, что большинство конституционных норм не соблюдается. Так видит население ситуацию с действием конституции. Ещё более жесткую оценку дали респонденты, выбравшие позицию: «Конституционные нормы практически не соблюдаются» — 31,7 %. Затруднились ответить — 13,2 %. Да, есть социально-экономическая и политическая реальность, которую каждый человек расшифровывает по-своему, исходя из своих собственных интересов и оценки своего социально-экономического положения. «Как вы считаете, в какой мере Конституция России отвечает потребностям и интересам общества?». Напомню, что согласно Конституции, народ считается источником власти в России. Почти треть (34,7 %) считает, что Конституция полностью отвечает интересам общества, не отвечает — 43,6 %, затруднившихся ответить, увы, всегда очень много — 21,9 %.

Следующий вопрос: «Как вы считаете, в ка-
¹ Мнение жителей города Челябинска о Конституции Российской Федерации: социологическое исследование Лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС в период с 26 по 28 октября 2013 г. URL: <https://chel.ranepa.ru/nauka/soc-issledovaniya/mnenie-zhiteley-goroda-chelyabinska-o-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii.php> (дата обращения: 04.04.2020).

кой мере Конституция отвечает интересам и потребностям государства?». Для гражданина есть он, а вне него — есть государство как совокупность юридических институтов. Так вот, 54% считают, что Конституция отвечает интересам государства (это на 20% больше, чем в предыдущем вопросе). Это, видимо, значит, что население воспринимает Конституцию как правовой инструмент, которым пользуется в большей степени государство, а не общество. Мне кажется, это реалистичное восприятие. «Как вы считаете, соответствует ли содержание Конституции современной российской действительности?». Ответ «Соответствует действительности» (внесение изменений в Конституцию не требуется) выбрало 11,7% респондентов. А вот ответ «Требуется внесение изменений в Конституцию, чтобы привести её в соответствие со сложившейся действительностью» выбрало 26,4%. Альтернативную позицию «Необходимо предпринимать шаги по изменению существующей действительности и приведению её к соответствию с нормами Конституции» — 36,9%. Затруднились ответить — 24,9%.

Итак, мы подходим к ключевому вопросу, а надо ли вносить поправки в Конституцию? И вот, в конце 2019 г. считают, что необходимо — 53,9% (а в 2018 г. было 47,6%). Другая точка зрения — не требуется внесение изменений в Конституцию РФ — так в 2019 г. считает 21,9% информантов, а в 2018 г. их было 36,3%. Заметное изменение этих цифр связано с латентным кризисом, который длится у нас в обществе уже не первый год. Ухудшение материального и социального положения сдвигает оценки граждан в определенную сторону. «Как Вы считаете, ориентирована ли на соблюдение Конституции властвующая элита России?». Считают, что ориентирована, те же 26—27%, не ориентирована — 56%. Я рискну предположить, вы можете с этим согласиться или нет, что опрашиваемые, конечно, не на столько детально знакомы с этим правовым документом. Хотя по нашим же опросам 70% южноуральцев в той или иной степени знакомы с содержанием Конституции, только 30% сказали, что их Конституция не интересует. Однако граждане, даже зная нормы Конституции, формулируют оценки, исходя из условий своего сегодняшнего существования, себя, своей семьи. Можно предположить, что отвечая на вопрос об изменении Конституции, они транслируют наиболее острые проблемы своего повседневного существования и ожидания их решения государством. Приведу несколько позиций

опроса, на этот раз ВЦИОМа, проведенного в феврале 2020 г., и посвященного знанию предложенных Президентом поправок. Социологи продолжили вопрос о поддержке президентских поправок в Конституцию (Источник: ВЦИОМ, 20 февраля 2020 года, 1600 респондентов)¹. Ответы на вопрос: «Знаете ли Вы, какие конкретно поправки будут вынесены на общероссийское голосование?» даны на рис. 1.

Как следует из ответов, говорят то, что знают, относительно немногие (от 3 до 9% опрошенных), а это свидетельство того, что интeоризировать содержание предложенных В. Путиным поправок пока готова небольшая часть граждан России. А поскольку (по данным этого же опроса) 41% информантов обязательно примут участие в голосовании и 25% скорее примут поправки, то значительная часть — 66% тех, кто пойдет голосовать даже не знают, за что же они будут голосовать. Правда, есть ещё время познакомиться с поправками. Однако уже сейчас, познакомившись с формулировками поправок в ходе интервью с анкетером, респонденты весьма уверенно говорят об их поддержке. Ответы на вопрос «Поддержите ли вы внесение в Конституцию следующих изменений?» распределились следующим образом (рис. 2).

Вот такая картина получается с восприятием граждан этого сложного процесса после того, как президент озвучил идею изменения Конституции. То, что предлагает политический класс России, это не шестство. По разным причинам менялась Конституция, и уже, как я отмечал, 16 поправок были внесены в соответствующие статьи Конституции. Скажем, меняется название субъекта Федерации — нужно вносить поправку в Конституцию. Понятные и простые причины, предусмотренные самой Конституцией. То, что происходит сейчас — это существенно более важно и с точки зрения количества поправок, потому что более 600 предложений о поправках приняла комиссия пока только к рассмотрению. Студенты Челябинского филиала РАНХиГС тоже принимали участие в выдвижении этих поправок, встречались с сенаторами от Челябинской области. Очень интересные позиции были озвучены. Я думаю, что они уже на рабочем столе комиссии, которая как раз анализом предложений с поправками и занимается. Кстати, в составе этой комиссии

¹ Россияне оценили поправки к конституции // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10171> (дата обращения: 04.04.2020).

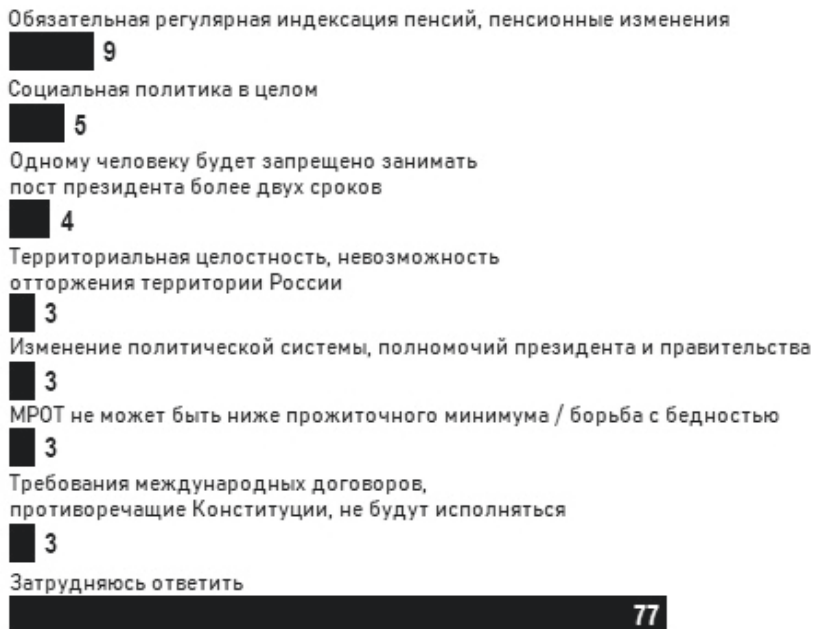

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Знаете ли Вы, какие конкретно поправки будут вынесены на общероссийское голосование?»

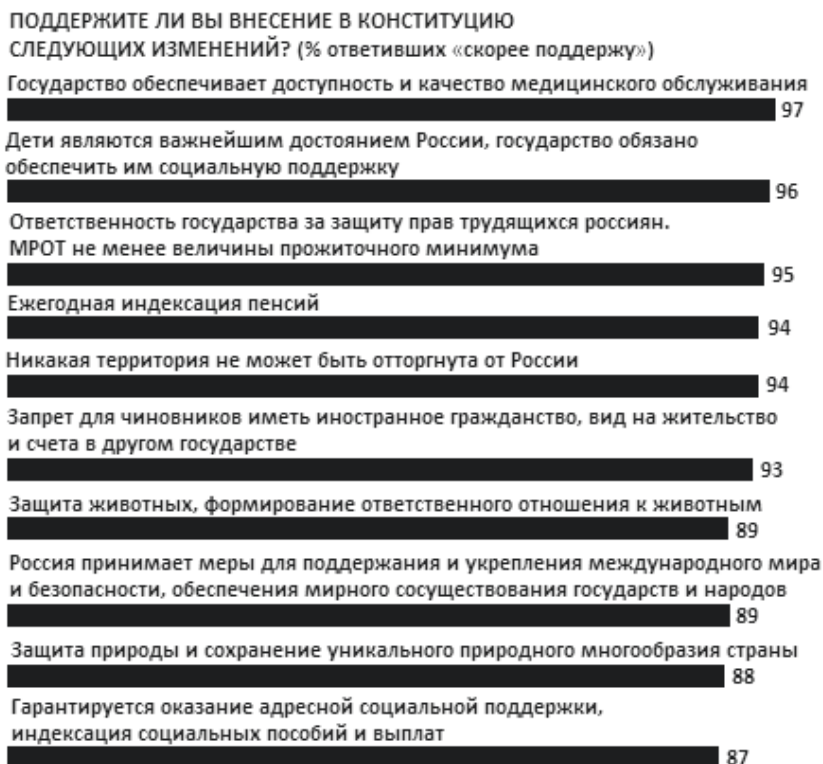

Рис. 2. Ответы на вопрос «Поддержите ли вы внесение в Конституцию следующих изменений?»

работают представители Челябинской области, это Владимир Мякуш, Валерий Гартунг, Павел Крашенинников, а также Александр Калинин — выпускник Челябинского филиала РАНХиГС, сегодня он возглавляет общественное объединение предпринимателей «ОПОРА России».

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Мы начали с характеристики состояния общественного мнения, теперь напрашивается вопрос: «О чем речь идет в поправках?». Прошу выступить доктора политических наук Виталия Иванова. Что же в итоге вносится на всенародное голосование?

Виталий Иванов, доктор политических наук, профессор ЧелГУ:

— Прежде всего я скажу о значимости Конституции как основного закона. Людям моего поколения довелось жить в разных политических системах, хочу обратить ваше внимание, что несбалансированная система государственной власти и политическая система в начале 1990-х гг. привела к конфликту внутри власти, расстрелу парламента. Это простой фактор, который говорит, к чему может привести неправильно прописанный закон, а тогда в Конституцию вносились изменения каждый день. Съезд народных депутатов или Верховный совет вносил эти поправки. Теперь что касается нынешних поправок в Конституцию. Почему именно сейчас предлагается обществу глубокая модернизация Конституции. Причины две. Первая — транзит президентской власти. Это уже не оспаривается ни самим Путиным, ни политической элитой. Президент не будет искать пути, чтобы остаться на своем посту. И далее об этом говорит одна из ключевых поправок, которые он предложил — фиксированное количество сроков на посту президента, два срока. Значит, наш ждет ротация элит в высшем эшелоне власти. Уходя с этого ключевого поста, президент (он это делает осознанно и целесообразно) пытается модернизировать систему организации прежде всего высшей власти, чтобы подстраховать общество и государство от некомпетентности возможного преемника. Поэтому создается система коллективной ответственности по ряду ключевых вопросов. Эта первая причина. Почему он это делает? В одном из интервью он сказал, что думал о преемнике с первого дня нахождения на посту

президента РФ. Он прекрасно понимает, что вызовы, которые ждут Россию сейчас, имеют глобальный характер, потому что у нас находится треть мировых ресурсов. Мы обложены санкциями не потому, что имеем определенную позицию по Украине, а потому, что не допускают нас в ранг самостоятельного субъекта международной политике. Не допускают нас реализовать этот статус. Дальше это будет усугубляться, поскольку Китай выходит на мировую арену. Ситуация «не допустить связки «Россия-Китай» со стороны коллективного Запада» будет встречать в отношении России конкретное принятие мер и санкционных, и информационных. Поэтому президент пытается модернизировать систему так, чтобы она была защищена от внешних угроз, плюс существуют внутренние угрозы, о которых он тоже говорил, а именно, сложный состав РФ. Мы имеем многообразие видов субъектов Федерации: у нас есть и республики, и автономные округа, автономная область, края. Масштабы огромны, этот фактор заставляет уделять огромное внимание механизмам политической власти, которые бы обеспечивали защиту от сепаратизма, внутренних конфликтов, подобных тому, который был в 1993 г.. Третий фактор. У нас Конституция принималась в 1993 г., в особых условиях, когда были распущены представительско-законодательные органы власти, когда была блокирована работа Конституционного суда, фактически работала только исполнительная вертикаль власти и президент. Влияние на ту концепцию Конституции со стороны представительных органов власти было минимальным — они просто были распущены. За 27 лет накопилось очень много изменений в самой политической системе, плюс сама Конституция в 1993 г. принималась в авральном режиме. Она имеет ряд дефектов, которые негативно в течение трех десятилетий сказывались на системе управления страной. Путин сталкивался с этими проблемами. Часть из них он решил с помощью муниципальной, административной, федеративной, партийной реформ. Эти принятые меры закреплены в федеральных законах, но не в Конституции. Есть возможность переиграть, пересмотреть. Путин хочет привести Конституцию в соответствии с той моделью власти, которая была выстроена им и его политической командой. Что предлагается сделать? Я буду говорить о поправках, которые были предложены президентом и легли в основу законопроекта, уже принятого Государственной Думой в первом чте-

нии 19 февраля. Предлагается внести три группы изменений в Конституцию. Первая группа изменений касается в целом России как федеративного государства. Что это за поправки? Первая часть поправок касается обеспечения национальной безопасности. Это приоритет российского законодательства над решением международных юстиций. Буквально два дня назад арбитражный суд в Гааге присудил России 50 миллиардов долларов к выплате в пользу ряда акционеров ЮКОСа. Аргументы Российской Федерации суд не принял во внимание. Из всех наших доводов судом принят только один. И подобная практика будет нарастать. Нас заставили выплатить 3 миллиарда долларов Украине по газовым контрактам. Использование международных судов как инструментов давления на Россию является элементом гибридной войны. Мы видим, что творится с допинговыми проблемами, наш спорт просто парализовали и уничтожают. Формально это законно, а фактически не требуют никаких доказательств, никакого справедливого судебного разбирательства. Поэтому, поправки по поводу приоритета российского законодательства над решением международных юстиций, очень своевременные и правильные. Это один из инструментов защиты суверенитета РФ.

Ряд поправок президент предлагает для более эффективного обеспечения национальной безопасности России с точки зрения выполнения чиновниками своих обязательств перед государством и обществом: ограничение на право иметь гражданство в других государствах. Справедливое и очень верное решение, потому что, если ты служишь государству, то ты должен быть гражданином именно этого государства. Параллельно предлагается поправка, которая комитетом Госдумы утверждена, — запрет на наличие банковских счетов в других государствах. Сейчас мы видим ситуацию, когда чиновники подвержены криминально-политической миграции. Они зарабатывают здесь, а прячутся там.

Вторая группа поправок — нормы, которые касаются России, как социального государства. У нас в Конституции написано, что Россия является социальным государством. На практике это очень с трудом прослеживается. Поэтому люди поддерживают поправки, связанные с индексации пенсий. Когда поправки по поводу повышения пенсионного возраста обсуждались, то некоторые чиновники пугали, что пенсионное обеспечение вообще может быть отменено. Чтобы снять эти опасения в обществе,

закрепить за государством обязательства, предложено установить МРОТ не ниже величины прожиточного минимума, гарантировать индексацию пенсий и сохранить солидарную пенсионную систему. Старшее поколение получила ответ на вопрос «А какая пенсия у меня будет?». Государство берет на себя серьезные социальные обязательства. Основная часть поправок касается, конечно, системы власти. Причем, в системе есть два новых принципиальных положения, на которых бы я хотел остановиться. Во-первых, вводится понятие системы публичной власти. Этого положения нет в старой Конституции, это был ее ключевой дефект, он мешал управлять страной. У нас местное самоуправление выведено в отдельный вид публичной власти, которое не входит в систему государственной власти, действует автономно. Эту автономию в 1990-е гг. мы помним как борьбу Тарасова и Сумина, Чернецкого и Росселя, мы помним яростные споры по поводу бюджета поселка Хомутино и Увельского района. Органы государственной власти субъектов Федерации тут тоже только общие принципы оставались за федерацией, института федерального вмешательства не было создано. Центр не мог повлиять на регионы и на местное самоуправление. Сейчас президент предлагает эту главную деформацию ликвидировать, ввести три уровня публичной власти: федеральный, региональный как государственный и местного самоуправления как вид власти по месту жительства граждан. Теперь три уровня будут связаны между собой, государственная власть сможет регулировать все процесс непосредственно по месту жительства человека без ограничений. Это принципиальное положение, которое утверждает результаты муниципальной реформы 2003 г. на уровне Конституции. Дальше, предлагается создать новый орган — Госсовет РФ. Это один из ключевых моментов конституционной реформы. Госсовет будет заниматься координацией действий органов власти и принимать решения по вопросам внутренней и внешней политики. Это орган будет как Съезд народных депутатов. Мы пока не знаем, кто будет возглавлять этот орган, а, самое главное, как он будет встроен в систему власти. Параметры нового института власти будут оформлены специальным конституционным законом. Это очень серьезно повлияет на саму систему власти. Что еще принципиально нового? Фактически внесены корректировки в саму систему разделения властей: отношения президента с парламентом, судебной влас-

тью. В российской Конституции президент как глава государства является ключевой фигурой. Он несет основную ответственность за внешнюю и внутреннюю политику. Сегодня президент может принимать огромное количество решений. Предлагаемые им изменения касаются, прежде всего, базовых решений, кадровых, например, назначения ключевых политических фигур. Президент предлагает усилить позиции парламента, предав им утверждение главы правительства и федеральных министров. До этого политические партии, представленные в Госдуме, давали только согласие на назначение главы правительства. После принятия закона они будут утверждать не только главу, но и заместителей правительства, министров, за исключением министров силового блока. Их президент будет назначать сам после консультации с Советом Федерации. Теперь ответственность за деятельность правительства будет нести не только президент, но и парламент. Важно то, что раньше президент был над ветвями власти, то теперь он будет осуществлять общее руководство правительством. Это ключевой признак президентской республики. Премьер-министр будет персонально отвечать за свою деятельность перед президентом, президент может освободить любого члена правительства, включая председателя. Что касается парламента, то президент предлагает разделить ответственность в назначении членов правительства, его председателя, Совету Федерации в назначении прокуроров субъектов Федерации, судей Конституционного и Верховного Суда. В отдельный блок можно вынести поправки о гарантиях президенту, который уходит с занимаемой должности. Вводится механизм неприкосновенности президента, он есть сейчас в федеральном законе, теперь это вводится в Конституцию, привлечение президента к ответственности, возможно, в порядке, предусмотренном процедурой импичмента действующему президенту.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Полномочия президента увеличиваются или сокращаются?

Виталий Иванов, доктор политических наук, профессор ЧелГУ.

— Если брать в целом всю концепцию поправок, то полномочия президента увеличиваются, но ответственность за кадровые назначения делится между президентом и основными органами власти.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Для обывателя эта часть конституционной реформы наименее понятна и прозрачна. Даже если мы посмотрим на данные опросов, то социальная составляющая здесь доминирует. Но позволю комментарий к выступлению Сергея Зырянов. Да, 92 процента поддерживали идею пенсионных гарантий, но эта же позиция в лидерах и антирейтинга. Противоречие очень интересное, я хочу пригласить к нашему разговору Галину Михайловну Казакову, доктора культурологии, советника ректора аграрного университета. Что предлагается изменить в Конституции по социальной составляющей?

Галина Казакова, доктор культурологии, профессор, советник ректора ЮУрГАУ:

— Я вначале бы хотела сказать о социокультурном контексте, в котором мы сейчас пребываем и в котором происходят поправки в Конституцию. Конституция — это фундаментальный закон, в какой-то своей части он должен быть статичен, незыблем. Но, если не будет изменений, то он перестанет, условно говоря, быть живым законом. Необходимость поправок — вещь нормальная, вещь бытовая. Отмечу, что в США, где временной опыт демократии в 10 раз больше, чем у нас, было предложено внести 5 тысяч поправок в Конституцию. У нас — 500 поправок. У них внесение поправок длилось с конца XVIII в. до конца XX в., из 5 тысяч поправок экспертизу прошло всего лишь 27 поправок. Ратифицировано было 26, потому что одна поправка «съела» предыдущую. Второй момент. Вот у нас сегодня приводилась статистика, сколько человек читало Конституцию, а сколько нет. Одна олимпийская чемпионка не постыдилась и сказала, что она наконец прочитала Конституцию. Кремль сказал, что ее признание делает ей честь. Хочу сказать, что Конституцию в большинстве своем читали и изучали, если не все, то почти все. Изучение Конституции внесено в учебные программы курса обществознания. Другое дело, что изучают ее в 15—16 лет, со временем забывают её статьи. Еще один момент. Если у нас Конституция действительно рабочая, соблюдаются все ее условия, то работа системы налажена. Как говорится, хорошего руководителя не должно быть видно. Конституция работает по умолчанию, поэтому нам было бы неплохо достичь такой ситуации. Ну и обращаюсь к примеру американского общества, граждане которого по утрам поднимают флаг своей

страны. В 2006 г. был проведен опрос по поводу того, насколько американцы знают знаменитые пять поправок Билля о правах 1791 г. Это поправки о свободе слова, прессы, общественных высказываний. Так вот, из тысячи человек эти пять поправок знал только один человек. А перечислить имена пяти членов семьи Симпсонов из мультипликационного сериала смогли 250 человек. В каких случаях обычно вносятся поправки в Конституцию? Их три. Первая, это когда по каким-то объективным причинам проигнорировали какие-либо события. Второй случай, это когда в ходе конституционной практики обнаружилась двусмысленность толкования статей. Это и один из наших случаев, это слово «подряд» к срокам президента, по мнению действующего президента, вносило двусмысленность. Это вошло в первые его поправки. Еще один случай — это изменившиеся исторические реалии. Наша Конституция 1993 г. и реалии 2020 г. — это разные вещи. Поэтому готовность людей к голосованию за поправки показывает то, что президент угадал, отразил чаяния общества. Это социокультурный контекст, в котором происходят эти поправки. Что касается социальных последствий. Поправки касаются политических, идеологических и структурных вещей. Но в Конституции было сказано, что источник власти — это народ. Последствия смены политической инфраструктуры будут социальными. Прежде всего, социальные гарантии должны прогнозироваться как результаты меняющейся политической конфигурации. Сейчас не так часто говорят об этих социальных результатах, либо ограничиваются только требованиями пенсионеров, чтобы проиндексировали пенсии. Но мне кажется, что широкое обсуждение — это хорошо, но некоторые СМИ пишут, что страхи движут людьми. Это безответственное заявление, в нашем обществе не страхи движут людьми. У людей сейчас много чувств, может быть недоумение, может быть, горечь, усталость. Нагнетать обострение ситуации излишне. Людьюми движет желание преобразовать, сделать что-то лучше, причем требовать это не только от власти придержащих, но и реализовать что-то своими силами. И еще один момент, можно сказать, что это моя индивидуальная поправка в Конституцию. Кстати, хорошо, что много поправок, потому что количество перейдет в качество, найдется именно та формулировка, которая будет особо точна, юридически точна, без двойного толкования отражать ту или иную

реалию. Несмотря на то что я отношусь к категории людей предпенсионного возраста, меня интересует не только поправка об индексации пенсии. Конституция не должна разбухать, это должен быть лаконичный основной закон, который конкретизируется подзаконными актами и всякого рода кодексами. Поправка об индексации пенсий есть в подзаконных актах, но меня интересует поддержка молодежи. Наша гарантированная пенсия — это спокойствие и социальная востребованность наших детей. Важно, чтобы государство не продуцировало поколенческий конфликт отцов и детей в семье. Важно, чтобы это не стало основанием для официальной политики государства, запрет не должен оставаться основной формой взаимодействия с подрастающим поколением. Вместо конфликта на смену должен прийти диалог. Очень важно, чтобы при разработке молодежной политики было грамотное понимание того, что такое территория молодежи, что такое музыка молодежи, их увлечения и так далее. В свое время Якушев, экс-губернатор Тюменской области проводил академические дни для всех членов правительства по какой-либо общей социальной тематике. Было бы неплохо, чтобы встречи со специалистами, умеющими изложить внятно сложные проблемы, проводились и для тех, кто принимает управленческие решения.

Сергей Зырянов, доктор политических наук, директор Челябинского филиала РАНХиГС:

— Как вы угадали, у нас в филиале Президентской академии каждый месяц проходит «Час правительства». В Президентскую академию приходят министры, начальники управлений, которые выступают перед студентами. Приглашаю всех студентов-политологов на эти встречи.

Галина Казакова, доктор культурологии, профессор, советник ректора ЮурГАУ:

— Я бы предложила другой вектор, есть час правительства, а есть академический час в правительстве. Говорить об изменившихся социокультурных трендах и объяснять эти тренды. В этом нет ничего зазорного, потому что не каждый должен быть специалистом в какой-то узкой социальной сфере. Что касается молодежной политики, какая музыка, почему именно такие тексты и запрет работает в эту сторону или в другую? О молодежной политике я бы внесла поправку в Конституцию отдельно.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Передаю слово Андрею Пассу. Политический смысл всей этой кампании по внесению поправок в Конституцию в чем вы видите?

Андрей Пасс, доктор исторических наук, профессор ЧелГУ:

— Я хочу отметить увеличение образованности нашего современного общества, теперь уже не так, как в 1825 г., когда декабристы выводили солдат на Сенатскую площадь и те думали, что Конституция это жена великого князя Константина. Внимательно слушал выступающих и несколько таких аллюзий у меня возникло. Что касается Госсовета, Виталий Николаевич очень хорошо аргументировал необходимость этого органа в целях углубления коллективности руководства. Опять же обращу ваше внимание, что первым автором идеи Госсовета был император Александр I. Некоторые чиновники из его ближайшего окружения думали, что это прообраз Конституции. Все это закончилось пшиком. Коллективное руководство, могу привести примеры, когда у нас были очень короткие периоды в истории, когда коллективное руководство считалось легитимным, консенсусным, это после смерти Ленина и после смерти Сталина. Оба раза эти периода заканчивались установлением автократии, довольно жесткой. Я не хочу проводить аналогий, но хочу сказать, что такими одномоментными поправками в закон проблема не решается.

Виталий Иванов, доктор политических наук, профессор ЧелГУ:

— Если посмотреть, то параллельно вносится поправка, которая жестко ограничивает деятельность Совета Безопасности. Это ключевой орган при президенте, принимаются важные решения по внутренней и внешней политике. Поправка будет ограничивать деятельность по проблемам национальной безопасности и внутренним и внешним аспектам. Госсовет будет сдерживать авторитаризм именно со стороны президента. В Госсовете будут представлены все губернаторы, правительство, президент, руководители парламента. Будет коллективный противовес решениям президента. Плюс сейчас согласованием интересов элит занимается «Единая Россия». Госсовет станет площадкой, где будут согласовываться интересы региональных элит и федеральных элит.

Андрей Пасс, доктор исторических наук, профессор ЧелГУ:

— Я согласен, что очень много разумных аргументов было приведено в пользу изменений Конституции, но я хотел бы задать и себе и присутствующим вопрос: «А почему именно сейчас?». Еще недавно президентский срок исчислялся 4 годами, времени достаточно, но меня не покидает ощущение некой поспешности в продвижении этой процедуры. У меня есть несколько соображений. В принципе, Путин получил легитимацию своей власти в 2018 г. на 6 лет. Тут же он использовал этот ресурс абсолютного доверия народа для того, чтобы провести крайне непопулярную меру, а именно, пенсионную реформу. Я тоже был недавно человеком предпенсионного возраста, теперь меня сделали молодым. Росчерком пера из моего кармана за пять лет вытащили миллион рублей. Эта пенсионная реформа была так подгадана под Чемпионат мира, чтобы ее не заметили, пропустили. Эта легитимность в значительной мере потерпела ущерб, ее надо укрепить, и заодно через этого голосование всенародное легитимировать пенсионную реформу. На мой взгляд, такое поле неопределенности создалось, появилась возможность для появления темной лошади на политическом поле, как это было в момент второго избрания Ельцина. Тогда, как черт из табакерки выпрыгнул Лебедь, с ним пришлось считаться. Теперь любой оппозиционер мог бы воспользоваться случаем и пообещать вернуть все на свои места, отменить реформу. Он мог бы и не победить, но получил бы проходной билет в большую политику на долгие годы. Этого власть не хочет допустить, голосуя за поправки, народ соглашается однозначно и бесповоротно. Этот вопрос уходит из политической повестки. Мне кажется, это не главный мотив, но его нельзя не замечать. Надеюсь, что будущая Конституция позволит нам более активно защищать наши права.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Коллеги, я передаю слово Андрею Николаевичу Трушникову.

Андрей Трушников, директор по информационной политике Медиахолдинга «Граната Пресс»:

— Я бы не хотел обсуждать конституционные поправки, я не юрист, пусть юристы, политики сгруппируют, объяснят мне

как обывателю, что они хотят сделать, а я решу, где мне галочку поставить. Я хочу поговорить немного о другом, о двух аспектах того, что сейчас происходит. Первый аспект задела Галина Михайловна, когда говорила, что Конституция — это основной закон страны, он существует в образовательных программах. Я некоторое время побывал на образовательных баррикадах, преподавал обществознание, поэтому понимаю, в каком виде Конституция в нём присутствует. Она присутствует очень формально, у нас есть две книги, которые все знают, на которые все ссылаются и которые при этом никто не читает. Это Библия и Конституция. Статьи в этих книгах все примерно одинаково понимают, и Библию, и конституцию в наших школах преподают и объясняют, какие статьи в них есть. Объясняют ли они суть того, что там написано, понимает ли наше подрастающее поколение, да и взрослое поколение, смысл понятия «свобода»? Что такое свобода? Мне кажется, многие это понимают, как некоторый набор букв, не более того. А когда мы видим за свободой лишь некоторый набор букв, то мы и относимся к этому как к надписи на упаковке молока. По этой причине я делаю вывод, что нужно юридически и политически вносить поправки в конституцию или не нужно, это один вопрос. Но то, что обсуждение вокруг Конституции затеяли, в этом уже громадный плюс. Большинство не только наших жителей страны узнали о том, что у нас Конституция существует, но и большинство наших политиков узнали о ней. Через меня проходит огромное количество комментариев сегодняшних политиков, так Исинбаева — это один из знатоков Конституции, поверьте мне. На самом деле многие политики ее никогда не читали и, что самое обидное, не читают до сих пор. Библию они читают, но в определенных случаях: перед тем, как пойти в суд и перед тем, как умереть. Теперь второй аспект, более важный для меня. Я считаю, что, то, что сегодня происходит с Конституцией, это вызов профессиональному сообществу — политологам и журналистам. Мы с вами оказались между двух огней: между властью и народом. Власть инициирует поправки, народ принимает их или нет, а мы должны объяснить идеи одних — другим. И вот сейчас, насколько мы эффективно это сделаем насколько мы можем эффективно использовать современные информационные институты, настолько и изменится наша страна. Можно использовать эти инструменты для того, чтобы просто пустить пыль в глаза и техно-

логически решить проблему голосования за Конституцию, а можно тем, чтобы донести до людей простую мысль. Не на выборах люди определяют будущее страны, а когда подписывают и принимают основной закон страны, который будет действовать не день, не два, а несколько десятилетий. Если мы донесем это до людей, то наши имена если не в истории останутся, то хотя бы в контекстах студенческих. А если не донесем, то мы тоже там останемся, но только с другой стороны тетради, и с другими оценками.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Коллеги, на нашем подиуме присутствует Ярослав Нифонтов, студент Челябинского филиала РАНХиГС, который готов рассказать о своей позиции.

Ярослав Нифонтов, студент Челябинского филиала РАНХиГС:

— В пункте 6 статьи 1 вышеуказанного проекта содержится следующая формулировка: «В РФ формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также регулярно осуществляется индексация размера пенсий в порядке, установленном федеральным законом». Возникает вопрос о размытости формулировки, как будет Конституционный суд определять понятия справедливости, солидарности поколений? Ранее данная формулировка не была установлена в законе. А как регулировалось данное положение по индексации пенсий федеральным законом, в котором сказано, что пенсия индексируется только нерабочим пенсионерам, так и будет. Все законопроекты, которые вносились оппозиционными парламентскими партиями, чтобы пенсия индексировалась рабочим пенсионерам, отклонялись. К сожалению, маловероятно, что пенсия будет индексироваться и рабочим пенсионерам. Также остается спорным положение о расширении полномочий парламента. Это было бы реальным, если бы Госдума сама бы формировала корпус правительства, за который бы в последствии голосовала. Расширение полномочий Конституционного суда также остается неоднозначным, ведь согласно поправкам у него становится больше работы. В нынешних поправках также закрепляется такой орган, как Госсовет, намекая на казахстанский вариант транзита власти. Остается

не ясным, какими полномочиями он будет обладать, так как представительный аспект регионов дублирует функцию Совета Федерации. Также мне интересно, как поступит Венецианская комиссия Совета Европы с поправками, затрагивающими аспекты конституционного права. Этот вопрос является спорным, он регулируется нормами международного права. В заключении, хочу сказать, что данные аспекты подразумеваются с целью балансировки ветвей власти. В статье 104 нынешней Конституции перечисляются органы государственной власти, которые имеют право законодательной инициативы. В нынешней редакции это президент РФ, Совет Федерации, члены СФ, депутаты Госдумы, правительство РФ, законодательные органы регионов РФ. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному суду РФ и Верховному суду РФ. Однако мне, как активному участнику избирательного процесса, достаточно обидно, что таким правом не обладают Центральные избирательные комиссии. Они занимают далеко не последнее место в политической жизни нашего общества, но при этом не обладают законодательной инициативой. Затрагивая тему избиркомов, хочется сказать, что некоторые избирательные комиссии, в том числе и избирательная комиссия Челябинской области, обладают законодательной инициативой, а ЦИК нет. Поэтому инициатива данного органа вносится в Нижнюю палату либо президентами, либо депутатами Госдумы. На мой взгляд, когда весь мир стоит на пороге электронного голосования, было бы разумно дать право законодательной инициативы ЦИКу.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Продолжается волна идей, поправок, креатива, передаю слово Екатерине Прилуковой.

Екатерина Прилукова, доктор философских наук, профессор ЮУрГУ:

— Двумя руками мы голосуем за такие поправки, как целостность территорий, это гарантия безопасности страны. Но, с другой стороны, возникает демографическая проблема: сможем ли мы обслуживать эту территорию? Это очень существенный вопрос. И число бюджетных мест в вузах в регионе не означает гарантии сохранения там молодежи. Нужны к этим бюджетным местам рабочие места для выпускников вузов, реальные, которых, увы, не хватает. Мы только

при губернаторе Дубровском заметили рост валового продукта в 1,7 %. Второй момент тот, который еще с XIX в. юристы обсуждают, Уральская юридическая школа и Уральский юридический университет выступают с инициативой приведения в соответствие с государственной практикой управления статуса муниципальной власти. Она на самом деле конституционно не закреплена. Это сейчас здесь мы обсуждаем высокие материи, но мы приходим в магазин, я соотношу то, что у меня в кармане и то, что на ценнике, а не какова макроэкономическая ситуация, каков курс доллара и насколько быстро распространяется коронавирус. Я живу в повседневности, и поэтому Конституция мне нужна как основополагающий документ. Местная, муниципальная власть должна заботиться о повседневности. Хорошо изучать американский опыт, но в своем доме хотелось бы жить по своим законам. Нужно свой опыт изучить прежде всего, а он у нас великолепный. 22 апреля — очень короткий срок для принятия поправок, ведь нужно разбудить общественность. 22 апреля — еще и день рождения Ленина.

Александр Федотов, кандидат исторических наук, доцент ЧелГУ:

— Я внимательно прослушал все спикеров, хотел бы отметить один аспект внесенных президентом поправок, а именно, продолжающийся процесс национализации элит. В указанных поправках достаточно много внимания уделяется запрету на двойное гражданство для лиц, замещающих высшие государственные должности в РФ, причем не только федерального уровня, но и регионального. Мы говорим здесь о губернаторах, а также о депутатах, сенаторах. Этот запрет касается не только тех лиц, которые имеют паспорт другого государства, но и вид на жительство — достаточно распространенное явление среди нашей политической элиты. Запрет затрагивает наличие других юридических документов, которые дают право на постоянное проживание. Это очень серьезный запрет, потому что он вводится для тех, кто покупает имущество за рубежом с целью получить права резидента того или иного государства. Мы знаем о возможности беспрепятственного въезда в ЕС, приобретая имущество, например, в славной Республике Кипр. Среди российского истеблишмента много патриотов, но много и киприотов. Запрет, вносимый в Конституцию, а даже не Федеральные конституционные законы, причем, вносимый накануне выборов в Госдуму, свидетельствует о стремлении президента

отфильтровать политическую элиту России именно по этому критерию. Здесь можно говорить об определенном отходе от принципов глобализма, принципов интеграции в международное сообщество. Это не секрет, что Россия сегодня замыкается в рамках своих государственных границ. Идея о приоритете российского национального законодательства над международным правом тоже отражает данную тенденцию. Но, в первую очередь, данные поправки — попытки перестроить российскую политическую элиту, причем, отсекая возможность для большинства, которое имело двойное гражданство, быть избранными.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Коллеги, кто еще хочет высказаться?

Владимир Дьяков, профессиональный психолог:

— У меня вопрос к Виталию Николаевичу. Вы говорили о том, что президент вносит поправки в Конституцию, согласно которым не только он будет нести ответственность за решения, но и Госдума. Это очень интересная штука — объединение ответственности, и внешне она выглядит очень интересно, но когда нет прецедента к конфликту. Потому что, когда есть прецедент к конфликту, например, президент обращается в Госдуму и озвучивает какую-то претензию к их работе, то депутаты эту претензию отвергают, ведь решение было принято совместно. Те приходят к президенту и говорят: «Президент, вам импичмент». Тогда президент, в свою очередь, рекомендует депутатам собрать свои портфели. Пока нет конфликта, эта схема выглядит очень здорово, а, когда есть конфликт разных ветвей власти, то возникают такие истории. Получается, что все будут максимально благосклонны друг к другу, будут стараться не замечать каких-то огрехов в принятии тех или иных решений? На мой взгляд, исходя из того, что я сказал, как бы вы сейчас прокомментировали данное предложение по внесению изменений в Конституцию. Прошу и Сергея Григорьевича добавить пару слов по этому поводу.

Виталий Иванов, доктор политических наук, профессор ЧелГУ:

— Если мы посмотрим на саму конструкцию взаимодействия президента и парламента, то увидим, что она не предполагает конфликта между парламентом и президентом. Это уроки 1993 г. Заложенные юриди-

ческие механизмы делают неприемлемым ущерб для депутатов. Например, отклоняется трижды внесенная президентом кандидатура председателя правительства, президент распускает парламент. Решили депутаты принципиально настоять и дать отрицательную оценку правительству, если они это делают дважды в течение трех месяцев, президент может распустить либо правительство, либо парламент. То есть, находясь на посту депутата, вы сто раз подумаете, утвердить свою позицию или пойти на открытый конфликт. Эта конструкция в принципе нивелирует возможность конфликта. Закладывается дополнительная опция, которая защищает президента от парламентского большинства, радикально настроенного против него. Помоему, в 102 статье Конституции вводится право президента не подписывать ветоированный их закон. Сейчас, если парламент настоял на своем, принял закон, отдает президенту, президент накладывает вето, но парламент настаивает на своем, после преодоления вето парламентским большинством, то президент обязан подписать. Теперь вводится норма, по которой президент не обязан подписывать, если он сомневается. Он отправляет его в Конституционный суд, в течение 7 дней Конституционный суд дает заключение, что законопроект что-то нарушает или нет. Это защищает представительную и президентскую власть от радикальных решений. Наш президент сказал так: у нас незрелая политическая система. Для того, чтобы у нас был реальный политический конфликт, должны быть конкурентоспособные политические партии.

Сергей Зырянов, доктор политических наук, директор Челябинского филиала РАНХиГС:

— Политика — это всегда искусство выбора. Когда мы говорим о Конституции, то понятно, что это искусство доступного для реализации выбора между тем, что было, что есть и тем, что хочется иметь в ближайшее время. Конечно, в идеале хочется, чтобы более четко был прописан механизм сдержек и противовесов в Конституции, даже эти поправки, о которых мы сейчас говорим, не до конца эту систему выстраивают. Но, пожалуй, самое важное, когда мы говорим о механизме сдержек и противовесов, то должны действовать три независимые ветви власти, они же должны агрегировать, выражать и защищать интересы граждан. И последнее, о чем хотелось бы сказать. Инициатива поправок в Конституцию принадлежит представителям властных структур, верхушке полити-

ческого класса, но жить по этой конституции тем 146 миллионам граждан России, которые пойдут и проголосуют за них. Здесь весьма опасен риск разочарования, которое может возникнуть после того, как это все произойдет, поправки в Конституцию примут, а экономическая жизнь нашего общества и государства не будет эффективно меняться, так, чтобы росло благосостояние граждан, чтобы степень их материальной свободы повышалась. Будет повышаться степень материальной экономической свободы, будет повышаться и степень политической свободы. Поэтому конфликт нужен, политические конфликты несут в себе определенную самокритику сформировавшейся системы почти всегда. Но нужна и культура взаимодействия и власти, и людей, которая основана на равноправном диалоге, позволяющем достигать компромисса, и таким образом разрешать конфликтную ситуацию. У нас культура политического диалога между властью и обществом отсутствует, чаще наблюдается монолог. А если говорить о диалоге, то это попытки протестов в 2019 г. после запрещения митингов. Эта другая грань этой культуры, идущая сверху вниз. Можно собрать миллионы подписей по тому или иному вопросу, а можно выйти на улицу. Выбор за людьми, за гражданами.

Данил Янов, студент ЧелГУ:

— Почему говорят о том, что процесс внесения изменений в Конституцию произошел слишком резко? Но на самом деле я уже где-то с 2015 г., особенно среди молодежи, я уже тогда видел недовольства властью. Это тогда первые разговоры про конституцию пошли среди моего поколения, пошел интерес в сторону политологии, политики. Все это развивалось тогда. Были разные перформансы, когда буквально хоронили Конституцию, хоронили Россию. Скорее всего, уже задолго до этого, до 2020 г., это все видели и готовились к этому. Одна из причин изменения Конституции — это не только пенсионная реформа, как мне представляется, это также и конфликт с молодежью, вплоть до того, что сегодня считается, что гражданское общество — это то общество, которое не взаимодействует с государством, а противостоит ему. Возможно, частью этой проблемы является эффект черных очков, когда многие СМИ, независимые или зависимые от каких-то определенных людей, оглашают новости и любые события только с плохой стороны, а не с хорошей. Сейчас очень важно закрепить в Конституции насчет молодежи то, что важно считаться с её интересами. Нужно

найти какой-то способ вести более открытый и доверительный диалог с молодежью. Я думаю, всем здесь хорошо известна опасность юношеского максимализма, который может легко перейти в радикализм и даже в революционные настроения.

Сергей Зырянов, доктор политических наук, директор Челябинского филиала РАНХиГС:

— Да, на практике этого исключать нельзя.

Василий Зорин, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук и международных отношений ЧелГУ:

— Хочу в завершении нашего разговора поблагодарить вас и заверить в том, что «Экспертный клуб Челябинска» будет собираться еще не раз, наши двери открыты, мы готовы обсуждать любую проблему, в том числе с участием политологов, которые объединены челябинским отделением Российского общества политологов, а наш разговор будет иметь продолжение и не только до 22 апреля, но и позже. С теми поправками Конституции, которые мы примем, нам дальше жить, и нам уже в самое ближайшее время нужно давать ответ себе, насколько это все сработало, было необходимо, правильно, те ли решения были приняты или нет. Я бы хотел подчеркнуть один момент, который сегодня не отмечали, а стоило бы. Если посмотреть с точки зрения содержания на эти поправки, у меня складывается впечатление, что они для всех. То есть если российское современное общество разложить на какие страты социокультурное, то в том наборе поправок может найти себе что-то каждый. Критически настроенный к власти человек скажет: «Ну вот, у меня появился момент сказать свое слово, наконец-то, что-то меняется. Всего 16 поправок, но большинство из них — это переименование субъектов РФ, формальные моменты. В общем-то, за эти 26 лет к Конституции можно сказать, что не притрагивались. Ее, грубо говоря, как священную корову воспринимали, господствовала позиция, что конституция хороша тем, что она неизменна. Но мы видели данные, что такое восприятие уходит. Я к чему это, молодые коллеги, это же исторический шанс, 26 лет ничего такого не было. Сейчас это тот процесс, когда каждый может сказать, что мы живем по тем законам, в той стране, которую мы сформировали и выбрали. 22 апреля близко, призываем всех не оставаться в стороне. Это исторический шанс, и вовсе не очевидно, что нам удастся в этом поучаствовать.

ЦЕНА ПОБЕДЫ: ЧТО ПОМНЯТ И ЗНАЮТ СТУДЕНТЫ РОССИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (четвертая волна федерального проекта Российского общества социологов)

Очередная (уже четвертая по счету) волна социологического исследования, целью которого является выяснение отношения студентов России к событиям Великой Отечественной войны, инициированное Российским обществом социологов (РОС), завершилась в марте 2020 г. Тематика online-опроса не случайна, как минимум, по двум обстоятельствам. Во-первых, Указом Президента РФ Путина В. В. от 8 июля 2019 г. № 327 год 75-летия Победы (2020 г.) объявлен Годом памяти и славы. Во-вторых, проведение исследования «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» — это уже добрая традиция РОС, ведущая свой отсчет с 2005 г. Первое исследование, посвященное 60-летию Победы, предоставило исследователям большой объем информации, позволивший привычный мир увидеть в ином ракурсе. И было принято решение продолжить проведение данного исследования, переводя его в статус мониторинга с пятилетним интервалом.

Исследование этого (2020 г.) оказалось самым масштабным по сравнению с предыдущими. Так, в 2005 г. к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне анкеты заполнили около 2000 студентов из разных регионов России. В 2010 г. к 65-летию Победы в исследование включились 3482 студента из 36 вузов 15 городов страны. В 2015 г. инициативу РОС своими ответами на вопросы анкеты поддержали 4652 человека, в том числе 4591 студент из 45 вузов 20 различных городов России и 61 молодой специалист. В 2015 г. впервые в истории этого исследования были опробованы методики online-анкетирования. Через Интернет-опрос на CAWI-сервере организаторы получили 1295 анкет. Новая форма опроса заставила внести коррективы в формулировку вопросов и построение анкеты, но ее основа сохранялась на всех этапах (и сохраняется в настоящее время), что позволяет проследить, выявить те изме-

нения, которые происходят в общественном сознании современной молодежи.

Российское общество социологов склонно рассматривать проведение социологического опроса студентов как форму актуализации исторической памяти, что подтверждается в том числе и комментариями студентов, которые они размещали в социальных сетях после прохождения online-опроса. Так, например: «Пройдя опрос, ответив на все вопросы честно, был благодарен тому, что есть люди, создающие данные опросы, волнующиеся о памяти и отношении нас, нового поколения, к героизму и жертвенности нашего народа, также был приятно удивлён ответам других участников данного опроса. Только память и неравнодушие помогут человечеству не совершить ошибки прошлого» (м., 19 лет, Волгоград).

В стране выросло новое поколение молодежи, для которых Великая Отечественная война — это в большей степени параграф из учебника, кинофильм, книга о войне... Участники боевых сражений и труженики тыла — в наше время «быстро уходящая натура», даже «дети войны» уже преклонного возраста. Память очевидцев событий ВОВ трансформируется в иной вид памяти, и важно знать, что именно хранит память молодого поколения.

Масштабы поля четвертой волны исследования впечатляют (см. рисунок).

Считаем важным обратить внимание на тот факт, что проведение и участие в исследованиях РОС — это научное волонтерство, добрая воля тех, кто решил присоединиться к проекту. Рабочая группа этого проекта — представители разных городов и университетов страны, это: бессменный руководитель исследования (всех 4 волн!) д-р филос. наук, проф. Юрий Рудольфович Вишневецкий (Екатеринбург), члены коллектива д-р соц. наук, проф. Н. В. Дулина (Волгоград), канд.соц.наук, доцент Е. Н. Икингрин (Нижевартовск), ст. науч. сотрудник ФНИСЦ РАН Е. И. Пронина (Москва), д-р соц. наук, проф. Г. С. Широкалова (Нижний Новгород), канд. соц. наук, доцент Д. В. Шуруин (Екатеринбург), организовавший работу с общим массивом и первичную обработку собранной в ходе исследования информации. Но что важно. Проект просто не состоялся бы без поддержки и участия преподавателей, проводивших социологический опрос в своих вузах, а география четвертой волны опроса включает в себя более чем 80 вузов из 50 городов России. Особенность четвертой волны исследования в том, что к нему присоединились не только

* в том числе незначительное количество студентов с неидентифицированным гражданством.

Структура респондентов, принявших участие в социологическом исследовании

студенты — граждане других стран, приехавшие на учебу в российские вузы, но и студенты, живущие и обучающиеся в странах бывшего Советского Союза. Рабочая группа проекта выражает уверенность, что и через пять лет проект будет продолжен. Особая благодарность директору Челябинского филиала РАНХиГС, д-ру полит. наук, проф. С. Г. Зырянову за поддержку исследования РОС во всех четырех волнах (2005, 2010, 2015, 2020 гг.).

Проект «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» уже имеет свои традиции. Одна из них — это представление полученных результатов на публичное обсуждение (статьи, монографии и пр.), предоставление в открытый доступ

полученной информации на сайте РОС, чтобы все желающие могли использовать их в своей работе.

Рабочая группа проекта приглашает всех, кому интересны проблемы, затронутые в представленном выше исследовании, представить свои размышления на Всероссийском социологическом конгрессе в Тюмени в 2020 г., в рамках сессии «Помним, гордимся... Молодежь России о Великой Отечественной войне и проблемы патриотизма».

*Ю. Р. Вишнеvский,
Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин,
В. А. Мансуров, Е. И. Пронина,
Г. С. Широкалова, Д. В. Шуруин*

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text of the article should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

